

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 18, № 1, ФЕВРАЛЬ 2019

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 18, № 1, FEBRUARY 2019

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-1

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

Published Four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>; Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on history and current state of Russia's relations with the peoples of Europe, Asia, America, Africa as well as its efforts to promote its foreign cultural diplomacy. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, Directory of Open Access Journal (DOAJ), Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории и современному состоянию транснациональных связей России с народами Европы, Азии, Америки, Африки и ее усилиям, направленным на развитие культурного диалога. Журнал нацелен на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.university

Подписано в печать 15.02.2018. Выход в свет 23.02.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 16,25. Тираж 500 экз. Заказ № 6. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands* (M.Kemper@uva.nl)

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia* (moseykina-mn@rudn.ru)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia* (arslanov-ra@rudn.ru)

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia* (kornoukhova-gg@rudn.ru)

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *Oxford University, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russian Federation*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirska, *Academic College of Ahva, Israel*

Review Editor K.V. Zenkin

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10/2 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Михаэль, *Амстердамский университет, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадила Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет
имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Схиммпельпэнник ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Канада*

Хеслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

CONTENTS

IN THIS ISSUE	8
THE 100TH ANNIVERSARY OF THE VERSAILLES PEACE. THE GREAT WAR'S ECHO IN RUSSIA	
Irina V. Volkova , Russian Military Construction against the Background of Militarization of her Allies and Opponents, and its Trial by War	11
Maxim V. Os'kin , Demobilizing of the Romanian Front in Winter 1917–1918 and the Fate of Russian Military Property in Moldova and Bessarabia	31
Nikolai I. Dmitriev , The Russian–Czechoslovak Chamber of Commerce and Industry in the Urals during the Russian Civil War (1918–1919)	50
Olga S. Porshneva , Bolshevik Engineering of the “New Man” in the early Soviet Period: Theoretical bases, Political and Ideological Priorities, Evolution of Approaches	67
Yulia M. Galkina , The French Journalist René Marchand: Some Facts about “Soviet Russia’s Friend”	85
Maxim K. Chiniakov , Russian Troops in France and the Balkans (1916–1918) in the Historical Memory of the 20 th – early 21 st Centuries	101
Zoya S. Bocharova , The Fate of World War I Combatants in the History of the Russian Diaspora	125
Maria V. Katagoshchina , World War I in Private and Corporate Collections of Russia and the Russian Expatriate Community	151
REVIEW	
David Schimmelpenninck van der Oye, Sergei A. Mironyuk (reviewers), Bystrova, Nina E. <i>‘Russkii vopros’ v 1917 – nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy</i> . Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016, 368 p.	182
SCHOLARLY LIFE	
Michail G. Talalay, Kristina Chimanskaia , Russia and Italy in the Dialogue of Cultures. Scientific and Public Round Table to the 110 th Commemorative Date of the Tragedy in Messina. September 25, 2018, Messina, Italy	187
INFORMATION	
Contributors to this issue	194
Call for papers for the 2019 annual program	197
Submission guidelines	198

СОДЕРЖАНИЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ	8
К 100-ЛЕТИЮ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА. ЭХО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ	
Волкова И.В. Российское военное строительство на фоне милитаризации стран союзников и противников и его испытание войной	11
Оськин М.В. Демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 г. и судьба русского военного имущества в Молдавии и Бессарабии	31
Дмитриев Н.И. Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата в годы Гражданской войны на Урале (1918–1919 гг.)	50
Поршнева О.С. Большевицкое проектирование «нового человека» в раннесоветский период: теоретические основы, политико-идеологические приоритеты, эволюция подходов (на англ. языке)	67
Галкина Ю.М. Французский журналист Рене Маршан: несколько штрихов к портрету «друга советской России»	85
Чиняков М.К. Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в пространстве исторической памяти XX – начала XXI в.	101
Бочарова З.С. Судьба комбатантов Первой мировой войны в контексте истории Зарубежной России	125
Катагощина М.В. Первая мировая война в зеркале частных и корпоративных историко-культурных коллекций России и Российского зарубежья	151
РЕЦЕНЗИИ	
Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д., Миронюк С.А. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с. (на англ. языке)	182
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Талалай М.Г., Шиманская К. Россия и Италия в диалоге культур: к 110-летию трагедии в Мессине: Научно-общественный круглый стол. Мессина (Италия), 25 сентября 2018 г.	187
ИНФОРМАЦИЯ	
Наши авторы	194
Тематический портфель журнала на 2019 г.	197
Правила оформления статей	198

Редакционная статья / Editorial

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе

Университет Брока; L2S 3A1, Канада, Онтарио, Гленридж Авеню,
Сент-Катаринс, 500; dschimme@brocku.ca

IN THIS ISSUE

David Schimmelpenninck van der Oye

Brock University; 500 Glenridge Avenue, St Catharines, Ontario,
L2S 3A1, Canada; dschimme@brocku.ca

This issue examines the consequences of the Great War for Russia and its peoples on the occasion of the Versailles Peace Treaty's centenary. Concluded by the victors without Russia's participation, this settlement established the post-war international order. The Great War and the revolutionary turmoil that wracked Europe for eight long years, from 1914 through 1922, were marked by Russia's early withdrawal from the fighting through a separate peace treaty, a destructive civil war, and the consolidation of Bolshevik power. Together, this "arc of crisis" led to a momentous transformation that institutionalised many war-time practices in the political and social order of the Soviet Union that emerged.

The articles in this special issue therefore look into socio-political and socio-cultural consequences of World War I for Russia and the Russian émigré community. Based on a wide range of archival and other sources, together they provide a new perspective on the post-war years

The studies by *M.V. Oskin* and *Z.S. Bocharova* describe the revolutionary processes and their influence on the fate and fortunes of the Russian army, its combatants, and Russia as an empire.

In his article Oskin investigates Russo-Romanian relations in light of the Bessarabian question and the demobilisation of Russian troops on the Romanian Front. He notes that the fate of Bessarabia, which Romanian forces occupied in 1918, depended on agreements between the various European powers and ultimately resulted in its incorporation into the Romanian kingdom. The author concludes that this territorial transfer was inevitable, given Russia's weakness at the time.

Bocharova analyses the fates and fortunes of World War I veterans in the Russian émigré community. She explains that the erstwhile combatants

included former prisoners of war, soldiers of the Russian Expeditionary Forces, as well as the White Movement's combatants. Her article provides details about their numbers and where they settled, as well as efforts by the broader émigré community to support the veterans and commemorate their sacrifices.

In their articles, *N.I. Dmitriev's* and *Yu.M Galkina* look into the ways Russia interacted with its former Entente allies in the context of the Civil War. Thus, Dmitriev examines the challenges faced by the representatives of the Czechoslovak Republic to provide economic aid to the various governments that held sway over the Urals during the Civil War to help restore industrial production, supply factories, and arrange social assistance to the local population. Based on extensive research in the archives of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. This piece is particularly valuable given the paucity of relevant sources in Russia. The author concludes that the Russo-Czechoslovak Chamber of Trade and Industry lay the basis for further cooperation between the Czechoslovak government and free Russia, even in the face of Admiral Kolchak's refusal to cooperate.

Galkina's article examines the life, political views and activities of René Marchand (1888–1962), a correspondent of the leading French newspaper *Le Figaro*. He became widely known in the young Soviet state thanks to an open letter to French President Raymond Poincaré in 1918 that criticised his dealings with Lenin's regime and revealed Allied plans to sabotage his government. Relying on French diplomatic and military archives, among many others, the author concludes that René Marchand's views about the Bolsheviks were more ambivalent than most historians of French leftist politics have hitherto assumed.

In her contribution, *O.S. Porshneva* explains how the Great War shaped Bolshevik social engineering. She accordingly discusses the party's ideological priorities in its effort to design the "new man" in the in the early Soviet period.

The three articles by *M.K. Chiniakov*, *M.V. Katagoshchina* and *Z.S. Bocharova* study various aspects of the politics of memory of Russia's participation in the Great War. Chiniakov investigates the process of preserving the historical memory of Russian soldiers who fought in the Western European, Balkan and African theatres. Dividing his narrative into three distinct periods – the war itself (1916 to 1918), the inter-war period (1919 to 1939), and the modern period (after 1945) – He pays particular attention to monuments in France and the Balkans as well as historical documentaries, museums, and the associations involved. Meanwhile, Katagoshchina focuses on the origins and fate of private and museum collections dedicated to the Great War both in Russia until 1918 and in the Russian émigré community thereafter.

Bocharova likewise discusses efforts to preserve the legacy of the Great War in Russia Abroad. She argues that memorials to fallen Russian soldiers were particularly important for the émigré community's social memory. Unlike the Soviet government, émigrés actively commemorated the feats of such "bearers of Russian honour" with memorials and related patriotic activities.

This special issue will be of particular interest both to scholars and the public interested in the First World War's impact on the Soviet Union and the émigré community. The conflict's 'long echo' was reflected in social and political practices, international and intercultural relations and in the politics of historical memory. The authors and editors very much hope that the articles, many of which are grounded in previously understudied sources, will provide a fresh and provocative perspective on this aspect of Russian history.

© David Schimmelpenninck van der Oye, 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-11-30>

Научная статья / Research article

Российское военное строительство на фоне милитаризации стран союзников и противников и его испытание войной

И.В. Волкова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; 105066, Россия, Москва,
Старая Басманная улица, 21/4, стр. 3; wolkowa-irina@yandex.ru

Russian Military Construction Against the Background of Militarization of her Allies and Opponents, and its Trial by War

Irina V. Volkova

National Research University "Higher School of Economics";
21/4, p. 3, Old Basmannaya St., Moscow, 105066, Russia; wolkowa-irina@yandex.ru

Abstract: The author analyses Russian military reforms of the late 19th and early 20th centuries and their influence on the efficiency of the army and the behavior of the lower ranks in military action. Strategic failures of the national army in the early twentieth century are explained by the fact that even in the modernized armed forces military service was not the same for all groups of citizens. These aspects of the Russian experience are compared to military reforms among the Great War's other belligerents. The notion of the military as 'the armed nation' came in two variants. In Great Britain, the 1916 law on universal conscription and the effective mobilization of the civilian population became possible due to the high levels of public support for the political system, the proclaimed values of their country, and a national-civil identity. The German model, by contrast, was built on the foundation not of political integration but of the nation's identification with its army. Russia chose this model but was unable consistently to implement it, primarily because of the extremely low literacy rate among the lower social classes. The low quality of recruits made it necessary to maintain long periods of service for most of the lower ranks. This resulted in a lack of loyalty on the side of the conscripts, and in a negative attitude not only towards military service but also towards the state that established the heavy standards of military duty. The feeling of social injustice was reinforced by the spartan regime that lower class soldiers encountered, while well-educated conscripts – as a rule, from the upper strata of Russian society – were treated better. This discontent increased during the unsuccessful war, further alienating the mass of the conscripts from autocracy and its army.

Keywords: armed people, conscription, identification with the army, militarization

For citation: Volkova, Irina V. “Russian Military Construction Against the Background of Militarization of Allies and Opponents and its Trial by War.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 11–30. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-11-30>

Введение

Тема военного строительства индустриальной эпохи сформировала большую историографию, которая продолжает непрерывно пополняться и в настоящее время как в России, так и в странах, входивших в Антанту и Четверной союз. Большая часть этой массы исследований сосредоточена на проблематике создания и реформирования национальных вооруженных сил и вращается вокруг традиционных для военной историографии принципов комплектования, обучения, вооружения, материально-технического обеспечения войск, соотношения своего боевого потенциала с потенциалом противника. При этом, как правило, упускаются из виду показатели, которые не менее существенны для оценки меры успешности военного строительства. К ним относятся схемы поведения военнослужащих на полях сражений, интериоризированные ими в процессе подготовки образцы воинской доблести, резистентность к вражеской пропаганде, мотивация и психологический ресурс выполнения воинского долга. Эти аспекты входят в предметную область военно-исторической антропологии – сравнительно нового раздела исторических знаний, активно развивающегося в современной историографии. Созданные в его рамках труды Е.С. Сеньявской, А.С. Сеньявского, В.В. Лапина, О.С. Поршневой, А.Б. Асташова, Д. Байрау, Б. Меннинга, П.Г. Култышова¹ и других авторов во многом расширяют диапазон

¹ Байрау Д. Империя и ее армия // Новый часовой. 1997. № 3. С. 19–39; Сеньявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997; Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999; Сеньявская Е.С., Сеньявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.; СПб.: ИРИ РАН, 2017; Сеньявский А.С., Сеньявская Е.С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139–151; № 3. С. 107–121; Лапин В.В. Армия в империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI – начале XX в. // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. Т. 4. 2002. С. 109–140; Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война. Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 399–425; Она же. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86; Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004; Култышов П.Г. Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект. Ростов-на-Дону, 2010; Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия российской империи. 1861–1914. М.: Модест Колеров, 2016.

представлений об армии как о социальном институте и об антропологическом измерении российских войн, включая Первую мировую. Однако этот круг исследований по большей части основывается на российском историческом материале. Между тем раздвижение географических рамок и исследование феноменов отечественной военно-исторической антропологии в соположенном им ряду фактов мировой истории позволяет увидеть тенденции, незаметные или мало заметные при их изолированном изучении. Это в полной мере относится к опыту создания массовых армий второй половины XIX – начала XX в., который во многих отношениях предопределил ход и результаты Первой мировой войны для каждой из ее участниц. Предметом данной статьи является российское военное строительство, рассматриваемое на фоне аналогичных процессов в странах противников и союзников и под углом зрения заложенных в нем социально-антропологических предпосылок стратегических неудач России в войнах начала XX в.

Армии индустриальной эпохи, опирающиеся на всеобщую воинскую повинность гражданского населения, были призваны не только готовить большие массы людей к предстоящим вооруженным столкновениям. На них возлагалась и социальная миссия – содействовать формированию общества модерни, опирающегося на рационалистическое сознание, готовность разнородных общественных сил к сотрудничеству и отстаиванию политических приоритетов и ценностей своей страны. Эти функции, выходящие за пределы узко утилитарного предназначения армии, были хорошо понятны ее военным лидерам и учитывались при разработке реформ.

Сроки призывной службы и состав призывников

Реформа военного министра Д.А. Милютин завершилась в 1874 г. изданием закона о всеобщей воинской повинности. Она устанавливала различные сроки действительной службы, которые колебались от полугода для выпускников высших учебных заведений и полутора лет для выпускников полной средней школы до полного срока – 6 лет в сухопутных войсках и 7 лет на флоте для тех, кто не имел никакого образования или в лучшем случае владел азами грамоты. При этом от службы освобождались жители целого ряда регионов России нехристианских вероисповеданий, служители культа, преподаватели высших учебных заведений и другие высококвалифицированные гражданские специалисты.

В 1906 г. последовало некоторое сокращение сроков действительной службы: в большинстве родов войск – до четырех лет, а в пехоте и пешей артиллерии – до трех. В льготную группу снова определялись выпускники университетов и институтов, средней школы хотя бы в объеме шести

классов или духовной семинарии хотя бы в объеме двух классов. Имея право сдать экзамен на чин прапорщика или подпоручика, они получали возможность двухгодичной службы. Полностью освобождались от призыва преподаватели высших учебных заведений и адъютанты, пансионеры Академии художеств и выпускники художественно-промышленных училищ². Этот порядок подтверждал закон от 23 июня 1912 г.

Несмотря на заинтересованность военного ведомства в расширении круга призывников и готовность многих инородческих общин поставлять на военное обучение своих представителей, власть и в начале XX в. предпочитала их держать на расстоянии от армии³. Наконец, и для славян, составлявших большинство населения империи, всеобщая воинская повинность часто была номинальной, так как из всей массы молодежи призывного возраста на действительную службу направлялась только треть, отобранная по жребию, а оставшиеся сразу зачислялись в ополчение, отделяясь при этом в лучшем случае короткими сборами.

Наиболее острой темой для русской армии была продолжительность службы, которая регулировалась образовательным цензом. По большому счету, в обществах с развитой и общедоступной образовательной системой желание реформаторов сохранить для гражданской деятельности наиболее образованную и интеллектуально продвинутую группу молодых людей или предложить облегченный вариант службы лицам с хорошим средним образованием не наталкивалось бы на противодействие общественности. Более того, оно могло бы усилить мотивацию основной массы к повышению образовательного уровня. Однако такие ожидания были беспочвенными в Российской империи, где в отличие от развитых стран всеобщее начальное образование не стало нормой. Оптимально доступной для ее социальных низов оставалась элементарная (низшая) школа, сообщавшая лишь начатки счета, письма и чтения. Таким образом, благие намерения создателей российской массовой армии усилить тягу к знаниям у молодежи из народа парализовались крайне неблагоприятной ситуацией с постановкой массового просвещения в стране. В результате состав новобранцев, по сути, повторял пирамидальное строение российского социума, на вершине которого находилось привилегированное меньшинство, сохранявшее свои привилегии и в отношениях к военной машине, а у подножия располагалась широкая

² ПСЗ-III. Т. XXXII. № 37417; *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. С. 12.

³ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1972. С. 93; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М.: Мысль, 1973. С. 199–200.

масса неграмотных или малограмотных простолюдинов, не пользующаяся никакими поблажками и в армии.

По качественным характеристикам новобранцев российская армия начала XX в. занимала низшую строчку в рейтинге европейских армий. Так, в Германии, где уже действовало обязательное восьмилетнее обучение в фольксшколе, армия получала поголовно грамотный и неплохо образованный контингент. Таким же был состав призывников в Японии, где с 1891 г. проводилась политика обязательного школьного обучения всех граждан⁴. Армия Франции набирала 93–94% грамотных призывников, в Австрийской империи – 78%, в Италии – 67%, а в России – только 50%. Фактор неотесанной и невежественной солдатской массы в реалиях войны создавал угрозу дисфункций самой военной машины. Например, после того, как в сражениях 1914–1915 гг. был выбит кадровый офицерский корпус и срочно понадобилось его возмещение, то в абсолютном большинстве подразделений командиры не смогли отыскать ни одного рядового, имеющего за плечами курс начальной школы и пригодного для направления в школы младшего офицерского состава⁵.

Темный солдатский люд был плохо сочетаем с запросами Первой мировой, в которой применялись дальнобойная артиллерия и магазинные винтовки, использовались отравляющие вещества и новейшая техника в виде танков и аэропланов, где требовалась молниеносная реакция на смену оперативной обстановки, плотная кооперация разных родов войск и оружия. Отсталый войсковой контингент, по твердому убеждению военных экспертов, сковывал применение эффективных приемов развертывания и дислокации войск, стратагем и кооперации с другими родами войск, не говоря уже о том, что он являлся удобной мишенью для уловок и пропаганды противника⁶.

Трудность обработки такого человеческого материала под углом зрения новейших военных потребностей с неизбежностью влекла за собой пролонгированные сроки службы. В этом отношении России не могла соответствовать тренду военного строительства других стран, выражавшемуся в снижении сроков службы под ружьем и параллельно расширяющемся охвате молодежи военным обучением. Воплощением этого пути являлась армия Второго Рейха, которая до 1893 г. забирала призывников на три года, а после этой даты только на два. Такое сокращение срока дало возможность

⁴ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.–Л.: Военгиз, 1928. Т. II. С. 467.

⁵ P. Kennedy, *The Rise and Fall of Great Powers* (London: Unwin Hyman Limited, 1988), 210; Поликарпов В.В. Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. М.: Наука, 1990. С. 191.

⁶ Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М.: Русский путь, 1999. С. 69.

в полтора раза увеличить приток новобранцев. При этом полученные ими на срочной службе навыки подлежали закреплению с помощью последующих периодических краткосрочных сборов⁷.

Франция времен Третьей республики в 1889 г. взяла за основу трехлетнюю срочную службу, но уже через 16 лет (в 1905 г.) заменила ее двухлетней. Правда, в преддверии войны французы вернулись к трехлетней модели. Стоит также отметить, что к этому времени им удалось добиться практически тотального привлечения военнообязанной молодежи к срочной службе – даже негодные к строевой подготовке не отпускались по домам, а определялись в нестроевые части⁸.

Введение трехлетней службы в 1873 г. стало одним из первых дел основателя современной японской армии Ямагато Аритомо⁹. Как и другие страны, втянутые в интенсивную милитарную подготовку, Япония неуклонно наращивала объем военного обучения молодежи: со старта Мейдзи-исин и до начала войны с Россией ее армия численно увеличилась в два с половиной раза. А вот итальянские реформаторы, принявшие в 1875 г. закон о трехлетней воинской повинности, не смогли обеспечить ему такой же императивный характер, как милитаризованные страны. Этому мешали территориально неравномерное экономическое развитие, нехватка финансовых ресурсов и упорство политической элиты.

Даже Англия, которую обошли стороной военные инновации континентальных стран, в 1870 г. сократила сроки контракта со своими военнослужащими с 20 до 12 лет, при том что действительная служба теперь занимала только 6 лет¹⁰.

Экспертные оценки массовых армий в обществах с резкой асимметрией социально-образовательных статусов

Массовая армия с более или менее однородным качественным составом призывников и короткой срочной службой как мейнстрим военного строительства индустриальной эпохи пользовалась полной поддержкой военных профессионалов и гражданских аналитиков. Такая армия выступала серьезным подспорьем власти в установлении общественного согласия по ключевым принципам политического устройства и базовым гражданским ценностям. Насаждая в своем пространстве кооперативный стиль отноше-

⁷ W.C. Fuller, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia. 1881–1914* (Princeton University Press, 1985), 53; J. Gooch, *Armies in Europe* (London: Routledge & Kegan Pau, 1980), 115.

⁸ Свечин А.А. Эволюция военного искусства... С. 531.

⁹ Селищев А.С. Японская экспансия: люди и идеи. Иркутск: изд-во Иркутского университета, 1993. С. 51.

¹⁰ J. Gooch, *Armies in Europe*, 170.

ний между сослуживцами, она содействовала его трансферу и в область гражданских отношений. Другое дело, если перестройка армии по типу вооруженного народа происходила в стране с низким уровнем образования большей части населения и неискорененными остатками сословного строя. Так, уже на подходе к созданию в таких условиях массовой армии многие представители экспертного сообщества выступали с возражениями. Например, авторитетный военный специалист Н. Марселли и политический деятель Италии второй половины XIX в. Д. Фарини высказывали сомнения в надежности и лояльности режиму армии, набранной в основном из представителей неблагополучных сегментов общества. Они выражали и опасение, что оторванные на длительные сроки от своих домов и гражданских занятий демобилизованные солдаты не смогут заново адаптироваться к производительному труду и скорее всего пополнят армию безработных и уголовников¹¹.

Близкие аргументы приводили и российские коллеги итальянских экспертов, которые в исторической литературе чаще всего рассматриваются как консервативные оппоненты министра-реформатора Милютин: Д.А. Толстой, А.М. Горчаков, Р.А. Фадеев, М.Г. Черняев. Однако не только деятели этой генерации, но и эксперты следующего поколения С.К. Добролюбовский, А.В. Геруа также настаивали на непригодности для России модели военного строительства Германии по причине различных с ней структурных условий. Примечательно, что задолго до Первой мировой ее печальный исход для России предвидели многие реалистически мыслящие деятели. Так, в конце 1880-х гг. генерал Черняев, бывший триумфатор Ташкента, в близком окружении озвучивал пессимистический прогноз относительно будущих войн России. Он был твердо убежден в том, что они закончатся разгромом русской армии, отторжением от страны проблемных в политическом отношении территорий, наложением на нее тяжелых наказаний и угрозой власти правящего дома Романовых. Генерал полагал, что милютинская реформа подорвала военный дух нации: будь призывникам дана возможность откупаться от воинской повинности, они не преминули бы ею воспользоваться¹². О каскаде катастрофических социальных и политических последствий для России при увязании в войне писал царю во всеподданнейшем письме 28 февраля 1905 г. С.Ю. Витте. По его словам,

¹¹ J. Gooch, *Army, State and Society in Italy. 1870–1915* (Hampshire and London, 1989), 21–22; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М.: Мысль, 1973. С. 259–260; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 87.

¹² Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.-Л.: Изд. Л.Д. Френкель, 1924. С. 68.

при стойком неприятии народом новых мобилизаций, озлобленности тяготами военного времени дело закончится тем, что «огромные беспорядки могут развиваться в ураган»¹³. О трагическом исходе участия России в войне предупреждал в своей знаменитой записке февраля 1914 г. член Государственного совета П.Н. Дурново. По его словам, длительная и неудачная война откроет шлюзы массовым деструктивным движениям, сметет правящий режим и выведет на передний план экстремистские силы¹⁴.

Наилучшей альтернативой для России, по мнению ряда военных экспертов, могло бы стать соединение профессиональной армии, основанной на контрактной службе, и территориально-милиционных частей¹⁵. При почти необъятных человеческих ресурсах России и грамотной постановке дела привлечение контрактников не составило бы большого труда. Однако такой путь не был принят в расчет при реорганизации российской армии.

Условия и имидж срочной службы

Дальнейшее развертывание российской массовой армии с длительными сроками службы показало обоснованность худших опасений критиков милютинской реформы. По данным П. Кеннеди, в абсолютном выражении Россия вкладывала в свою оборону меньше средств, чем Германии, но в полтора раза больше, чем Франция¹⁶. Однако в пересчете на содержание каждого солдата эти контрольные цифры выглядели иначе: Россия вкладывала в него на три четверти меньше средств, чем Германия, и более чем наполовину меньше, чем Франция¹⁷.

По признанию отечественных специалистов, в начале XX в. российская казна тратила самую маленькую сумму на годовое содержание одного военнослужащего среди прочих стран¹⁸. Это выражалось в скудном и однообразном рационе питания соответственно поговорке «щи да каша – пища наша», плохих бытовых условиях, до 1905 г. не предусматривавших даже выдачу постельных принадлежностей¹⁹. Помноженные на жестокую казарменную дисциплину и деспотический военный ритуал, такие условия создавали почву для недовольства не только выходцев из среднего класса,

¹³ *Bumme С.Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 659–660.

¹⁴ Свет и тени Великой войны. М.: РОССПЭН, 2014. С. 72.

¹⁵ Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М.: Русский путь, 2002. С. 562–563.

¹⁶ P. Kennedy, *The Rise and Fall of Great Powers* (London: Unwin Hyman Limited, 1988), 210.

¹⁷ W.C. Fuller, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia*, 53.

¹⁸ Государственная оборона России... С. 404.

¹⁹ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М.: Современник, 1990. С. 85; *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1999. С. 475.

но и из социальных низов. Они же разрушали изначальное представление о патернализме власти, с которым многие призывники вступали на службу.

Эти стороны российской армейской действительности сильно отличались от предложений военного ведомства новобранцам в других странах. Например, солдаты Второго Рейха обеспечивались отличным трехразовым питанием, к которому прилагался еще один бонус – возможность между основными приемами пищи выпить в столовой чаю, кофе или какао с печеньем. Еженедельная смена постельного белья с раздачей носовых платков, казарменные цирюльни обеспечивали опрятность и подтянутость солдат. Одновременно с тем на срочной службе немецкий юноша приобретал специальность, которая могла ему пригодиться в гражданской жизни (например, связист, водитель). А по возвращении из казармы домой как человек, с честью выполнивший свой долг, он попадал в центр уважительного внимания своего родственного и дружеского круга. Вместе взятые эти обстоятельства обуславливали самый привлекательный образ военной службы. Он находил отражение в том приподнятом настроении, в котором немецкий призывник пребывал с момента получения воинской повестки: всем своим видом он излучал радость, с удовольствием принимал поздравления со счастливым событием от знакомых и даже малознакомых людей²⁰.

Таким же почетом и уважением была окружена срочная служба в Японии. Взяв в начале эпохи Мейдзи курс на национальное процветание и сильную армию, политический класс активно задействовал военных в работе по преодолению феодальных пережитков, разобщенности и отсталости. Абсорбировавшая значительную часть бывшего самурайского сословия японская армия стала могучим рычагом интеграции и обновления²¹. На ее высокое реноме среди гражданского населения неизменно указывали добровольно оказываемые ей знаки внимания: поклоны воинскому знамени, приветственные слова прохожих, обращенные к солдатам и офицерам, марширующим по улице. Государственная власть уделяла большое внимание тому, чтобы учащейся молодежи в рамках школьного образования передавались самурайские стереотипы воинской чести и долга. Эти устремления находили поддержку и в семейных традициях культа предков, павших за родину, и безмерного почитания воинской профессии²².

Пусть менее настойчиво, однако достаточно наглядно престиж военной службы старались поддержать и лидеры Третьей французской ре-

²⁰ О долге и чести воинской в российской армии. Сб. материалов, документов и статей. М.: Воениздат, 1990. С. 208.

²¹ P. Kennedy, *The Rise and Fall of Great Powers*, 206.

²² Вооруженные силы Японии: история и современность. К 40-летию разгрома Японии во Второй мировой войне. М.: Наука, 1985. С. 47.

спублики. Прославление армии как национального символа и «бренда» на страницах книг и печати, внедрение в школьные программы многочасовых занятий гимнастикой и военизированных игр сделали свое дело – молодые французы по большей части ответственно и сознательно относились к воинскому долгу²³.

Иной случай представляла Россия. Уже в преддверии призыва множество молодых мужчин пытались найти предлог для уклонения. В частности, прибегали к услугам знахарей и лже-медиков, которые их калечили ради получения заветного белого билета²⁴. Все же остальные, кто не смог заручиться таким документом, без энтузиазма отправлялись в назначенную часть. Повсеместно укорененный обряд проводов новобранца со слезами и причитаниями родных, многодневной надрывной пьяной гульбой указывал на массовое отторжение той воинской повинности, которую навязывало государство.

Война как критерий истины

Самым беспощадным экзаменатором работы, которую проделали нации в военном строительстве, стала Первая мировая война. По данным американского историка П. Кеннеди, уже в самом ее начале в России около 2 млн молодых мужчин призывного возраста поспешили связать себя узами брака в надежде на отсрочку мобилизации²⁵. К хитроумным уловкам прибегали представители предпринимательского класса: отдельные личности вдруг отыскивали в себе педагогический талант и нанимались на работу школьными учителями, которым полагалась бронь. По рассказам мемуариста, трюк одного из таких «ловчил» был раскрыт и пресечен уездной властью. Вместе с тем это вмешательство вызвало неодобрение местного предпринимательского круга²⁶. Однако данный пример с неудачной попыткой освободиться от мобилизации все же не был типичным. Вполне очевидно, что возможностей избежать отправки на войну у богатых и влиятельных господ было много больше, чем у простого люда: кто-то подкупал членов уездного присутствия по воинской повинности и получал освобождение по состоянию здоровья, кто-то за деньги или за счет личных связей устраивался на рабочие места в тылу, предоставляющие бронь²⁷. Эти фак-

²³ J. Gooch, *Armies in Europe*, 114.

²⁴ Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1990. С. 211–212.

²⁵ P. Kennedy, *The Rise and Fall of Great Powers*, 237.

²⁶ Игнатьев А.А. 50 лет в строю. Т.1. М.: Воениздат, 1989. С. 18.

²⁷ Фадеев Д.И. Уклонение от воинской службы в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 гг.) в Казанской и Симбирской губерниях // Молодой ученый. 2015. № 19. С. 668.

ты вызывали негодование среди воюющих солдат и нередко толкали их на путь фактического саботажа приказов командования.

В конкретных обстоятельствах военного времени прохладное отношение к долгу защитника Отечества выражалось в избыточной осторожности и перестраховке, дозированных личных затратах на выполнение приказов командования, а то и просто в профанации ратного труда и его бойкоте. Подтверждений тому множество. Например, одна воинская часть, укомплектованная столичными новобранцами, снискала у старослужащих репутацию команды знатных бегунов, так как сбегала с любого задания. Большой размах приобрело дезертирство в разнообразных формах (самострелы, сознательное отставание от своих частей с целью последующего прикрепления к тыловой части, побеги из санитарных поездов, побеги на марше). Достаточно заметно оно стало проявляться с сентября 1914 г. и дало резкий скачок в 1915 г. по ходу «великого отступления». По официальным данным Ставки, за период от начала войны и до весны 1917 г. из русской армии дезертировало 201 тыс. бойцов. Суммарная цифра, которая приводится в историографии, на порядок выше – от 1.5 до 2 млн человек. За тот же промежуток времени на театре боевых действий с Германией и Австро-Венгрией сдались в плен 1.5 млн русских солдат, что в пять раз превышало численность сдавшихся в плен в войсках Антанты на Западном фронте²⁸.

Подготовленный всей предшествующей практикой и запущенный «великим отступлением» 1915 г. развал русской армии был необратим. Против него оказался бессилён и довольно многочисленный корпус полковых священников, на который возлагалось морально-политическое воздействие на сражающееся войско. В середине 1915 г. он насчитывал 1800, а в конце войны – 3700 человек²⁹. Реагируя на неустойчивость военнослужащих и действуя по рекомендациям протопресвитера русской армии Г. Шавельского, полковые батюшки в проповедях грозили божьими карами и страшным судом тем, кто отступится от своего священного воинского долга. В литературе сегодня можно встретить предположение о том, что эффект такого воздействия был бы выше, если бы проповедники делали упор на позитив-

²⁸ Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941. Статьи, документы. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 62; Оськин М.В. Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Серия: История. 2014. Вып. 5. С. 58; Уткин А. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. С. 71, 144; Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 106.

²⁹ Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и вооруженные силы России в 1800–1917 гг. СПб.: Нестор, 1999. С. 173.

ных смыслах, а не на негативных санкциях. Однако вряд ли такое допущение имеет под собой серьезную основу. В Первой мировой, как и в русско-японской войне, шансы клириков «достучаться» до рядовой массы приближались к нулю. Это показали массовые братания русских солдат с противником на Пасху 1916 г., проходившие на фоне эмоциональных воззваний военного духовенства крепче громить врага³⁰. Таким же неэффективным инструментом воздействия, как пастырское слово, в пространстве мировой войны являлись символические фигуры авиаторов, казаков, георгиевских кавалеров, на которых государство предлагало равняться личному составу армии. Однако эти образцы воинской славы не вызывали никакого эмоционального отклика среди облаченных в шинели гражданских лиц, тяготившихся своей ролью военнослужащих и стремившихся расторгнуть связь с государством, навязавшим им эту роль.

Опыт Первой мировой показал высокую сопряженность между боевой эффективностью армий и укорененностью национально-гражданской идентичности в обществе. Наиболее яркий образец такой взаимосвязи представляла собой Великобритания. Даже при нечастых и необременительных контактах британцев с государственной властью последней удалось добиться беспрецедентно быстрой мобилизации своих граждан. После того, как в 1914 г. был почти полностью разбит Британский экспедиционный корпус и встал вопрос о срочном пополнении армии, британцы стали толпами притекать к вербовочным пунктам. Равным образом они не манкировали введенной в 1916 г. воинской повинностью. Конечно, этой безотказности способствовали хорошо налаженная еще в довоенное время пропаганда, представлявшая королевство вершинной точкой мировой цивилизации, а также лозунги защиты колоний, промышленности, торговли от германского разграбления. Немалый вклад в дело мобилизации внесла прекрасная половина населения острова: своими насмешками и порицаниями она выталкивала на войну тех представителей сильного пола, кто не очень-то торопился встать под ружье. Интересны и привычки, которые британцы – новоиспеченные воины привносили с собой на поля сражений: традиционное чаепитие в пять часов пополудни, страсть к спортивной игре, прежде всего к футболу, которая удовлетворялась в периоды фронтового затишья. При этом сугубо гражданские люди показывали порой большую настойчивость в овладении военными навыками, чем военнослужащие со

³⁰ Первая мировая война – пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Часть II. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 236–242; Жукова Л.В. Проповедническая деятельность военного духовенства в русско-японской войне // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М.: РОССПЭН, 2002. С. 162.

стажем, а правила спортивной игры становились для них путеводными и в выполнении боевых заданий: в армии, как и в команде, они старались сбегать победный дух и довести ее до призового финала³¹.

В случаях, отличных от британского, например, в Германии, где к началу мировой войны не были преодолены региональные различия, а идея общенационального гражданства не успела глубоко прорасти в массовом сознании, объединяющую роль играла армия. Без натяжки являясь продуктом совместного труда госаппарата и общественности, она стала центральным институтом и символом германской общности, а ее приоритеты – руководством к действию для гражданских сил. Например, создание военно-морского флота, выдвинутое на очередь дня сразу после объединения военным и политическим руководством Рейха, встретило поддержку почти всех коллективных субъектов – начиная от деревенского актива и заканчивая политическими тяжеловесами, вроде парламентских партий³². По этой причине генерал Э. Людендорф мог уверенно утверждать, что «народные и боевые силы» Германии существуют в нерасторжимом единстве³³.

Пронизанные духом стойкого служения целям своей армии, закаленные ею физически и морально, вооруженные массы немцев в течение войны сковывали множественные силы противника, ломали его оборону и приходили на подмогу своим истощенным союзникам. Уже со сражения при Танненберге и боев в Мазурии 1914 г. мощь немецкого удара испытала на себе и русская армия, довольно быстро после этого освободившаяся от ура-патриотического угара первых дней войны. Несмотря на тяжесть последующей позиционной войны и колоссальные потери в битве при Сомме и Верденской «мясорубке», германская армия оставалась более или менее боеспособной за счет ресурса «военного воодушевления», иначе говоря, воли к победе и непоколебимой веры в свою военную систему³⁴. А характерный для немецкой политической культуры способ идентификации национальной общности с армией, а армии – с национальной общностью создавал условия для регенерации и после 1918 г. за счет нового возрождения военной машины, правда, на этот раз на базе расовой идеологии и преступлений против человечества.

³¹ Хмелевская Ю.Ю. «Большая игра»? Роль спортивной этики в поддержании морального духа британской армии в первой мировой войне // Человек и война. Война как явление культуры. М.: Агро-XX, 2001. С. 82–83, 88.

³² F. Fischer, *Griff nach der Welt Macht. Die Kriegspolitik des Kaiserlichen Deutschland. 1914/1918* ([N.p.]: Athenaum Verlag, 1979), 22.

³³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: Вече, 2014. Т. 1. С. 9.

³⁴ См.: Журбина Н.Е. Эволюция массового сознания солдат и офицеров германской армии в период Первой мировой войны. 1914–1918. СПб: [Б.и.], 2009.

Япония проделала путь, похожий на германский. Японцы, которые вели войну 1904–1905 гг. с Россией на пике напряжения своих сил, не считались с потерями и без тени жалости бросали в топку войны молодые жизни своих сыновей. Сами же юные японцы без колебаний выполняли гибельные приказы: по свидетельству генерала А.Н. Куропаткина, они поднимались в атаку на русские батареи с криками «банзай!», замертво падали под огнем, а бегущие следом взбирались по трупам товарищей наверх и опрокидывали наши позиции³⁵. С той же высокой степенью выносливости Япония перенесла испытания Второй мировой войне – в Первой ее участие было незначительным.

Иначе дело пошло в Австро-Венгрии и Османской империи, также пытавшихся выстроить всеобщую призывную модель, однако, как и Россия, не преуспевших в этом из-за скудной финансовой базы и трудностей применения этой модели к сегментированному по этноконфессиональным и социальным линиям социуму³⁶.

Выводы

Перестройка армии по типу вооруженного народа была продуктивной там, где интенции военного истеблишмента дополнялись поддержкой общества. Это удавалось либо модернизированным, демократическим и сплоченным нациям, устремленным к вооруженной защите своих преимуществ либо менее демократическим и интегрированным, но модернизированным и строящим свою идентичность на военных символах и сильной армии.

При слабом взаимодействии между военными и гражданскими институтами, обществом и армией, скверной репутации срочной службы надежда на становление боеспособной армии была призрачной. Профессиональная военная экспертиза неудач России в мировой войне фиксировала очень слабый посыл и среди социальных верхов, и среди социальных низов к созданию крепкой обороны, которая могла бы ковать людей с «военным характером, с железными... нервами, способными выдерживать без ослабления почти непрерывный бой в течение многих дней»³⁷.

Однако помимо неважной физической и моральной подготовки фронтовая нестойкость солдатской массы объяснялась дискомфортом социального состояния, который, по сути, культивировала вся структура срочной службы. Комплекс ощущений российского солдата становится понятен

³⁵ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905. Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002. С. 242.

³⁶ W. Hale, *Turkish Politics and Military* (London and N.Y.: Routledge, 1994), 14.

³⁷ Государственная оборона России... С. 370–371.

через призму наблюдения, сделанного А. де Токвилем при изучении предпосылок крестьянского участия в Великой Французской революции конца XVIII в. В отличие от многих своих европейских собратьев того времени французские крестьяне были лично свободны и в качестве собственников распоряжались своими наделами земли, однако при этом были больше остальных сословных групп нагружены тяжелыми и унижительными государственными повинностями. По мнению Токвиля, люди всегда острее переживали проявления своего неравенства тогда, когда они обрели свободу, нежели тогда, когда находились в феодальной зависимости³⁸. В этом плане и неохотное исполнение российскими крестьянами воинской повинности, и недоблестное поведение на войне в значительной степени обуславливались социальной ущербностью, которую вчерашнему крепостному, облаченному в шинель, давали понять и почувствовать призывная система и армейская обстановка. Это же самоощущение рядового состава делало его удобным объектом политики «революционизации», над которой трудились военный отдел германского МИДа во главе с полковником фон Гефтенем вместе со специальными отделениями пропаганды под руководством полковника фон Гиргена³⁹. Разработанная этими службами программа включала в себя стимулирование гражданского конфликта и разжигание межнациональных противоречий. Благоприятные возможности ее реализации открывались и на армейском направлении, что показала подрывная работа в войсках, которую с 1915 г. вели вражеские службы, а с 1917 г. – большевики. Парадокс состоял в том, что являвшаяся оплотом режима армия становилась главным источником его дестабилизации. Назревавший на протяжении всей неудачной войны и подпитываемый влиянием сторонних сил солдатский бунт с неизбежностью прокладывал дорогу к обрушению и остальных несущих конструкций государства.

Огромный сокрушительный потенциал вооруженной массы, вышедшей из-под контроля, уже показала Первая русская революция. Вырвавшиеся на волю разрушительные инстинкты солдатни поставили под удар всю систему безопасности страны. К.Г. Маннергейм, будущий лидер суверенной Финляндии, а тогда старший офицер русской армии, возвращавшийся с места службы на Дальнем Востоке в Петербург, был потрясен размахом

³⁸ Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Алетейя, 1997. С. 25–26.

³⁹ Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М.: XXI век-согласие, 2000. С. 184; Новикова И.Н. Сепаратизм как государственная политика: роль немецкой дипломатии в создании «Лиги инородцев России» в годы Первой мировой войны // Россия в войнах XX века. Материалы 7-ой Всероссийской научно-практической конференции «Российское общество и войны XX века». Краснодар, 2004. С. 101–103.

армейских бесчинств, которые заполнили собой все пространство железной дороги⁴⁰. Но слабая солдатская самоорганизация и сильная, брошенная на подавление беспорядков гвардия позволили тогда власти взять верх. Однако расклад сил в Первую мировую был уже другим: изничтоженная войной гвардия, поднаторевшая радикальная оппозиция уже не оставляли шансов режиму. Впрочем, политический ход левой оппозиции в виде Приказа № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 г. был лишь удачным приспособлением к тому порядку вещей, который вполне адекватно оценивал В.И. Ленин: «В сущности у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе»⁴¹.

© Волкова И.В., 2019
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 15 ноября 2018 г.

Submitted: 15 November 2018

References

- Astashov, A.B. “Russkiy krest’yanin na frontakh Pervoy mirovoy voyny.” [Russian peasant on the fronts of the First World War] *Otechestvennaya istoriya*, no. 2 (2003): 72–86 (in Russian).
- “Russkiye soldaty i Pervaya mirovaya voyna. Psikhohistoricheskoye issledovaniye voyennogo opyta.” [Russian soldiers and the First World War. Psycho-historical study of military experience] In *Sotsial’naya istoriya. Yezhegodnik, 2001/2002*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Bayrau, D. “Imperiya i eye armiya.” [Empire and its army] *Novyy chasovoy*, no. 3 (1997): 19–39 (in Russian).
- Bazanov, S.N. “K istorii razvala russkoy armii v 1917 godu.” [To the history of the collapse of the Russian army in 1917] In *Armiya i obshchestvo. 1900–1941. Stat’i, dokumenty*. Moscow: IRI RAN Publ., 1999 (in Russian).
- Beskrovnyy, L.G. *Russkaya armiya i flot v XX veke* [Russian army and navy in the twentieth century]. Moscow: Nauka Publ., 1972 (in Russian).
- *Armiya i flot Rossii v nachale XX v. Ocherki voyenno- ekonomicheskogo potentsiala* [The army and navy of Russia in the early twentieth century. Sketches of military-economic potential]. Moscow: Nauka Publ., 1986 (in Russian).

⁴⁰ Маннергейм К.Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 27; Телицын В.Л. Русская революция 1917 г.: деревня против города или перманентная война // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.: Наука, 2000. С. 349.

⁴¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинение. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 4. С. 393.

- Bogdanovich, A.V. *Dnevnik. Tri poslednikh samoderzhtsa* [A diary. The last three autocrat]. Moscow; Leningrad.: L.D. Frenkel' Publ., 1924 (in Russian).
- Chimarov, S.Y. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i vooruzhennyye sily Rossii v 1800–1917 gg* [Russian Orthodox Church and the Armed Forces of Russia in 1800–1917]. St. Petersburg: Nestor Publ., 1999 (in Russian).
- Danilov, Y.N. *Na puti k krusheniyu. Ocherki poslednego perioda Rossiyskoy monarkhii* [On the way to crash. Essays on the last period of the Russian monarchy]. Moscow: XXI vek-soglasiye Publ., 2000 (in Russian).
- Denikin, A.I. *Put' russkogo ofitsera* [The path of the Russian officer]. Moscow: Sovremennik Publ., 1990 (in Russian).
- Fadeyev, D.I. “Ukloneniye ot voinskoy sluzhby v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917gg.) v Kazanskoy i Simbirskoy guberniyakh.” [Evasion of military service during the First World War (1914–February 1917) in the Kazan and Simbirsk provinces] *Molodoy uchenyy*, no. 19 (2015): 667–670 (in Russian).
- Fischer, F. *Griff nach der Welt Macht. Die Kriegspolitik des Keiserlichen Deutschland. 1914/1918*. [N.p.]: Athenaum Verlag, 1979 (in German).
- Fuller, W.C. *Civil-Military Conflict in Imperial Russia. 1881–1914*. [N.p.]: Princeton University Press, 1985.
- Gooch, J. *Armies in Europe*. London: Routledge & Kegan Pau, 1980.
- *Army, State and Society in Italy. 1870–1915*. Hampshire; London: [S.n.], 1989.
- Gosudarstvennaya oborona Rossii. Imperativy russkoy voyennoy klassiki* [State defense of Russia. Imperatives of Russian military classics]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2002 (in Russian).
- Hale, W. *Turkish Politics and Military*. London: New York: Routledge, 1994.
- Ignat'yev, A.A. *50 let v stroyu* [50 years in the ranks]. Vol. 1. Moscow: Voenizdat Publ., 1989 (in Russian).
- Ivanov, A.I. *Vooruzhennyye sily Yaponii: istoriya i sovremennost'. K 40-leniyu razgroma Yaponii vo Vtoroy mirovoy voyne* [The armed forces of Japan: history and modernity. By the 40th, the defeat of Japan in World War II]. Moscow: Nauka Publ., 1985 (in Russian).
- Kennedy, P. *The Rise and Fall of Great Powers*. London: Unwin Hyman Limited, 1988.
- Khmelevskaya, Y.Y. “‘Bol'shaya igra’? Rol' sportivnoy etiki v podderzhanii moral'nogo dukha britanskoy armii v pervoy mirovoy voyne.” [‘Big game’? The role of sports ethics in maintaining the morale of the British army in World War I] In *Chelovek i vojna. Vojna kak yavleniye kul'tury*. Moscow: Airo-XX Publ., 2001 (in Russian).
- Kultyshov, P.G. *Russkaya armiya v Pervoy mirovoy voyne. Istoriko-antropologicheskii aspekt* [Russian army in the First World War. Historical and anthropological aspect]. Rostov on Don: [S.n.], 2010 (in Russian).
- Kuropatkin, A.N. *Russko-yaponskaya vojna, 1904–1905. Itogi voyny* [Russian-Japanese War, 1904–1905. The outcome of the war]. St. Petersburg: Poligon Publ., 2002 (in Russian).
- Lapin, V.V. “The Army of Empire – Empire in the Army: The Structure and Recruitment of the Russian Armed Forces in the 16th – 20th centuries.” *Ab Imperio. Teoriya i*

- istoriya natsional'nostey i natsionalizma v postsovetском prostranstve*, no. 4 (2002): 109–140 (in Russian).
- Lenin, V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full composition of writings]. Vol. 4. Moscow: Politicheskaya literature Publ., 1967 (in Russian).
- Lobov, V.N. *O dolge i chesti voinskoy v rossiyskoy armii. Sbornik materialov, dokumentov i statey* [About the duty and honor of the military in the Russian army. Collection of materials, documents and articles]. Moscow: Voenizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Lyudendorf, E. *Moi vospominaniya o voyne 1914–1918 gg* [My memories of the war of 1914–1918]. Vol. 1. Moscow: Veche Publ., 2014 (in Russian).
- Mannergeym, K.G. *Memuary* [Memoirs]. Moscow: Vagrius Publ., 1999 (in Russian).
- Menning, B.U. *Pulya i shtyk. Armiya rossiyskoy imperii. 1861–1914* [Bullet and bayonet. Army of the Russian Empire. 1861–1914]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2016 (in Russian).
- Novikova, I.N. “Separatizm kak gosudarstvennaya politika: rol' nemetskoй diplomatii v sozdanii ‘Ligi inorodtsev Rossii’ v gody Pervoy mirovoy voyny.” [Separatism as a state policy: the role of German diplomacy in the creation of the ‘League of Russian Aliens’ during the First World War] In *Rossiya v voynakh XX veka. Materialy 7-oy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii ‘Rossiyskoye obshchestvo i voyny XX veka’*. Krasnodar: [S.n.], 2004 (in Russian).
- Os'kin, M.V. “Rossiyskiye dezertiry Pervoy mirovoy voyny.” [Russian deserters of the First World War] *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo universiteta. Seriya Istoriya*, no. 5 (2014): 46–60 (in Russian).
- Polikarpov, V.V. *Voyennaya kontrrevolyutsiya v Rossii. 1905–1917 gg* [Military counter-revolution in Russia. 1905–1917]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Polnyy svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Full set of laws of the Russian Empire]. Vol. 32, no. 37417 (in Russian).
- Porshneva, O.S. *Krest'yanе, rabochiye i soldaty Rossii nakanune m v gody Pervoy mirovoy voyny* [Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve of the m during the First World War]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Rediger, A. *Istoriya moyey zhizni. Vospominaniya voyennogo ministra* [Story of my life. Memories of the Minister of War]. Vol. 1. Moscow: Kanon-press Publ.; Kuchkovo pole Publ., 1999 (in Russian).
- Repnikov, A.V., Rudaya, Y.N., and A.A. Ivanov. *Svet i teni Velikoy voyny* [Light and shadows of the Great War]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2014 (in Russian).
- Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Statisticheskoye issledovaniye* [Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Statistical study]. Moscow: Olma-Press Publ., 2001 (in Russian).
- Selishchev, A.S. *Yaponskaya ekspansiya: lyudi i idei* [Japanese expansion: people and ideas]. Irkutsk: Irkutsk University Publ., 1993 (in Russian).
- Senyavskaya, Y.S. *Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskiye ocherki* [The man in the war. Historical and psychological essays]. Moscow: IRI RAN Publ., 1997 (in Russian).
- . *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of war in the twentieth century: Russia's historical experience]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).

- Senyavskiy, A.S., and L.V. Zhukova. *Chelovek i frontovaya povsednevnost' v voynakh Rossii XX veka: ocherki po voyennoy istorii* [Man and frontline everyday life in the wars of Russia of the twentieth century: essays on the military history]. Moscow; St. Petersburg: IRI RAN Publ., 2017 (in Russian).
- Senyavskiy, A.S., and Senyavskaya, Y.S. “Historic Memory of the XXth Century Wars as the Sphere of Ideological, Political, and Psychological Confrontation.” *Otechestvennaya istoriya (The Ending)*, no. 2 (2007): 139–151 (in Russian).
- “Historic Memory of the XXth Century Wars as the Sphere of Ideological, Political, and Psychological Confrontation.” *Otechestvennaya istoriya*, no. 2, 3 (2007): 107–121 (in Russian).
- Sergeyev, Ye.Yu. *Pervaya mirovaya voyna – prolog XX veka. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [World War I – the prologue of the twentieth century. Materials of the international scientific conference]. Moscow: IVI RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Svechin, A.A. *Evolutsiya voyennogo iskusstva* [The evolution of military art]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Voyengiz Publ., 1928 (in Russian).
- Telitsyn, V.L. “Russkaya revolyutsiya 1917 g.: derevnya protiv goroda ili permanentnaya voyna.” [Russian revolution of 1917: a village against a city or permanent war] In *Akademik Volobuyev, P.V. Neopublikovannyye raboty. Vospominaniya. Stat'1*, 347–355. Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian).
- Tokvil', A. *Staryy poryadok i revolyutsiya* [Old order and revolution]. Moscow: Aleteyya Publ., 1997 (in Russian).
- Utkin, A. *Zabytaya tragediya. Rossiya v Pervoy mirovoy voyne* [Forgotten tragedy. Russia in the First World War]. Smolensk: Rusich Publ., 2000 (in Russian).
- Vitte, S.Y. *Izbrannyye vospominaniya. 1849–1911 gg* [Selected memories. 1849–1911]. Moscow: Mysl' Publ., 1991 (in Russian).
- Zayonchkovskiy, P.A. *Samoderzhaviye i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletiy. 1881–1903* [Autocracy and the Russian army at the turn of the twentieth century. 1881–1903]. Moscow: Mysl' Publ., 1973 (in Russian).
- Zhukova, L.V. “Propovednicheskaya deyatelnost' voyennogo dukhovenstva v russko-yaponskoy voyne.” [Preaching activities of the military clergy in the Russian-Japanese war] In *Voyenno-istoricheskaya antropologiya. Yezhegodnik 2002*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002 (in Russian).
- Zhurbina, N.Y. *Evolutsiya massovogo soznaniya soldat i ofitserov germanskoj armii v period Pervoy mirovoy voyny* [The evolution of the mass consciousness of soldiers and officers of the German army during the First World War]. St. Petersburg, 2009 (in Russian).

Аннотация: Статья посвящена анализу преобразований в российской армии конца XIX – начала XX в. и их влиянию на боеспособность войск и поведение нижних чинов в ходе боевых действий. Российский опыт освещается на фоне изменений в военной сфере, которые проводились в странах – участницах Первой мировой войны в ее преддверии. В статье анализируются две модели реорганизации армии: английская (при которой реализация закона о всеобщей воинской повинности 1916 г. и эффектив-

ная мобилизация становились возможными благодаря высокому уровню общественной поддержки государства и всей системы национальных ценностей) и германская (которая строилась на основе идентификации нации со своей армией). Автор приходит к выводу о том, что Россия, избравшая германскую модель, не смогла последовательно воплотить ее в жизнь прежде всего из-за низкого уровня грамотности социальных низов. Это сказалось на качественном составе призывников в царскую армию, и как следствие – их нелояльном отношении к воинской службе и царским властям.

Ключевые слова: вооруженный народ, воинская повинность, идентификация с армией, милитаризация

Для цитирования: Волкова И.В. Российское военное строительство на фоне милитаризации стран союзников и противников и его испытание войной // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. №. 1. С. 11–30. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-11-30>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49>

Научная статья / Research article

Демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 г. и судьба русского военного имущества в Молдавии и Бессарабии

М.В. Оськин

Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, 300028, Россия, Тула, ул. Болдина, 94; maxozv@yandex.ru

Demobilizing the Romanian Front in Winter 1917–1918 and the Fate of Russian Military Property in Moldova and Bessarabia

Maxim V. Os'kin

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association;
98 Boldina St., Tula 300028, Russia; maxozv@yandex.ru

Abstract: The article deals with the Bessarabian question after 1917, as well as the demobilization of the Russian armies on the Romanian front. The fate of Bessarabia, which Romanian troops occupied in January 1918, depended on agreements between various foreign governments. Thus, Bessarabia was under Romanian rule even before the Treaty of Versailles, and it was incorporated into the Romanian Kingdom after World War I. As the front collapsed and Russian troops there were demobilized, their commanders tried to keep their country's military property in the border areas of Moldova. Indeed, Russian generals made every effort to stabilize the situation in the Southwestern region in 1917 and 1918. However, in the face of their weakness, the Russians were not permitted to keep such property, not to mention their erstwhile Bessarabian province. The author concludes that Russian occupation of Romanian territory was inevitably fated to end because of its military weakness and civil war.

Keywords: Bessarabia, Romanian front, demobilization of the army, Pomglavkorum, revolutionary process, Russian property, Rumcherod

For citation: Os'kin, Maxim V. "Demobilizing the Romanian Front in Winter 1917–1918 and the Fate of Russian Military Property in Moldova and Bessarabia." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 31–49. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49>

Введение

Окончание Первой мировой войны 1914–1918 гг. закрепило распад нескольких империй – Германской, Австро-Венгерской, Османской и Россий-

ской. На их обломках создавались новые государства, происходило перераспределение пограничных территорий, и по итогам гражданского противостояния различной степени интенсивности вновь «стягивалось» ядро прежней государственности. Распад империй фактически начался уже во время войны, однако вплоть до Компьенского перемирия судьба спорных земель оставалась неясной, так как на них, как правило, располагались армии противника. Важным исключением из правила, по крайней мере для регионов Российской империи, стала во многом уникальная судьба отдаленного юго-западного угла страны – Бессарабии, которая уже в начале 1918 г. была захвачена интервентами – союзниками России по Антанте, продвигавшимися вглубь России с целью противостояния интервентам-противникам – армиям Центральных держав.

Проблематика итогов Первой мировой войны, связанная с бессарабским вопросом, неоднократно и подробно изучалась и затрагивалась в отечественной историографии. Советское правительство не признавало присоединения Бессарабии к Румынии, и потому труды советского периода однозначно оценивают этот вопрос как категорически негативный для России – СССР¹. Вторжение румынских войск в Бессарабию в январе 1918 г., последующие политические игры с местными органами власти (Сфатул Цэрий) и соглашения с германским командованием о контроле румын над данным регионом с вероятностью его последующего присоединения советские ученые трактуют как несомненную агрессию и оккупацию территории своего бывшего союзника по Первой мировой войне. Негативная оценка историков подкреплялась тем, что агрессия осуществлялась государством, которому в 1916–1917 гг. русской стороной оказывалась разнообразная помощь и поддержка как своему союзнику.

Той же позиции в целом придерживается и современная отечественная историография², возможно, несколько смягчая акценты оценки румынской политики аннексии за счет использования объективных факторов, приведших к присоединению Бессарабии к Румынии. Вместе с тем некоторые работы, прежде всего изданные в Молдавии, практически оправды-

¹ *Березняков Н.В.* Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1957; *Нотович Ф.И.* Бухарестский мир 1918 г. М.: Соцэргиз, 1959; *Френкин М.С.* Революционное движение на румынском фронте 1917 г. – март 1918 г., М.: Наука, 1965; *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1969; *Лунгу В.* Политика террора и грабежа в Бессарабии 1918–1920. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1979.

² Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе, М.: РГБ, 1991; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М.: Индрик, 1996; Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI в.). М.: РИСИ, 2011; Модернизация vs. Война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М.: Институт славяноведения РАН, 2012.

вают факт оккупации, делая упор на интересах высших слоев молдавского общества, а не на простых людей – рабочих и крестьян, как ранее. В частности, утверждается, что «местные элиты стремились восстановить порядок и стабилизировать военную ситуацию в условиях полной дезинтеграции фронта» и что «постепенно вариант объединения с Румынией стал восприниматься как “меньшее зло” в тогдашних обстоятельствах»³.

Румынская историография в целом придерживается той официальной позиции образца 1918 г., что была выдвинута тогдашним румынским военно-политическим руководством. В румынском воззвании от 7 января 1918 г.⁴, подписанном командующим румынской армией К. Презаном, говорилось, что целью вступления румынских оккупационных войск в Бессарабию является снабжение фронта, а также осуществление демобилизации русских войск⁵. На деле Сфатул Цэрий, действительно, в конце 1917 г. большинством голосов принял решение о вводе румынских войск в Бессарабию и взял курс на присоединение русской губернии к Румынии. Выступившие же против таких действий депутаты подверглись репрессалиям. Правомерность действий Сфатул Цэрия находится под большим сомнением, что не мешает и в наши дни утверждать, что румынская армия вступила в Бессарабию «по многочисленным просьбам официальных органов власти Кишинева», выполняя такие задачи, как «поддержание порядка и защита границы между Бессарабией и Румынией»⁶. В новейшем русско-румынском сборнике, вышедшем к юбилею окончания Первой мировой войны⁷, статьи румынских авторов в целом продолжают данную линию – на оправдание процесса присоединения Бессарабии к Румынии, объясняя его комплексом объективных обстоятельств и субъективных условий.

Наименее изученным процессом того времени являются русско-румынские отношения во взаимосвязи с демобилизацией Румынского фронта. Особое место здесь занимает компромиссная политика русского командования, лавировавшего между красными, белыми и интервентами в стремлении добиться наиболее выгодных для России условий роспуска войсковых частей и соединений фронта. Анализ действий различных участников событий начала 1918 г. на территории расположения войск Румынского

³ Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 366.

⁴ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю, принятому в 1917–1918 гг. как в Румынии, так и в штабе Румынского фронта, о деятельности которого идет речь в статье.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.

⁶ История Румынии. М.: Весь мир, 2005. С. 502.

⁷ *Romania si Rusia in timpul Primului Razboi Mondial* (Bucuresti: Editura Top Form, 2018).

фронта, протекавших в условиях демобилизации русских войск и вторжения румын на русскую территорию, является целью настоящей статьи.

Источниковой базой статьи послужили несколько личных фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), относящихся к современникам Первой мировой войны, и двух фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), отражающих процесс демобилизации Румынского фронта. Анализ архивных документов показывает нелегкий путь и выбор русского военного руководства Румынского фронта в политике демобилизации войск и сохранении российского имущества в Молдавии и Бессарабии. Этот выбор предлагался в условиях начинавшейся в России Гражданской войны и параллельно – румынской оккупации русской Бессарабии (один из отчетов по демобилизации прямо говорит, что «январский переворот – захват Одесской области большевиками, совпал с занятием румынами Бессарабии, вследствие чего связь с фронтом была прервана и фронт, как таковой, прекратил свое существование»⁸).

В личном фонде генерала Д.Г. Щербачева (Ф. 5936), который возглавлял войска Румынского фронта, содержатся различного рода делопроизводственные материалы (прежде всего отчеты) о действиях командования фронта накануне и в ходе демобилизации, в том числе в отношении русского военного имущества в Бессарабии. Материалы фонда командующего 9-й армией (а позднее – инспектора по формированию добровольческих частей на Румынском фронте) генерала А.К. Кельчевского (Ф. 6051) дополняют подобные сведения. Из фонда Коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов (Ф. 5881) были использованы мемуары командира 40-й пехотной дивизии А. А. Курбатова.

В свою очередь, в РГВИА материалы фондов Канцелярии главного начальника снабжений армий Румынского фронта (Ф. 2086) и Управления начальника по ликвидации Румынского фронта (Ф. 2099), во главе которых стоял А.С. Санников, характеризуют деятельность тех военных структур, что непосредственно отвечали за демобилизацию русских войск, а также за перемещение и охрану войскового имущества, оставляемого в Румынии и Бессарабии.

В преддверии оккупации

Неудача Июньского наступления 1917 г., в котором румынская армия показала себя наиболее дисциплинированной силой Восточного фронта Антанты, отчетливо выявила, что чаша весов в сотрудничестве между Россией и Румынией начинает склоняться в пользу последней. Если до и сразу

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2099. Оп. 1. Д. 164. Л. 41 об.

после Февральской революции румыны были вынуждены идти на уступки русским как заведомому лидеру в союзе по Восточному фронту, то ближе к осени 1917 г. развитие революционного процесса в России вынуждает Временное правительство все больше и больше уступать румынской стороне в тех или иных вопросах. Справедливо, что в определенной степени русская революция изолировала Румынию от прочих союзников по Антанте⁹. Однако вплоть до октябрьского переворота и установления в России советской власти этот фактор не был столь очевидным. Предполагалось, что русские революционные войска совместно с румынской королевской армией продолжают борьбу с общим врагом.

Невзирая на тот факт, что русские армии Румынского фронта по-прежнему находились в окопах, удерживая фронт, стало понятно, что реальной боевой силой на этом участке являются румынские армии, отлично показавшие себя в сражении при Марашешты. Тем самым помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта (Помглавкорум) Д.Г. Щербачев (главкомом официально являлся румынский король Фердинанд I, чьи полномочия были весьма ограничены) в своей политической деятельности по сглаживанию обострений развивавшегося в России революционного процесса мог опираться на румынскую военную силу. По мнению сына Помглавкорума А.Д. Щербачева, французы продемонстрировали качество румынской военной силы, «подтянув в один год всю румынскую армию и подняв ее на такую высоту, что солдаты сражались как львы, благодаря дисциплине, а офицеры умно распорядились»¹⁰.

Устойчивость зимней линии Румынского фронта и замирение боевых действий на нем весной не предвещали угрозы для стабильности окопной борьбы и удерживаемой союзниками территории. Напротив, русские планы наступления в кампании 1917 г. предполагали нанесение поражения неприятелю и освобождение части потерянной в 1916 г. румынской земли. Однако Русская революция 1917 г. и процессы разложения действующей армии сначала отложили на неопределенное время планировавшееся к середине весны наступление. Последовавший в ходе Июньского наступления разгром возродил к жизни уже почти забытые планы эвакуации остатков румынской власти вглубь России.

С 1 августа предполагалась эвакуация из Молдавии румынского правительства и королевского двора (в Херсон), военнообязанных с семьями, пленных, военных грузов и фронтовых учреждений. Эвакуация проводилась силами междуведомственной комиссии с участием румынских пред-

⁹ R. Hamilton, *Decisions for War, 1914–1917* (Cambridge, 2005), 214.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577. Л. 10.

ставителей во главе с помощником генерал-квартирмейстера Румынского фронта полковником Н.А. Берхом¹¹. Масштабы эвакуации были снижены после корниловского выступления и как его следствия – нарастания радикализации внутри России и русской армии. Но и частичная эвакуация (без правительства и королевского двора), тем не менее, вызвала продовольственные затруднения даже в богатой хлебной губернии. В начале августа херсонская городская продовольственная управа просила у министра продовольствия разрешения на внеочередную погрузку вагонов пшеницы и крупы из Киевской и Полтавской губерний, «ввиду крайней нужды в продуктах, усилившейся с приездом румын»¹².

Отступление армий Юго-Западного фронта из Галиции за линию государственной границы, реку Збруч, оголило правый фланг Румынского фронта, защищаемого 9-й армией Г. В. Ступина. Поэтому, в первую очередь, было решено отправлять внутрь страны тылы этой армии. 21 июля начальник штаба Румынского фронта Н.Н. Головин телеграфировал, что «ввиду критического положения Черновцов, а следовательно, северной части Румынии, эвакуация территории королевства фактически начинается», о чем был уведомлен румынский премьер. 29 июля Главный начальник снабжений армий Юго-Западного фронта Е.Ф. Эльснер, уточняя правила предстоящей эвакуации, телеграфировал: «Населению необходимо всем препятствовать сниматься с мест; войска никоим образом не должны принуждать его уходить. Собранные за нас хлеба ни на полях, ни под крышей уничтожению и сжиганию не подлежат, дабы не расстраивать войска отвлечением от боевых задач. Не вынуждать население уничтожением населенных пунктов и запасов хлеба эвакуироваться. Увод скота и пригодных армиям лошадей может осуществляться лишь при неизбежности отхода войск в полосе до перехода от боевых линий войск. Все излишки эвакуированного скота, за исключением нужного для продовольствия войск, а равно лошадей, должны передаваться по счету румынским властям». В свою очередь, Главный начальник снабжений армий Румынского фронта А.С. Санников также предлагал разъяснить населению, что «сопротивление реквизиции перевозочных средств бесцельны, так как в случае эвакуации отступающие войска все равно заберут с собою весь скот и все повозки»¹³.

Революционный процесс в России и начавшийся в конце лета постепенный развал Восточного фронта вынудил румынское руководство сконцентрировать максимум возможных ресурсов в своих руках, в том числе и за счет русской стороны. В частности, в разгар корниловского выступления,

¹¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 6. Д. 334. Л. 17–18.

¹² ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 463. Л. 16.

¹³ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 11. Л. 30 об., 47–48, 53.

согласно конвенциям 24 августа в Петрограде и 27–28 августа в Яссах, Россия приняла на себя снабжение продовольствием гражданского населения в Румынии, а любые заготовки русских войск в Румынии были запрещены. До конца года румынское население получило 100 тыс. тонн зерна и 300 тыс. тонн кукурузы¹⁴. То есть, видя крушение русской государственности и представляя себе последствия для Румынии, король Фердинанд I отдал распоряжение придерживать собственно румынские ресурсы в Молдавии и усилить накопление запасов в приграничных российских губерниях.

Румынскую сторону поддерживали и западные союзники. В конце сентября французы предложили создать межсоюзную комиссию по обеспечению железнодорожного сообщения в Бессарабии, очевидно, по инициативе главы союзной миссии в Румынии А.-М. Бертело, так как официально с предложением обратились румыны. Французы считали, что русские поставляют румынам недостаточно продовольствия, и Бертело предлагал создать в Бессарабии межсоюзную комиссию для формирования крупных запасов продовольствия путем его скупки или реквизиции¹⁵. Иными словами, речь шла о том, чтобы передать Бессарабию в экономическом плане на откуп румынам. В последующем в состав российских демобилизационных структур будут введены французские, британские и американские представители, и речь не шла, что вполне естественно, о румынских.

Румынское командование, видя нараставшие в России дезинтеграционные процессы и предвидя ухудшение ситуации (особенно после корниловского выступления), нацелилось на политику экономии собственных ресурсов. Если ранее такая тактика в определенной степени сдерживалась русской стороной, то теперь она стала генеральной линией румынского правительства. Твердо намереваясь продолжать войну, румыны справедливо опасались либо развала русской армии, либо выхода России из войны, ввиду чего следовало оставить продовольствие и фураж в своих руках. По соглашению с русской стороной румыны обязывались предоставить русским войскам определенную квоту продуктов, но не более того. Основную часть продфуража следовало подвозить из России. Вследствие этого расположенные на румынской территории русские армии Румынского фронта (4-я, 6-я и 9-я) с наступлением осени стали испытывать нехватку снабжения, так как подвоз из России постепенно иссякал, а румыны старались сохранить имеющиеся и без того небогатые ресурсы для себя.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 164. Л. 39.

¹⁵ Магадеев И.Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 44.

Дабы снизить последствия назревавшей продовольственной катастрофы, в октябре 1917 г. из действующей армии были отчислены в запас призывники 1900–1902 годов рождения. Характерно, что для Юго-Западного и Румынского фронтов указывалось прямо – «с целью несколько облегчить продовольствие армий»¹⁶. К моменту октябрьского переворота на Румынском фронте продуктов оставалось на пять – семь дней¹⁷, тем не менее откровенного голода на фронте не было вплоть до заключения Брестского мира. Другой вопрос, что после прихода к власти большевиков сокращение численности действующей армии пошло ускоренными темпами. Следовательно, вплоть до окончания демобилизации в марте 1918 г. фронт продолжал снабжаться теперь уже по воле большевистского правительства, взявшего курс на выход России из войны.

В сложившихся условиях противоречия между союзниками стали выливаться и в явные конфликты, так как уходившим русским войскам в ситуации катастрофического снижения объемов подвозимого продовольствия из-за начинающейся в России Гражданской войны чем-то надо было питаться. В свою очередь, остававшимся в окопах румынским армиям и мирному населению требовалось оставить для себя как можно больше ресурсов в силу неясной перспективы заключенного с Центральными державами перемирия. Известно, что объявление перемирия советским правительством и усилившийся развал фронта в условиях минимального снабжения понудили войска уходить с позиций и добывать себе пропитание в тылах на театре военных действий. Конечно, такая практика влекла за собой определенный уровень насилия.

Русское командование во главе с генералом Д.Г. Щербачевым осознавало возникшие на этом фоне проблемы румынского союзника и способствовало их решению собственными распоряжениями. Прежде всего, русским соединениям, постепенно отходившим на русскую территорию пограничной Бессарабии, запрещалось забирать с собой продовольствие и фураж. Например, 31 октября Помглавкорум запретил перегон скота из Румынии в Бессарабию. Он отмечал: «Некоторые войсковые части, приходящие в Бессарабию, ведут с собой рогатый скот иногда в значительном количестве и на просьбу румынских властей доказать происхождение этого скота, отказываются давать объяснения и силой переходят границу, заявляя, что скот получен от интендантства»¹⁸. Очевидно, запреты не действовали, если спустя полтора месяца, 14 декабря, румынская сторона настаивала перед

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

¹⁷ РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 1934. Л. 19.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 17. Л. 349.

Д.Г. Щербачевым на издании запрета на вывод скота из Румынии русскими отрядами. Румынская сторона заявляла: «Ввиду того, что мы этим лишаемся последних запасов, честь имеем просить Вас довести до сведения русских армий, что им категорически воспрещается уводить скот из Румынии в Бессарабию. Румынским постам приказано препятствовать русским отрядам и частям совершать подобные поступки»¹⁹.

Дело сотрудничества русского командования с румынами осложнялось тем, что к концу 1917 г. в русских войсках Румынского фронта происходили процессы самовольной смены командиров солдатскими массами и их комитетами, отстранения их от должности и порой откровенного изгнания из соединений. Так, в начале декабря со своего поста был смещен и отправился в распоряжение штаба фронта командарм-9 А.К. Келчевский, которого сменил солдат Сафонов. Вскоре был арестован командарм-4 А.Ф. Рагоза, после освобождения уехавший в Умань. Не дожидаясь ареста, в Киев выехал командарм-8 Н.Л. Юнаков. Были и противоположные случаи – за беззастенчивое соглашательство с солдатскими комитетами штабом фронта при поддержке румынских войск, занявших штаб армии в Белграде, был отправлен в отставку командарм-6 А.А. Цуриков. Подобной участи подверглись и многие нижестоящие начальники – командиры корпусов, дивизий и проч., хотя не без поддержки румын части из них удалось остаться на своем посту.

Помимо личностных требований к командирам, особенно четко обозначившихся после корниловского выступления, основной проблемой стал вопрос о признании советской власти. Не обязательно было присягать советскому правительству – способы сохранения своего поста могли быть разными. Например, по воспоминаниям командира 40-й пехотной дивизии (6-я армия) А.А. Курбатова, на дивизионном митинге 6 декабря солдаты потребовали от начдива ответить, «признает ли он Крыленку» (Н.В. Крыленко – первый советский Верховный главнокомандующий), тот ответил уклончиво, но все обошлось. Курбатов вспоминал: «А был момент, что над нами был бы свершен самосуд с превращением в кусок мяса, с надругательством и со срыванием погон. Недаром начальник штаба взял с собой револьвер, чтобы уничтожить себя раньше убийства»²⁰. Курбатову удалось продержаться до начала весны, а затем присоединиться к белогвардейскому отряду полковника М.Г. Дроздовского, ушедшего на Дон для соединения с Добровольческой армией Л.Г. Корнилова.

Таким образом, к концу 1917 г. оказались смещенными все командармы, и демобилизация во многом приняла стихийный характер. Однако

¹⁹ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 17. Л. 55, 292.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 442. Л. 16.

высшее командование сумело приложить все усилия и сделать все возможное, чтобы обеспечить организацию как выхода России из войны, так и демобилизацию войск. Главную роль в этих процессах должен был играть штаб Румынского фронта, отвечавший за удержание линии фронта вплоть до заключения мира и предстоящую демобилизацию.

Важным обстоятельством, в перспективе повлиявшим на процесс распада Румынского фронта, стало подчинение его командования украинской Центральной Раде, что рассматривалось Д. Г. Щербачевым как альтернатива советскому правительству в Петрограде. Решение об объединении 23 ноября Румынского и Юго-Западного фронтов в Украинский фронт, который возглавил Щербачев, несмотря на свою недолговечность, позволило в будущем украинским сепаратистам претендовать на русское военное имущество в Румынии и даже на Бессарабию.

Запутанность взаимного подчинения, оттеняемого сепаратными настроениями, вследствие частой смены властей на данной территории (Совнарком, которому формально подчинялась вся армия; Центральная Рада, претендовавшая на легитимацию суверенитета; бессарабский Сфатул Цэрий, лавировавший между различными политическими силами) осложнялась внешним фактором, постепенно приобретшим ведущее значение. Во-первых, это – румынская армия и правительство, обозначившее курс на присоединение Бессарабии по итогам Первой мировой войны и Центральные державы, заинтересованные в объявленном В.И. Лениным выходе России из войны, а следовательно, вынужденные учитывать румынский фактор на Восточном фронте.

Начинавшаяся в России Гражданская война, раскалывавшая и остававшиеся в окопах русские боевые части, лишь усиливала запутанность ситуации на Румынском фронте, где к началу 1918 г. располагалось 54 пехотных и 7 кавалерийских дивизий, в том числе 10 пехотных и 1 кавалерийская – украинские, 2 пехотные – молдавские, 7 пехотных дивизий и Крымский полк – мусульманские²¹. Разумеется, эти соединения были дивизиями лишь на бумаге, так как самодемобилизация войск фронта затронула все подразделения бывшей русской армии. Поэтому реальная мощь таких частей была невелика, но в ситуации развала каждый организованный полк считался немалой силой.

Отражая итоги выборов в Учредительное собрание (60% голосов Румынский фронт отдал эсерам) и учитывая большевизацию войсковых комитетов, штаб фронта во главе с Д.Г. Щербачевым, опираясь на военную поддержку дисциплинированных румын, к концу 1917 г. сумел разгромить

²¹ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238. Л. 17 об.

централизованную структуру советской власти на Румынском фронте (арест и расстрел С.Г. Рошаля), после чего 13 января 1918 г. Совнарком объявил Щербачева вне закона и выпустил постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией, заодно конфисковав хранящийся в Москве золотой фонд Румынии. В тот же день Щербачев сложил с себя полномочия командующего Украинским фронтом и вернулся к командованию только на Румынском фронте, так как Центральная Рада начала с немцами сепаратные переговоры о мире.

Румынское вторжение в Бессарабию и демобилизация Румынского фронта

После того, как Центральная Рада начала переговоры с Германией, союзники по Антанте выдвинули проект независимой Бессарабии во главе с Д.Г. Щербачевым, но тот не согласился, ввиду чего ввод румынских войск в Бессарабию стал неизбежен. Причинами тому стали как объективные обстоятельства – необходимость снабжения фронта и захват ресурсов региона для этой цели, так и субъективные – расчеты румынского правительства на послевоенное отторжение Бессарабии в свою пользу. Сам Помглавкорум решил на ввод румынских войск в Бессарабию только для того, чтобы обеспечить снабжение войск, причем румынский премьер-министр И. Брэтиану и главнокомандующий румынской армией К. Презан уверили его, что не имеют территориальных притязаний²². 7 января 1918 г. румынские войска перешли пограничную реку Прут. Через две с небольшим недели располагавшийся в Одессе Центральный исполнительный комитет Советов Румынского и Черноморского флотов и Одесского военного округа (Румчерод), которому подчинялись все революционные подразделения Румынского фронта, объявил Румынии войну.

Согласно румынским договоренностям с двинувшимися вглубь российской территории немцами, численность румынской армии резко снижалась, но в Бессарабии – не лимитировалась, что позволяло румынскому командованию сохранить достаточно крупные военные силы в ожидании неминуемого разгрома Центральных держав. Сохранив армию, румыны удерживали локальную гегемонию на Балканах. Таким образом, после октябрьского переворота и установления в России советской власти юго-западный угол страны – Бессарабия – стал первым объектом иностранной интервенции. Пока Совет Народных Комиссаров вел сложные переговоры о выходе России из войны, проходила демобилизация Восточного фронта, а на окраинах уже начиналась Гражданская война и вчерашний союзник

²² ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577. Л. 26.

России по Антанте – королевская Румыния уже готовилась к аннексии Бессарабской губернии.

В условиях политической нестабильности, когда на территории Бессарабии имели место противостояние между красными и белыми, сопротивление крестьян румынской «добровольной» оккупации, продвижение вглубь России австро-германских войск и переговоры румын с Центральными державами, штаб Румынского фронта должен был озаботиться ликвидацией имущества фронта и завершением демобилизации русских войск. Ликвидационная комиссия Румынского фронта под председательством начальника штаба 4-й армии Н.А. Монкевица не имела возможности вывоза в Россию российского имущества Румынского фронта, а потому следовало сохранить его на месте под союзнические обязательства, чем занималась особая комиссия под председательством инспектора артиллерии фронта князя В.Н. Масальского.

Главной целью своей деятельности ликвидационная комиссия и штаб Румынского фронта ставили сохранение русского военного имущества для будущей России в условиях румынского давления и назревавшей и вскоре начавшейся германской интервенции. Румынская инструкция от 10 февраля фактически передавала «русское имущество в почти полное распоряжение румын». Для преодоления конфликтов с румынами, у которых, согласно Отчету по демобилизации, «начинал уже устанавливаться взгляд на наше имущество как на их собственность», использовались союзные миссии²³. То есть в качестве гарантов сохранения русского военного имущества в собственности будущей России без большевиков были избраны французы и американцы. Противодействие румынской стороны и начавшаяся в России Гражданская война вынудили оставить русское военное имущество Румынского фронта на территории Румынии и Бессарабии под доверенность союзников.

В телеграмме Помглавкорума от 14 февраля по вопросу об имуществе русских войск Румынского фронта в адрес нового премьер-министра Румынии А. Авереску (в январе Брэтиану ушел в отставку под давлением неизбежности сепаратного мира) звучали следующие требования: «2). признание за Россией права собственности на все имущество русской армии, находящееся в Румынии. 3). признание за румынским правительством права временно задержать имущество, указанное в п. 2, как гарантию возвращения Россией оставшегося там имущества румынской армии»²⁴. В итоге была заключена компромиссная формула соглашения, согласно которому

²³ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238. Л. 31 об.

²⁴ Там же. Д. 9. Л. 12.

Россия оставалась собственником войскового имущества русских армий Румынского фронта, Румыния – его хранительницей, а союзники – «дебиторами его стоимости». Однако отъезд союзных миссий после заключения Брестского мира и мирного договора между Центральными державами и Румынией (миссия А.-М. Бертело вместе с 300 бельгийцами из Донецкого бассейна отплыла в Англию из Мурманска в конце апреля 1918 г.²⁵) фактически передал это имущество в руки румын.

Для более успешной защиты русских интересов ликвидационной комиссией была предпринята попытка создать несколько больших общешфронтовых складов в Бельцах и на станциях Унгени, Соколы, Пырлица, Калараш, Бендеры, Рени. Тем не менее, между русской администрацией складов и румынской охраной «возникали постоянные недоразумения», так как румыны вывозили имущество со складов, а в случаях уличения их списывали происходящее на отдельные недоразумения и инциденты. В итоге было решено «передать все имущество на хранение румынскому правительству», что затянулось до 1 июля. 22 мая 1918 г. румынское военное министерство сообщило Главному начальнику Управления по русской ликвидации, что дата 1 июня является «сроком окончания всех работ по передаче находящегося в Румынии русского военного имущества, которому надлежит оставаться здесь в собственности русского государства»²⁶. Конечный срок пребывания русских военных чинов в Молдавии и Бессарабии определялся 1 июля 1918 г.

По минимальным подсчетам, румынам было оставлено около 200 русских складов стоимостью не менее 1 млрд руб. Русские однозначно считали, что с начала 1918 г. «чувствовалось стремление румын возместить за счет фронтового имущества те убытки, которые они понесли от войны и благодаря большевистскому движению в России»²⁷.

Румынскому политическому руководству русское присутствие на территории Бессарабии (которую оно уже фактически считало своим военным трофеем в качестве компенсации за участие в войне) было в принципе не нужно. Соответственно, и русское военное имущество рассматривалось в качестве трофея, которым, вдобавок, вполне можно было распорядиться при достижении тяжелых договоренностей с немцами, уже двинувшихся на Украину и постепенно отрезавших Бессарабию и Румынию от территории России. Доклад от 14 марта начальника штаба 9-й армии А.Н. Алексеева, работавшего в ликвидационной комиссии, подводил общие

²⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 410. Л. 7.

²⁶ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 174. Л. 3.

²⁷ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238. Л. 32–33, 36–37 об.

итоги. В нем отмечалось, что на фронте «находится громадное по количеству и огромное по своей ценности имущество русских армий. Это имущество частью сосредоточено в складах, а частью брошено войсками. Ежедневное расхищение и не узаконенная его распродажа наносят громадный ущерб всем частям бывшей Российской империи»²⁸. Русская сторона определенно назвала вещи своими именами – захват румынами русского военного имущества. Сделать же было ничего нельзя, так как русские армии прекратили свое существование, союзные миссии выезжали на родину, а румыны вели переговоры с немцами.

Интересно, что помимо румын на чужую собственность нашелся и еще один претендент, спешивший завладеть всем, что «плохо лежит», а именно – Украинская Народная республика (УНР), которой на рубеже 1917/1918 г. непродолжительное время юридически подчинился Румынский фронт и Помглавкорум генерал Щербачев. В отчете о демобилизации Румынского фронта, составленном в конце марта 1918 г., говорилось: «Одновременно обнаружались совершенно необоснованные притязания на имущество и со стороны Украины и Бессарабии. И те и другие стали на точку зрения своего исключительного права на оставление на Румынском фронте русского имущества, причем в некоторых случаях их притязания находили поддержку румын»²⁹. И если требования бессарабских властей просто служили плохо скрываемой ширмой для румынских целей, так как румыны уже контролировали якобы «независимую» Молдавскую республику, то получившая в свое распоряжение имущество Юго-Западного фронта Украинская Народная республика по свойственной привычке старалась воспользоваться ситуацией в свою пользу.

Претензия Украины основывалась на следующем – «так как Румынский фронт входил в состав Украинского, то и имущество его составляет собственность УНР». На заседании Комитета по демобилизации украинские представители Данилович и Котик, считая, что формальное месячное подчинение штаба Румынского фронта УНР предполагает полную капитуляцию перед требованиями украинского руководства в лице В.К. Винниченко и С.В. Петлюры, внесли в протокол уточнение, в котором говорилось: «Все имущество Румынского фронта всецело принадлежит УНР и подлежит перевозке на украинскую территорию». Разумеется, Д.Г. Щербачев отказал ничем необоснованным домогательствам³⁰. 12 февраля Данилович и Котик были выведены из состава Комитета по демобилизации, так

²⁸ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 15. Л. 467.

²⁹ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238. Л. 33.

³⁰ Там же. Л. 38.

как УНР заключила сепаратный мир с немцами. Основной же задачей Комитета ставилось недопущение расхищения русского имущества румынами и молдаванами (правительством Сфагул Цэрий)³¹.

Как и следовало ожидать, украинская сторона пошла обходным путем. Помощник Главного начальника снабжений армий Румынского фронта Санникова В.П. Тальгрэн заключил с представителями УНР определенного рода договоренности. Как следует из доклада полевого военного прокурора Румынского фронта полковника Семенова от 24 марта 1918 г., выяснилось, что в феврале Тальгрэн получил 500 тыс. руб. от штаба Помглавкорума на проведение мер по демобилизации армии, но не отчитался о расходах и денег не вернул. Впоследствии Тальгрэн распродал имущество Ясского вещевого склада 9-й армии на сумму в 640 тыс. руб., но денег не заприходовал. На 24 февраля Тальгрэн внес в Румынский национальный банк на свое имя 900 тыс. лей и еще 1 350 тыс., полученные от распродажи склада, были переведены членам украинского комиссариата³².

Наконец, 1 марта В.П. Тальгрэн прибыл в Кишинев, прямо представив себя представителем УНР, и предложил создать единую комиссию по демобилизации Украинского фронта, то есть не Румынского, а якобы Украинского. Какое отношение Щербачев имел к УНР, отказавшись сотрудничать с ним из-за явно прогерманской позиции Центральной Рады, остается неизвестным. Соответственно, Тальгрэн был немедленно уволен со своего поста и заменен Алексеевым, а 3 марта союзники приняли документ о принадлежности русского военного имущества Румынского фронта будущей России. Понятна потому характеристика Тальгрэна сыном Помглавкорума, который сказал, что это «был ужасный господин как в физическом своем облике, так и нравственном»³³.

Уже после разоблачения махинаций со стороны Тальгрэна другие украинские представители пытались получить хоть что-нибудь в свою пользу. Например, 12 апреля комиссар УНР при 9-й армии телеграфировал армейскому интенданту: «Большинство из указанных вами складов принадлежат исключительно украинским частям, а потому ликвидацию их фронтным советом, в состав которого не входит представитель от УНР, нахожу неправильной и самочинной»³⁴. Эта история прекрасно показала отчетливо выраженную тенденцию «независимого» украинского правительства к присвоению чужой собственности под любым предлогом.

³¹ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 66. Л. 21.

³² ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–21.

³³ Там же. Д. 577. Л. 31.

³⁴ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 173. Л. 135.

В ситуации, когда германское командование подписало с румынским правительством договор, передававший Бессарабию румынам, штабу Румынского фронта, оставшемуся без войск (к началу марта русский военный персонал на Румынском фронте насчитывал около 12 тыс. чел.), оставалось только самоликвидироваться. Приказ Д.Г. Щербачева от 12 марта 1918 г. гласил, что 15 марта увольняются солдаты последних сроков призыва, а с 18 марта деятельность штаба прекращается и его расформирование должно пройти до 23 марта³⁵.

В связи с тем, что к середине лета работа русского командования в Бессарабии должна была завершиться, румынское правительство постепенно убирало с поля деятельности высокопоставленные российские фигуры, дабы не быть связанными в своих дальнейших действиях. Одним из первых был отправлен в почетную отставку уважаемый в союзных кругах генерал Д.Г. Щербачев. 25 марта Помглавкорум сложил свои полномочия, и король Фердинанд I наградил его Большим Крестом ордена звезды Румынии с мечами. 26 марта, после отставки генерала, союзники приняли обращение, в котором призывали: «Выразить уважение Вашей твердости и лояльности, при помощи коих Вы сумели, при самых сложных обстоятельствах, поддержать насколько было возможно общие интересы союзников»³⁶. В середине апреля русским офицерам было запрещено носить оружие на территории не только Румынии, но и Бессарабии, а русская охрана складов сдавала оружие и заменялась румынами³⁷. История Российской империи в Бессарабии завершилась.

Выводы

В условиях революционного процесса в России в период Великой российской революции 1917 г. судьба окраин бывшей Российской империи, оказавшихся под иностранной оккупацией или перед ее угрозой, складывалась весьма неблагоприятно, невзирая на обозначившийся перелом в Первой мировой войне в пользу Антанты. Наиболее уникальной оказалась судьба самой отдаленной юго-западной окраины страны – Бессарабии, перед которой открылось несколько вариантов дальнейшего развития. Предпринятые попытки воплотить в жизнь ту или иную альтернативу проводились различными политическими силами с разной степенью интенсивности и шансов на успех, однако определяющим фактором зимы 1917–1918 гг. стало наличие Румынского фронта и последующие процессы его распада и демобилизации как следствие выхода России из Первой мировой войны.

³⁵ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 15. Л. 466.

³⁶ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9. Л. 21 об.

³⁷ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 68. Л. 66.

Данный регион, расположенный на стыке интересов нескольких стран из разных противоборствующих в войне лагерей, был оккупирован румынскими интервентами (вчерашними союзниками) с разрешения австро-германских интервентов (противников по войне). Следовательно, распад Российской империи оказался выгоден не только неприятелю, но и союзникам, сыгравшим немалую роль в достижении договоренностей в отношении Бессарабии. Демобилизация Румынского фронта фактически передавала в руки румынам огромное российское имущество, на обладание которым румынская сторона претендовала в связи с удержанным в России румынским золотым запасом, а вдобавок – и способствовала вторжению румынских войск в Бессарабию.

Штаб Румынского фронта, вынужденный действовать в сложнейшей ситуации, имел главной целью юридическое сохранение военного имущества для будущей России, под которой штаб Помглавкорума, естественно, подразумевал не советскую страну. Соответственно, демобилизация русских войск, предполагавшая их возвращение по домам, во многом способствовала затуханию очагов Гражданской войны. Как ни парадоксально, румынская интервенция свела к минимуму Гражданскую войну, охватившую в 1918 г. практически всю территорию России. «Белые» в лице «дроздовцев» ушли на Дон, а «красные», подчинявшиеся Румчероду, были постепенно вытеснены за Днестр румынскими войсками. Намерения бессарабского крестьянства и городских низов воспользоваться законодательством советского правительства были при непосредственной поддержке румынской армии блокированы пришедшей к власти в Молдавии местной буржуазией. Тем самым до Хотинского восстания 1919 г. бессарабский регион временно был исключен из общероссийского гражданского противостояния, основное внимание при этом было уделено борьбе с интервентами, для чего потребовалось некоторое время.

Таким образом, в силу обстоятельств, связанных с войной, судьба региона оказалась в руках интервентов. Вчерашние враги – австро-германцы и румыны – смогли прийти к договоренностям по взаимной оккупации разных регионов бывшей Российской империи.

© Оськин М.В., 2019
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 11 ноября 2018 г.

Submitted: 11 November 2018

References

- Bereznyakov, N.V. *Bor'ba trudyashchihsya Bessarabii protiv interventov v 1917–1920 gg* [The struggle of workers against the invaders in 1917–1920]. Kishinev: Kartya moldovenyaskheh Publ., 1957 (in Russian).
- Bessarabiya na perekrestke evropeyskoy diplomatii* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy]. Moscow: Indrik Publ., 1996 (in Russian).
- Frenkin, M.S. *Revoljucionnoe dvizhenie na rumynskom fronte 1917g. – mart 1918 g.* [The revolutionary movement on the Romanian front 1917 – March 1918]. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Hamilton, R. *Decisions for War, 1914–1917*. [N.p.]: Cambridge University Press, 2005.
- Istoriya Rumynii* [The history of Romania]. Moscow: Ves' mir Publ., 2005 (in Russian).
- Kushko, A., and Taki, V. *Bessarabiya v sostave Rossiyskoy imperii (1812–1917)* [Bessarabia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012 (in Russian).
- Lungu, V. *Politika terrora i grabezha v Bessarabii 1918–1920* [The policy of terror and robbery in Bessarabia 1918–1920]. Kishinev: Kartya moldovenyaskheh Publ., 1979 (in Russian).
- Magadeev, I.E. “Vostochnyy front v 1917 godu i perspektivy rossiyskoy armii v ocenkah francuzskih voennyh ehkspertov.” [The Eastern front 1917 and prospects of the Russian army in the evaluation of the French military experts] *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 6 (2017): 29–46 (in Russian).
- Modernizatsiya vs. Voyna. Chelovek na Balkanah nakanune i vo vremya Balkanskikh voyn (1912–1913)* [Modernization and war. Man in the Balkans before and during the Balkan Wars (1912–1913)]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Notovich, F.I. *Buharestskiy mir 1918 g* [The Bucharest peace 1918]. Moscow: Socehgiz Publ., 1959 (in Russian).
- Pervaya mirovaya vojna i problemy politicheskogo pereustroystva v central'noy i yugo-vostochnoy Evrope* [World War I and the problem of political reconstruction in Central and Southeastern Europe]. Moscow: RGB Publ., 1991 (in Russian).
- Romania si Rusia in timpul Primului Razboi Mondial* [Russia and Romania during the World War I]. Bucuresti: Editura Top Form Publ., 2018 (in Romanian).
- Vinogradov, V.N. *Rumyniya v gody Pervoy mirovoy voyny* [Romania during the First World War]. Moscow: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem (konets XIX – nachalo XXI vv.)* [Romanian Eastern policy in the past and present (the late 19th – early 21st centuries)]. Moscow: RICI Publ., 2011 (in Russian).

Archives

- Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of the Russian Federation], f. 5881, 5936, 6051, 6831.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arhiv [Russian state archive of military history], f. 369, 499, 2086, 2099.

Аннотация: В статье рассматривается политика русско-румынских взаимоотношений в бессарабском вопросе после октябрьского переворота 1917 г. и последующей демобилизации русских армий Румынского фронта. Отмечается, что судьба Бессарабии, на чью территорию в январе 1918 г. вступили румынские войска, зависела от соглашений между разнообразными внешними участниками событий, чьи действия в конце концов привели к оккупации Румынией этой части Российского государства. Следовательно, еще до Версальского мира Бессарабия фактически оказалась под властью румынского правительства и вошла в состав Румынского королевства по итогам Первой мировой войны. В обстановке развала фронта и демобилизации русской армии русский штаб Румынского фронта попытался сохранить для своей страны российское военное имущество, расположенное в приграничных районах Молдавии. Автор приходит к выводу, что русское военное командование приложило все усилия по стабилизации ситуации в юго-западном крае, однако взаимные соглашения между интервентами не позволили России сохранить де-факто ни имущество, ни Бессарабскую губернию.

Ключевые слова: Бессарабия, Румынский фронт, демобилизация армии, Помглавкорум, революционный процесс, русское имущество, Румчерод

Для цитирования: Оськин М.В. Демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 г. и судьба русского военного имущества в Молдавии и Бессарабии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 1. С. 31–49. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-50-66>

Научная статья / Research article

Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата в годы Гражданской войны на Урале (1918–1919 гг.)

Н.И. Дмитриев

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19; babd@mail.ru

The Russian-Czechoslovak Chamber of Commerce and Industry in the Urals during the Russian Civil War (1918–1919)

Nikolai I. Dmitriev

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia; babd@mail.ru

Abstract: This article examines the economic cooperation between representatives of the Czechoslovak Republic and the governments in the Urals during the Russian Civil War to restore production, supply industrial enterprises, and solve social problems. This relationship began in summer 1918 with to the establishment of the Technical Department of the Czech troops in the region. The Russian-Czechoslovak Chamber of Commerce and Industry of the Ural region operated in Yekaterinburg from January to July 1919. The article's research is based on a wide range of previously unpublished holdings in the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (thereafter – AMZV ČR). These documents are particularly important given the paucity of relevant sources in Russia. The author demonstrates that this bilateral cooperation, resolved many issues, including the establishment of governing bodies. Geographically, the Chamber's area of responsibility in the Urals included Perm, Vyatka, Ufa, and Orenburg provinces and the Turgay region. The Chamber had its own branches and appointed correspondents almost everywhere. At the same time, it gradually increased the number of participants and expanded its practical activities, thus actively helping to restore industry in the Urals. The author concludes that the Russian-Czechoslovak Chamber of Commerce and Industry laid the foundation for future cooperation between Czechoslovakia and liberated Russia. Even the Czechoslovaks' subsequent rejection of military support to the government of Admiral A.V. Kolchak did not halt economic cooperation, which both Russian industrialists and the Czechoslovak representatives supported.

Keywords: Ural Region, Russian Civil War, Czechoslovak Corps, Russian-Czechoslovak Chamber of Commerce and Industry

For citation: Dmitriev, Nikolai I. "Russian-Czechoslovak Chamber of Commerce and Industry during the Russian Civil War in Urals (1918–1919)." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 50–66. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-50-66>

Введение

Историография пребывания Чехословацкого корпуса на территории России в целом достаточно велика и противоречива. Крайне негативный, представленный «по горячим следам» недавно прошедших событий взгляд на военную и тыловую деятельность чехословаков был присущ многим представителям белой эмиграции¹. Однако уже к концу двадцатых годов XX в. стали появляться более обоснованные и взвешенные оценки². В дальнейшем на протяжении длительного периода времени тема практически не исследовалась, и лишь в последние десятилетия к ней вновь проявился интерес у научной общественности, прежде всего словацкой и чешской³. Между тем, хотя написано достаточно много, существуют проблемы, вообще не подвергавшиеся изучению. Одной из них является деятельность Русско-Чехословацкой торгово-промышленной палаты Уральского края в 1919 г.

Историографические источники об этой организации крайне скудны. В работах чешских авторов, рассматривающих различные аспекты тыловой и хозяйственной жизни Чехословацкого корпуса в России, его Технического отдела, вопросу взаимодействия легионеров с местными торгово-промышленными кругами внимания практически не уделяется⁴. В работе Й. Скацела лишь упоминается об образовании торгово-промышленной палаты⁵. Аналогичным образом о существовании этой организации говорит и российский исследователь В.В. Шитов⁶. Даже в фундаментальном труде «*Za svobodu. Obrazková kronika československého revolučního hnutí na Rusi. 1914–1920*» в

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. Харбин: [Б.и.], 1921; Сахаров К.В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен: [Б.и.], 1923; Он же. Чешские легионеры в Сибири (Чешское предательство). Берлин: [Б.и.], 1930; Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922: впечатления очевидца. Париж: [Б.и.], 1985.

² Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж; Прага: [Б.и.], 1928.

³ Муратов А., Муратова Д. Судьбы чехов в России, XX век. Путь от Киева до Владивостока. Прага: Русская традиция, 2012. С. 311–312; V.M. Fic, *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa. 1914–1918* (Brno: Stilus, 2014); J. Kvasnička, *Československé legie v Rusku. 1917–1920* (Bratislava: Slovak Academy, 1963); R. Sak, *Anabáze. Drama československých legionářů v Rusku (1914–1920)* (Jinočany: H&H, 1996); I. Savický, *Osudová setkání. Češi v Rusku a rusové v Čechách. 1914–193* (Praha: Akademia, 1999), 105–106.

⁴ K. Pichlik, and B. Klipa, *Zabloudivola J. Českoslovenští legionáři (1914–1920)* (Praha: Mladá fronta, 1996); D. Vácha, *Ostrovny v bouři. Každodenní život československých legií v ruské občanské válce 1918–1920* (Praha: Epoque, 2016); A. Zeman, “Převedení čsl. vojska na ochranu magistrály,” in *Cestami odboje. Jak žily a kudy táhly čs. Legie* (Praha: Pokrok, 1928), 454–460.

⁵ J. Skácel, *Československá armada v Rusku a Kolčak. Protibolševický odboj v roce 1918–1920* (Praha: Památníku Odboje, 1926).

⁶ Шитов В.В. Дом Ипатьева: летописная хроника в документах и фотографиях (1877–1977). Екатеринбург; Челябинск: Avto Graf, 2013. С. 73, 74.

пятом томе констатируется лишь факт создания палаты, которой посвящен при этом лишь один небольшой абзац⁷. Что касается упоминаний в периодической печати, то в некоторых изданиях антибольшевистского лагеря («Правительственный вестник», «Наш Урал» и других) сведения о палате встречаются чаще, но их правдивость требует документальной проверки. Ведь не случайно 26 февраля 1919 г. председатель палаты В.К. Павловский писал полномочному представителю Чехословацкой республики в России Б. Павлу следующие строки: «Само собой разумеется, что палата не может быть ответственной за появление в прессе статей, основанных на слухах, вроде той, которая помещена в газете «Наш Урал», издаваемой Союзом кооперативов, где этой миссии [представителей промышленности и торговли Урала в Чехию. – *Н.Д.*] придают высшее государственное значение, указывают маршрут и вообще искажают факты до неузнаваемости.

Палата со своей стороны принимает, конечно, все меры для правильного освещения задач миссии и весьма сожалеет, что редакция “Нашего Урала” поместила статью, не проверив предварительно правильности сообщения»⁸.

Стремясь положить конец различным домыслам, появившимся в прессе, в апреле 1919 г. Президиум палаты принял решение об издании собственного «Вестника», первый номер которого планировалось подготовить к середине мая. Однако, судя по всему, увидеть свет ему было не суждено.

Некоторые разрозненные документальные источники по исследуемой теме можно найти в Государственном архиве Свердловской области, но основной пласт обнаруженных на сегодняшний день документов, безусловно, хранится в Архиве Министерства иностранных дел Чешской республики, в фонде «Sibiřské archívu», хотя и он далек от систематичности и не носит исчерпывающего характера. Как следствие, отмеченные замечания позволяют пока говорить лишь о восстановлении самой общей картины работы этой организации.

Усилия по возрождению уральской промышленности

Вступление чехословацких войск в Екатеринбург обеспечило перевод в здание «Американской гостиницы» города Отделения Чехословацкого национального совета (ЧНС). По рекомендации военных представителей стран Антанты и ЧНС 13 августа 1918 г. в Екатеринбурге было образовано Временное областное правительство Урала (председатель – П.В. Ива-

⁷ *Za svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi. 1914–1920* (Praha: Za svobodu, 1929), 311–312.

⁸ Archív Ministerstva zahraničních věcí ČR (далее – AMZV ČR). Fond Sibiřské archívu (далее – SA). Kart. 4. Archív okrskového konzulárního představitěľa ČSR v Jekaterinburgu ing. J. Holnu (далее – Archív... ing. J. Holnu).

нов), целью которого стало восстановление мирной жизни, промышленности и создание определенного «буфера» между соперничавшими и стремившимися к всероссийской центральной власти Временным сибирским правительством и правительством членов Всероссийского Учредительного собрания. В своем заявлении от 19 августа Уральское правительство констатировало: «Великие трудности стоят на пути к возрождению России и, в частности, Урала, где вся жизнь нарушена: заводы находятся в полном расстройстве, запасов сырья и топлива мало, продовольствия недостаточно, денежные знаки наравне с золотом и другими ценностями в казначействе и Банках на многие сотни миллионов разграблены большевиками. Велика разруха, и чтобы справиться с ней, нужны невероятные усилия. Это было бы совершенно непосильно теперь для какого бы то ни было Центрального правительства при помощи посланных из центра чиновников, как бы они не именовались. Такую работу скорее может выполнить, и то с невероятным трудом, областное правительство, состоящее из местных общественных деятелей и привлекшее к созидательной работе все живые силы области»⁹.

Приоритет правительства в пользу восстановления промышленности выразился, в частности, в создании по инициативе Технического отдела чехословацких войск двух таких специфических государственных органов, как Главное управление горных дел и Уральский промышленный комитет. В дальнейшем фактически именно Уральский промышленный комитет участвовал в формировании экономической политики областного правительства и достаточно эффективно проводил ее административными методами.

Между тем уполномоченный по делам Чехословацкой республики Б. Павлу в послании образованному вскоре Российскому правительству адмирала А.В. Колчака отмечал, что сотрудничество войск с местной администрацией имеет целью всемерную организацию тыла, содействие в восстановлении производства и снабжении промышленных предприятий, решении социальных проблем населения¹⁰. И эти слова не были пустой декларацией.

Еще в разгар боев за Урал 19 июля 1918 г. в Челябинске по распоряжению исполкома чехословацких войск начал свою работу Технический отдел корпуса, руководство которым было возложено на инженера Й. Знаменачека и его помощника инженера Й. Гольну, вскоре возглавившего все подразделение. В августе отдел был переведен в Екатеринбург. Со временем его структура включила в себя девять отделений (машиностроительное, горно-

⁹ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 1951. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 176. Оп. 1. Д. 61. Л. 6–7.

металлургическое, химическое, железнодорожное и др.), способствовавших не только обеспечению собственных потребностей, но и решению различных вопросов уральского хозяйства в целом¹¹. Силами русских и чехословацких инженеров (последних было 25 человек), направленных на предприятия края, прошла ревизия положения дел, после чего для восстановления производства на заводы были назначены временные руководители и стали направляться инженеры, мастера и рабочие¹².

Мера, первоначально воспринятая скептически, вскоре вызвала поток соответствующих заявлений от рабочих коллективов, а уполномоченные по управлению горными округами и отдельными предприятиями взяли за правило сообщать о сложившейся ситуации не только начальнику Уральского края¹³ или в бюро съезда горнопромышленников, но также в Технический отдел чеховойск. И как следствие: если в июле 1918 г. на Среднем Урале работало лишь 4 предприятия, то в августе – 35, в декабре – 69, а в январе уже – 95 предприятий. Одновременно по мере сил осуществлялась рационализация и внедрялись некоторые новые методы производства, вводились прогрессивные тарифы и мотивация труда, устанавливался контроль за выработкой продукции. В результате в декабре 1918 г. на промышленных предприятиях производительность труда по сравнению с большевистским периодом выросла на 36–39%, а на железной дороге – на 35%¹⁴. Таким образом, можно утверждать, что в среде чехословацкого корпуса имелось четкое представление как о текущем состоянии дел в уральской промышленности, так и о будущих перспективах, что, безусловно, принималось в расчет.

Создание Русско-Чехословацкой торгово-промышленной палаты

Становлению плана государственного сотрудничества между Чехословацкой республикой и освобожденной Россией способствовали проходившие зимой 1918 г. в Екатеринбурге совместные русско-чехословацкие военные парады – институции, положившие начало практике русско-чехосло-

¹¹ ГАСО. Ф. 1952 р. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

¹² AMZV ČR. Fond SA. Kart. 2. Archiv zástupcu politického plnomocníka ČSR na Rusi so sídlom v Omsku Bohdana Pavlů, (далее – Archiv... В. Pavlů). Inv. č. 11. Korespondencia s technickým oddelením.

¹³ Домовитова П.Я. Проблема «двоевластия» на Урале в условиях режима А.В. Колчака (декабрь 1918 г. – апрель 1919 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 2 (25). С. 42–49.

¹⁴ AMZV ČR. Fond SA. Kart. 2. Archiv... В. Pavlů. Inv. č. 11. Korespondencia s technickým oddelením.

вацких межгосударственных отношений. Одновременно формировалась мысль о сотрудничестве и в других областях. Осенью 1918 г. в Екатеринбурге прошли русско-чехословацкие переговоры. Собравшиеся на встрече промышленники, общественные и военные деятели определили фундаментальные принципы отношений между двумя странами. В ходе переговоров зародилась идея создания двустороннего органа делового сотрудничества, которым и стала Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата, призванная способствовать установлению взаимных русско-чехословацких экономических связей, а также возрождению и развитию урало-сибирского хозяйства.

Подготовительные работы по открытию Торгово-промышленной палаты начали осуществляться в Омске с ноября 1918 г., затем местом пребывания палаты стал Екатеринбург. 21 декабря состоялось учредительное собрание, а официально Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата Уральского края открылась 6 января 1919 г.¹⁵ Она создавалась «для установления, поддержки, содействия и развития прочных взаимных Русско-Чехословацких экономических сношений и для повышения производительных сил Уральского края»¹⁶. Палата находилась в ведении министерств торговли и промышленности двух стран. Однако до момента установления связи с заграничным министерством палата подлежала ведению уполномоченного правительства Чехословацкой республики в России. Чтобы достичь поставленных целей, членам палаты предстояло установить тесные контакты между русскими и чехословацкими торгово-промышленными организациями, предприятиями и частными лицами, для которых она должна была предоставлять необходимые сведения по вопросам экспорта-импорта и при необходимости защищать интересы предпринимателей перед государственными структурами, а также любыми иными организациями. Палате предстояло заниматься сбором и распространением всевозможных сведений, касающихся торговли и промышленности двух стран, способствовать целесообразному взаимному размещению капитала, предоставлять информацию о кредитоспособности предприятий и частных лиц, выпускать соответствующую печатную продукцию, устраивать выставки и т.д. Наиболее достойным представителям палата готова была предоставлять командировки и пособия для практического изучения условий торгово-промышленной жизни данного государства. Географически зона действия палаты ограничивалась Уральским краем. В различных пунктах

¹⁵ ГАСО. Ф. 1956р. Оп. 1. Д. 15. Л. 11–13.

¹⁶ AMZV ČR. Fond SA. Kart. 4. Archiv... ing. J. Holnu.

этой обширной территории она могла открывать свои отделения и представительства, назначать собственных корреспондентов.

Состав палаты включал в себя почетных и действительных членов, являвшихся исключительно гражданами России и Чехословацкой республики, активно занимавшихся торговлей и промышленностью или имевших к ним какое-либо отношение. Почетные члены палаты избирались Общим собранием по предложению Совета из числа лиц, оказавших особо ценные услуги по вопросам, составлявшим цели работы палаты. Действительные члены утверждались Советом по представленному письменному заявлению и уплачивали ежегодные членские взносы.

Делами палаты управлял Совет в составе 12–21 членов, избираемых на три года, третья часть которых должна была являться гражданами Чехословакии. Члены Совета избирались Общим собранием из числа постоянно находившихся на территории Уральского края членов палаты. Общее собрание избирало сроком на три года Председателя, двух его товарищей (по одному от каждого из государств) и казначея. С целью правильного решения вопросов, касавшихся экономической жизни Чехословакии, министерство торговли и промышленности этой республики назначало в состав палаты секретаря, детально знавшего экономику своей страны. Совет созывался по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц, и мог приглашать на свои заседания знающих обсуждаемую проблему лиц. Постоянному комитету (Президиуму) из числа руководящих членов палаты надлежало проводить заседания еженедельно и осуществлять текущее управление работой организации.

Общие собрания палаты, как текущие, так и чрезвычайные, проходили в Екатеринбурге в соответствии с установленной повесткой дня. Порядок проведения очередного собрания устанавливался Советом. Обсуждению Общим собранием подлежали отчеты Совета и комитета, финансовая отчетность и проект сметы на предстоящий период, вопросы замещения вакантных должностей. Чрезвычайные Общие собрания могли созываться Советом, ревизионной комиссией или по требованию не менее чем 50 членов палаты. При этом требовалось присутствие на Общих собраниях не менее трети членов палаты. Организационно-уставные вопросы, включая исключения членов палаты, вопросы недвижимого имущества, займов и ликвидации дел палаты требовали поддержки двух третей голосов из числа присутствующих членов собрания¹⁷.

Наиболее пристальному обсуждению подверглись два пункта Устава: о подведомственности торгово-промышленной палаты и о ее секретаре.

¹⁷ AMZV ČR. Fond SA. Kart. 4. Archiv... ing. J. Holnu.

19 мая 1919 г. при министерстве иностранных дел Российского правительства адмирала А.В. Колчака по этим вопросам состоялось специальное заседание с присутствием представителей всех заинтересованных сторон. Российская сторона в части подведомственности палаты министерству торговли и промышленности Чехословацкой республики усматривала нарушение суверенных прав, когда иностранная правительственная власть распространяет свои компетенции на территорию, «подлежащую исключительно ведению местной государственной власти». На совещании представитель чехословаков капитан О. Кржимек, в свою очередь, предлагал отложить окончательное решение данной проблемы до момента подписания торгового договора между Россией и Чехословакией, когда статус палаты будет определен окончательно¹⁸. В итоге был принят компромиссный вариант, откладывавший окончательное решение проблемы до момента установления регулярной связи с иностранным министерством торговли и промышленности, а до тех пор палата с зарубежной стороны находилась в подчинении уполномоченного правительства Чехословацкой республики в России.

Хотя в апреле 1919 г. у палаты появился свой секретарь в лице поручика В. Чеха, уставная статья об этой должности также была вынесена на рассмотрение майского заседания. Изначально предполагалось, что секретарем станет представитель, назначаемый чехословацким правительством. Однако российская сторона высказалась против такого решения, усмотрев в нем, во-первых, противоречие самой идее палаты как не правительственной, а частной общественной организации «местных торговых и промышленных деятелей, стремящихся к установлению тесных экономических связей с заграничными торгово-промышленными кругами» и, во-вторых, «опасность подчинения палаты ведению иностранного министерства с возможностью возникновения далеко идущего прецедента». В свою очередь доктор О. Кржимек справедливо заметил, что чехословацкое правительство не сможет предоставлять все необходимые материалы и сведения «лицу, ему не известному или не пользующемуся полным доверием». В качестве сиюминутного компромиссного варианта было предложено, чтобы кандидатура на должность секретаря палаты выдвигалась чехословацким министерством торговли и промышленности, а после ее одобрения в палате назначалась российским правительством¹⁹.

¹⁸ AMZV ČR. Fond SA. Kart. 2. Archiv... B. Pavlů. Inv. č. 1. Korešpondencia s okrskovým predstaviteľom uralského kraja so sídlom v Jekaterinburgu.

¹⁹ Там же.

Окончательно согласованный Устав палаты с чехословацкой стороны подписали члены ЧСНС поручик, доктор В. Сухий, Я. Краль, Ф. Шип, поручик В. Комарек, а также капитан О. Гоудек, В. Елинек и А. Швенек. От уральцев свои подписи поставили лидеры Екатеринбургского биржевого комитета, уральского и екатеринбургского советов Союза торговли и промышленности, Екатеринбургского культурно-экономического союза, Екатеринбургского совещания горнопромышленников Урала И.Ф. Круковский, В.К. Павловский, П.В. Иванов, З.Х. Агафуров, И.С. и Н.С. Первушины, Л.И. Сладков, Д. Расснер, Н.Н. Ипатьев, Л.А. Кроль, А.Н. Судаков и другие. Возглавил палату видный промышленник, председатель Уральского совета Союза торговли и промышленности Василий Кондратович Павловский. Его товарищами стали Н.Н. Ипатьев и В. Комарек, казначеем – Ф.М. Гольберг, председателем Совета палаты – С.Ф. Злоказов.

Практические действия и первые результаты работы

С первых шагов своей практической деятельности палата стала хорошим подспорьем Техническому отделу чехословацких войск в деле оказания помощи уральской промышленности, положение которой оценивалось как «близкое к краху». В кратчайший срок многим промышленным предприятиям были предоставлены технические силы чехословацких добровольцев, которые, по отзывам владельцев, оказались весьма полезны. Палата сформировала и отправила несколько поездов, доставивших в глубь Сибири уральское железо в обмен на продовольствие для заводского населения. Следствием предпринятых усилий стало то, что уже через месяц после создания число действительных членов палаты превысило 100 человек и продолжало расти. 16 января 1919 г. с согласия Главного начальника Уральского края С.С. Постникова состоялось первое Чрезвычайное общее собрание, в повестке дня которого стояли вопросы приема и утверждения новых членов, выборов руководящих органов, сметы на 1919 г. и ряд других²⁰.

Знаковые для палаты события произошли в феврале 1919 г. В середине месяца во Владивосток отправился эшелон инвалидов. Палата получила от чехословацких военных властей право утилизировать около 35 вагонов из прибывших. Подвижной состав был распределен между уральскими предприятиями, подлежал загрузке на Дальнем Востоке необходимыми им машинами, инструментами, медикаментами и другим имуществом²¹.

Чтобы исключить спекуляцию, попытки провоза недозволенных товаров и преодолеть недоверие со стороны чехословацкого интендантства

²⁰ ГАСО. Ф. 1956р. Оп. 1. Д. 15. Л. 11–13.

²¹ Там же. Д. 12. Л. 95.

к ее временному представителю, палатой в тесном контакте с Техническим отделом были составлены точные списки ввозимых товаров. Вскоре произошла беседа председателя В.К. Павловского с адмиралом А.В. Колчаком, по результатам которой Верховный правитель отдал распоряжение о беспрепятственном продвижении эшелона²². При этом палата получила право на вознаграждение за организацию перевозки, что способствовало бы увеличению ее оборотных средств. Свою поддержку палате обещал чехословацкий военный министр генерал М.Р. Штефаник. Во исполнение его предписания примерно в это же время от Б. Павлу на текущие расходы палата получила 20 тыс. рублей. Предпринятые шаги помогли ей обрести финансовую самостоятельность²³.

19 февраля на заседании Президиума и членов Совета палаты, состоявшемся в присутствии Б. Павлу и его заместителя капитана О. Кржимека, были поставлены вопросы о содействии палате в получении еженедельно (или хотя бы два раза в месяц) двух или трех вагонов из Владивостока для доставки грузов в Екатеринбург, предназначенных, преимущественно, для оборудования заводов, а также о предоставлении палате возможности принимать участие в утилизации принадлежавшего чехословацким частям имущества по мере их эвакуации. Участие палаты обеспечивало планомерный характер работы в этой области. Следовательно, имущество могло быть продано выгоднее, чем при поспешности действий, и возникала уверенность, что оно не попадет к спекулянтам. Предложения палаты нашли одобрение и поддержку у чехословацкого уполномоченного.

Способствуя развитию работы палаты, военный министр М.Р. Штефаник принял решение об отправке в Чехословацкую республику группы видных представителей русской торговли и промышленности «для взаимного ознакомления о возможности будущих экономических сношений Чехословацкой республики с Россией».

В феврале Президиум палаты после обсуждения сформировал состав миссии во главе с заместителем председателя палаты капитаном В. Комарком. С российской стороны в далекий вояж делегировались восемь человек, представлявшие Уральский союз и Совет съездов торговли и промышленности, Биржевой комитет, Бюро съезда горнопромышленников, Союз кооперативов, а также Торгово-промышленную палату. Лишь Уральское горное управление уведомило организаторов, «что за неимением в настоящее время свободных инженеров, командировать кого-либо не может»²⁴.

²² ГАСО. Ф. 1956р. Оп. 1. Д. 12. Л. 109.

²³ AMZV ČR. Fond SA. Kart. 4. Archiv... ing. J. Holnu.

²⁴ Там же.

Условия военного времени, однако, не способствовали осуществлению поездки, подготовка которой затягивалась. В середине апреля миссия все еще находилась на Урале, хотя О. Кржимек писал председателю Совета палаты инженеру-технологу С.Ф. Злоказову, что с его «стороны будут приняты надлежащие меры к тому, чтобы комиссия в скором времени достигла места своего назначения». Вскоре вопрос был окончательно урегулирован с посетившим Екатеринбург Б. Павлу, после чего на исходе месяца миссия в серьезно усеченном составе (капитан В. Комарек, А.И. Мясников, С.Ф. Злоказов) все же отправилась в Чехословакию. При этом В. Чех констатировал: «С отъездом заместителя председателя капитана Комарека упразднено его место в Совете. Наследник на это место не избран, поэтому в заседаниях президиума, кроме трех русских, я один чех»²⁵.

В целом становление работы продолжалось успешно, и в конце марта Н.Н. Ипатьев телеграфировал в Омск Б. Павлу: «Дела палаты в полном порядке». Это позволило управляющему российским министерством торговли и промышленности Н.Н. Щукину в письме на имя председателя палаты В.К. Павловского выразить «глубокую уверенность в том, что объединение русско-чехословацких торгово-промышленных кругов послужит звеном, которое сплотит славянские народы и даст им хозяйственную и политическую мощь»²⁶. Со своей стороны министр обещал всемерную поддержку на этом пути.

Такая поддержка, видимо, была весьма кстати, поскольку непонимание и подозрительность все же существовали. Иначе сложно объяснить, например, факт задержания военными в Омске в конце марта находившегося там по делам палаты ее председателя. Арестованного препроводили для разбирательства в Екатеринбург, но здесь он был немедленно освобожден. 29 марта В.К. Павловский телеграфировал Б. Павлу: «Этот ужасный случай лишил меня возможности выполнить [в] Омске поручения всех командировавших меня общественных организаций, [в] том числе и палаты. Кроме того, поставил все наши организации в затруднительное положение, ибо такие аресты лишают честных людей возможности честно работать. Подробный доклад вышлю Вам почтой. Благоволите оказать Ваше любезное содействие, чтобы возвратили [в] Екатеринбург в распоряжение палаты вагон первого класса номер сто одиннадцать, предоставив в нем места тем лицам, которые со мной приехали в Омск»²⁷.

²⁵ AMZV ČR. Fond SA. Kart. 4. Archiv... ing. J. Holnu.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Стремясь к преодолению недоверия и установлению более тесного практического сотрудничества, палата пошла на контакты с местными властями Екатеринбурга. В апреле в ходе беседы с представителями города и Уральского союза кооперативов была достигнута договоренность о проектировании мыловаренного и керамического заводов, и Технический отдел приступил к конкретной работе. Тогда же председатель и секретарь палаты совместно с представителем техотдела вступили в переговоры о передаче палате прав на издание уникальных работ по минералогии Урала скончавшегося члена городской думы Ф.М. Короткова. Достаточно сказать, что научное наследие составляло сорок томов и являлось итогом тридцатипятилетней научной и практической деятельности автора.

Такие усилия в полной мере отвечали планам работы палаты на перспективу. Еще в феврале 1919 г., обсуждая этот вопрос, в Президиуме заговорили о возможности «учреждения на Урале новых предприятий, фабрик и заводов, применения чехословацкого культурного труда и вообще объединения на торгово-промышленной почве». В этой связи намечалось открытие на Дальнем Востоке специализированного информационного бюро, в задачи которого вошло бы изучение местного рынка и содействие в приобретении ценных для Урала товаров по наименьшей стоимости²⁸. Во Владивосток были командированы член палаты А. Швенек и в качестве делопроизводителя Ерухманов. Правда, об их деятельности, судя по всему, даже палате мало что было известно, поскольку в апреле В. Чех направил тыловому чехословацкому интенданту «запрос о добровольце Швенеке». Одновременно ему же было адресовано предложение относительно представления образцов хлеба и сырья для последующей их закупки для нужд палаты.

В плане реализации идеи сотрудничества на перспективу несколько уральских заводов (по изготовлению обоев, производству вермишели, шоколада и воска) были предложены к сдаче в аренду или покупку чехословацким legionерам, которые по окончании войны хотели бы остаться в России. Готовились списки имен таких добровольцев из войска, а также адресов уральских и чехословацких фирм²⁹.

В целом, развитие деятельности палаты позволяло надеяться на успешное сотрудничество в будущем. Не случайно, что в день годовщины выступления Чехословацкого корпуса В.К. Павловский, который не смог по болезни лично присутствовать на торжественном мероприятии, писал консулу Й. Гольне: «Позвольте мне письменно в лице Вашего приветство-

²⁸ ГАСО. Ф. 1956р. Оп. 1. Д. 12. Л. 95–96, 98.

²⁹ AMZV ČR. Fond SA. Kart. 4. Archiv... ing. J. Holnu.

вать Чехословацкий народ, год тому назад геройски выступивший в защиту России. Эта защита никогда не будет забыта русским народом, и я надеюсь, что единение, состоявшееся на поле брани, послужит к объединению и в торгово-промышленном отношении, причем скованное братской дружбой и любовью такое объединение славян послужит к процветанию как Вашей, так и моей Родины»³⁰.

Однако жизнь распорядилась иначе. Угроза захвата большевиками заставила приступить в начале июля 1919 г. к эвакуации Екатеринбургa. 11 июля прекратило свою деятельность чехословацкое консульство. Как следствие, отправилась на восток и Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата. Причем документы палаты отправились в Омск, а затем вместе с Техническим отделом – во Владивосток, в то время как Президиум эвакуировался через Тобольск в Томск. 20 августа В.К. Павловский писал Б. Павлу: «Где находится сейчас палата, я не знаю, и был бы весьма благодарен, если бы Вы поручили известить меня о ее местонахождении»³¹. При этом в более позднем послании, датированном 7 октября, председатель палаты не терял оптимизма: «Есть надежда, и дай Бог, чтобы она оправдалась, что можно будет из Томска вернуться в Екатеринбург. Я буду счастлив, если это откроет славным чехословацким войскам дорогу на Запад вместо утомительного путешествия через океан.

Я имел громадное удовольствие встретить здесь и приветствовать чехословацкую делегацию в лице г.г. Крейчи, Гануш, Давис и проч. Под свежим впечатлением беседы с ними скажу, что, если нам удастся сбересть Урал для применения в нем чехословацкой индустрии и научного труда, то это сыграет громадную роль в будущем славной Чехословацкой республики.

Не дай Бог, если все, что мы так любовно готовили для совместной с чехословаками деятельности, попадет в руки г[оспод] американцев, и я полагаю, что в этом случае должны быть приняты все меры, чтобы сбересть интересы Чехословацкой республики. Мы, уральцы, приложим все усилия, но отстаивайте и Вы»³².

Наконец, 30 ноября 1919 г. В. Чех сообщил Б. Павлу: «Текущая ситуация не позволяет работать. Таким образом... считаю своей обязанностью передать архив палаты на хранение здешнему доверенному Чехословацких властей, чтобы можно было использовать шанс для продолжения ее работы. Денежные средства палаты в размере 97 500 рублей передам предста-

³⁰ AMZV ČR. Fond SA. Kart. 4. Archiv... ing. J. Holnu.

³¹ Там же.

³² Там же.

вительству финансового управления на расчетный счет. Одновременно передам здешнему доверенному чехословацких властей профессиональные книги»³³.

Так закончилась история Русско-Чехословацкой торгово-промышленной палаты Уральского края. Некоторые из ее активных членов все же оказались в Чехословацкой республике, но не по делам экономики, а в качестве эмигрантов (В.К. Павловский, Н.Н. Ипатьев, И.Ф. Круковский и другие).

Выводы

Таким образом, отказ чехословаков от участия в продолжении военных действий против большевиков, последовавший после прихода к власти правительства адмирала А.В. Колчака, вовсе не означал прекращения двустороннего сотрудничества в налаживании мирной экономической жизни. Наоборот, взаимодействие в этой сфере, несмотря на имевшие место определенные политические затруднения, даже усиливается. Одним из примеров успешности такого сотрудничества является непродолжительная история создания и функционирования Русско-Чехословацкой торгово-промышленной палаты Уральского края. В развитии, а в перспективе и наращивании экономического взаимодействия были заинтересованы не только столкнувшиеся со всеобщей разрухой российские предприниматели и промышленники, но и чехословацкая сторона, перед которой стояли задачи строительства независимого государства. Не случайно в подготовленном в июле 1919 г. отчете консульского представителя Чехословацкой республики в Екатеринбурге инженера Й. Гольны содержались следующие слова: «Урал имеет для нас большое значение, даже при значительной удаленности от нашей республики. Считаю необходимым обязательно обратить внимание и рекомендовать, чтобы на Урале было опять открыто консульство с торговым и техническим агентствами. Необходимо открыть свою деятельность немедленно, как только к тому представится первая возможность, пока конкуренция, которая вырастет значительно, будет небольшой. Необходимо чтобы заместитель был опытный экономист и при том технически образованный, чтобы мог понять благоприятную конъюнктуру.

Отношение русских кругов, в особенности заводской интеллигенции, нефанатичных рабочих было к нам везде очень хорошим и это позволяет надеяться, что и в будущем будет добрый прием»³⁴.

³³ AMZV ČR. Fond SA. Kart. 4. Archiv... ing. J. Holnu.

³⁴ Там же.

Деятельность палаты способствовала выработке принципов межгосударственного сотрудничества. При этом обе стороны понимали, что это работа на перспективу, а в настоящее время взаимодействие необходимо было выстраивать, прежде всего, на региональном и муниципальном уровнях. В отличие от аналогичных Русско-Американской или Русско-Английской палат, факт образования которых остался лишь на бумаге, Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата Уральского края наметила и приступила к решению конкретных первоочередных задач, стоявших перед местным хозяйством. Возвращение к власти большевиков положило конец начавшемуся российско-чехословацкому взаимодействию, задержав его на несколько десятилетий.

© Дмитриев Н.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 22 октября 2018 г.

Submitted: 22 October 2018

References

- Domovitova, P.Y. “Problema ‘dvoevlastiya’ na Urale v usloviyach regima A.V. Kolchaka (dekabr 1918 g. – aprel 1919 g.)” [The problem of Diarchy in the Urals in the conditions of Kolchak regime (December 1918 – April 1919)] *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 2 (2014): 42–49 (in Russian).
- Dragomiretskiy, V.S. *Czechoslovaki v Rossii. 1914–1920* [Czechoslovaks in Russia. 1914–1920]. Paris; Prague: [S.n.], 1928 (in Russian).
- Fic, V.M. *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa. 1914–1918*. [Czechoslovak Legion and fighting for emergence of Czechoslovakia. 1914–1918]. Vol. 4. Brno: Stilus Publ., 2014 (in Czech).
- Filatyeu, D.V. *Katastrofa belogo dvigeniya v Sibiri. 1918–1922: vpechatleniya ochevidca* [The disaster of the White Movement in Siberia. 1918–1922. Impressions of Eyewitness]. Paris: [S.n.], 1985 (in Russian).
- Gins, G.K. *Sibir, souzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920* [Siberia, the allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920]. Kharbin: [S.n.], 1921 (in Russian).
- Kvasnička, J. *Československé legie v Rusku. 1917–1920* [Czechoslovak Legion in Russia. 1917–1920]. Bratislava: Slovak Academy Publ., 1963 (in Czech).
- Muratov, A., and Muratova, D. *Sudbi chechov v Possii, XX vek. Put ot Kieva do Vladivostoka*. [Fates of Czechs in Russia. The 20th century. From Kiev to Vladivostok]. Prague: Russian Tradition Publ., 2012 (in Russian).
- Pichlik, K., Klipa, B., and Zabloudivova, J. *Českoslovenští legionáři (1914–1920)* [Czechoslovak legionaries]. Praha: Mladá fronta Publ., 1996 (in Czech).

- Saharov, K.V. *Belaya Sibir. Vnutrennyaya voyna. 1918–1920* [White Siberia. Internal War 1918–1920]. Munich: [S.n.], 1923 (in Russian).
- Saharov, K.V. *Chechskie legionary v Sibiri (Chechskoe predateľstvo)* [Czech Legionaries in Siberia (Czech betrayal)]. Berlin: [S.n.], 1930 (in Russian).
- Sak, R. *Anabáze. Drama československých legionářů v Rusku (1914–1920)* [Anabasis. Drama of Czechoslovak Legionaries in Russia. 1914–1920]. Jinochany: H&H Publ., 1996 (in Czech).
- Savický, I. *Osudová setkání. Češi v Rusku a rusové v Čechách. 1914–1938* [Restless meetings. Czechs in Russia and Russians in Czechia. 1914–1938]. Prague: Academy Publ., 1999 (in Czech).
- Shitov, V.V. *Dom Ipatieva: lepisnaya hronika v dokumentah i fotografiyah (1877–1977)* [Ipatiev's House: chronicle at documents and photos (1877–1977)]. Yekaterinburg; Chelyabinsk: Ayto Graf Publ., 2013 (in Russian).
- Skácel, J. *Československá armáda v Rusku a Kolčak. Protibolševický odboj v roce 1918–1920* [Czecho-Slovak army in Russia and Kolchak. Anti-Bolshevistic opposition 1918–1920]. Praha: Památníku Odboje Publ., 1926 (in Czech).
- Vácha, D. *Ostrov v bouři. Každodenní život československých legií v ruské občanské válce 1918–1920* [Islands in the storm. Czechoslovak legionnaires everyday life in Russian Civil war (1918–1920)]. Praha: Epocha Publ., 2016 (in Czech).
- Za svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi. 1914–1920* [For freedom. Czecho-Slovak revolutionary movement in Russia. Illustrate chronicle. 1914–1920]. Vol. 5. Praha: Za svobodu Publ., 1929 (in Czech).
- Zeman, A. *Převedení čsl. vojska na ochranu magistrály. Cestami odboje. Jak žily a kudy táhly čs. legie* [Czecho-Slovak army changes for protection of trunk line. Opposition ways. How lives and where goes Czecho-Slovak legionary]. Vol. 4. Praha: Pokrok Publ., 1928 (in Czech).

Archives

- Archív Ministerstva zahraničních věcí ČR [Archive of Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic], fond Sibiřské archivy, k. 2, 4.
- Gosudarstvennyi arhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation], f. 176, op. 1, d. 61.
- Gosudarstvennyi arhiv Sverdlovskoy oblasti [State Archive of the Sverdlovsk region] (thereafter – GA SO), f. 1951r, op. 1, d. 2.
- GA SO, f. 1952r, op. 1, d. 1.
- GA SO, f. 1956r, op. 1, d. 12, 15.

Аннотация: Статья посвящена проблемам экономического взаимодействия представителей Чехословацкой республики с существовавшими на территории Урала в годы Гражданской войны белыми правительствами. С января по июль 1919 г. в Екатеринбурге работала Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата Уральского края, географически деятельность которой распространялась на весь Уральский край. Статья основана на широком массиве ранее не публиковавшихся документов, выявленных главным образом в Архиве министерства иностранных дел Чешской ре-

спублики (AMZV ČR). Автор приходит к выводу о том, что Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата заложила основы для реализации плана будущего государственного сотрудничества Чехословацкой республики и освобожденной России, и даже последовавший отказ чехословаков от военного взаимодействия с правительством А.В. Колчака после прихода его к власти не означал прекращения начавшегося экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Уральский край, Гражданская война, Чехословацкий корпус, Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата

Для цитирования: Дмитриев Н.И. Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата в годы Гражданской войны на Урале (1918–1919 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 50–66. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-50-66>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-67-84>

Научная статья / Research article

Большевистское проектирование «нового человека» в раннесоветский период: теоретические основы, политико-идеологические приоритеты, эволюция подходов

О.С. Поршнева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина; 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; o.s.porshneva@urfu.ru

Bolshevik Engineering of the “New Man” in the Early Soviet Period: Theoretical Bases, Political and Ideological Priorities, Evolution of Approaches

Olga S. Porshneva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; o.s.porshneva@urfu.ru

Abstract: The article examines theoretical preconditions, as well as the political and ideological priorities of Bolshevik efforts to engineer of the “New Man” in the early Soviet period. The author shows the Marxist origins of the Bolshevik project and their transformation in the works of V.I. Lenin and other leaders of the Communist Party and the Soviet state. It describes the principal mechanisms and tools used to design the New Man, as well as practice of social mobilization and exposure to the political culture of Bolshevism. Emphasis is given to the role of the legacy of World War I in the Bolshevik institutionalization of social engineering, coercion and violence to create *new human material*. The article also shows disagreements among the Bolshevik leadership during the period from 1917 until the late 1920s regarding the ways of designing the New Man in the context of the proletarian culture, the role of the moral character concept for an ideal communist person as the builder of new society. Analysis is given to the gender aspect of the problem, the Bolshevik vision of the ways to design the New Woman and reshape the *old way of life*. The article traces the transformation of the Bolshevik leadership’s vision of the New Man and the New Woman throughout the 1920s and 1930s. The author singles out two stages in the Bolshevik engineering of the New Man in the early Soviet period (1917 – mid-1920s, late 1920s – mid-1930s), and describes the project’s evolution.

Keywords: the New Man, the New Woman, Bolshevik Design, Early Soviet Society

For citation: Porshneva, Olga S. “Bolshevik Engineering of the ‘New Man’ in the Early Soviet Period: Theoretical Bases, Political and Ideological Priorities, Evolution of

Approaches.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 67–84. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-67-84>

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian State Research Foundation. (project № 16-18-10106 *Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Implementation Mechanisms, Engineering Results*).

Introduction

The task of reshaping the consciousness, behavior, lifestyle, and the entire image of a person was an important component of the Bolshevik project to create the new world. In some respects, this was its central task, since Marxists believed that the comprehensive and free development of the individual was the ultimate goal of communist society¹.

Cultivating the New Man is often seen in contemporary historiography as a component of the Revolutionary Soviet project. The Soviet project encompassed Bolshevik schemes that determined the structure and workings of the Soviet system². Scholars accordingly look at the nature and features of social engineering in the early Soviet period. Studying the New Man involves its doctrinal, discursive, as well as pragmatic aspects³. The authors place the question into the European context, as one of the variants of modern social engineering more generally⁴. The numerous works discuss actual transformations in the consciousness and behavior of Soviet people, significantly contributing to the field. The studies are also highly relevant to understanding the transformation of the individual in early Soviet society. As many authors stress, the most appropriate methods for

¹ K. Marx, and F. Engels, “Manifest kommunisticheskoy partii,” [Manifesto of the Communist Party] in *Sochineniya* (Moscow: Publishing House of Political Literature, 1955), 4: 447.

² O.V. Gorbachev, “Sovetskiy proyekt v zapadnoy istoriografii,” [Soviet Project in Western Historiography] in *The Epoch of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and social transformation programs* (Yekaterinburg: Ural University Publishing house, 2017), 19–29.

³ Olga Porshneva, “Novyy chelovek v revolyutsionno-sovetskom projekte: klyuchevyye problemy sovremennoy istoriografii,” [The New Man in the Revolutionary Soviet Project: Key Problems of Modern Historiography] in *The Epoch of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and social transformation programs* (Yekaterinburg: Ural University Publishing house, 2017), 6–18.

⁴ P. Holquist, “‘Information is the Alpha and Omega of Our Work’: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context,” in *American Russian Studies: Milestones of Historiography of the Recent Years. The Soviet Period: Anthology* (Samara: Samara University Press, 2001); D.L. Hoffmann, *Stalinist Values. The Cultural Norms of the Soviet Modernity, 1917–1941* (Ithaca and London: [S.n], 2003); P. Fritzsche, and J. Hellbeck, “The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany,” in Michael Geyer, Sh. Fitzpatrick, *Beyond Totalitarianism / Stalinism and Nazism Compared* (Cambridge: Cambridge University Press, 2009).

studying the New Person are qualitative, rather than quantitative. Assessing the totality and accuracy of the sources remains a challenge⁵.

Modern historiography examines both the activities of subjects (party, state structures, public organizations, theorists and ideologists) of the Bolshevik project to make the New Man, and the object itself – Soviet Russia’s population, or the “human material” the party endeavored to alter, as well as the actual state of people’s consciousness and behavior⁶. The studies show that the latter were not only subjected to social planning, but also participated, whether voluntarily or otherwise, in implementing the project. At the same time, the articles allow us to reach some conclusions about the different dynamics and character of Soviet social engineering on the one hand and the actual outcome in the people’s consciousness and behavior, on the other.

To understand why good intentions often lead to the opposite result, more study of the Bolshevik Project itself is needed. Using the “project approach” will allow us to measure the ratio between the thoughts and aspirations of people and the results of their practical activities⁷. It remains important to analyze the Bolshevik effort to shape the New Man.

Theoretical Prerequisites and Political and Ideological Foundations of Social Engineering: Reflections on the Design Characteristics

The solution to the problem of cultivating the New Man was based on the Marxist understanding of the ways to overcome the alienation of a person under capitalism through the proletarian revolution and transformations promoting the comprehensive development of the individual. These conditions, according to Marxist doctrine, created a set of measures for the establishment of socialist relations in society during the transition period, ultimately leading to communism. The main condition for reshaping a person was considered to be a certain radical transformation of the socio-economic relations (the basis), creating the prerequisites necessary to change the whole system of social relations. In this regard, F. Engels wrote, “Just as the peasants and manufacturing workers of the last century changed their whole way of life and became quite different people

⁵ L. Siegelbaum, A. Sokolov, *Stalinism as a Way of Life* (New Haven and London: Yale University Press., 2000), 9–10; *Pis'ma k vlasti v epokhu revolyutsii i grazhdanskoj vojny (mart 1917 – may 1921). Sbornik dokumentov* [Letters to power in the era of the Revolution and the Civil War (March 1917 – May 1921). Collection of documents], comps A.Ya. Livshin, I.B. Orlov (Novosibirsk: Avtograf, 2015), 6; O.V. Velikanova, *Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s: disenchantment of the dreamers* (New York: Palgrave Macmillan, 2013), 18.

⁶ Olga Porshneva, “Novyy chelovek v revolyutsionno-sovetskom projekte [The New Man in the Revolutionary Soviet Project], 12–16.

⁷ O.V. Gorbachev, “Sovetskiy projekt v zapadnoy istoriografii” [Soviet in Western Historiography], 28.

when they were drawn into big industry, in the same way, communal control over production by society as a whole, and the new development resulting from this production, will both require an entirely different kind of human material... Communist society will, in this way, make it possible for its members to put their comprehensively developed faculties to full use.”⁸

In 1902, in his Draft Program of the RSDLP, V.I. Lenin also noted the importance of achieving this fundamental goal, “The real emancipation of the working class requires a social revolution – which is being prepared by the entire development of capitalism... with the object of ensuring *full well-being and free, all-round development for all its members* [italics added – O.P.]”⁹ At the same time, Lenin considered the creation of *the New Man* and his *emancipation* from the bonds of the past in close connection with the idea of a world revolution, the liberation of the entire human race¹⁰.

The Marxist interpretation of the theory of progress had several features that influenced the Bolsheviks’ general vision of prospects and the understanding of methods necessary to implement the New Man project. Lenin, together with other theorists of the Bolshevik state, were aware of the difficulties and problems stemming from the properties of *the object* of social engineering, i.e. the people and the society of Soviet Russia in the late 1910s–early 1920s, which emerged from the hardships of World War I and lacked sufficient cultural preconditions to build socialism.

Guiding the actual changes in the first years after the revolution, Lenin formulated a number of provisions becoming the bases for the Bolshevik policy. The principal one, regarding the problem under consideration, appears to be the idea of *educating* the masses. Comprehensively trained people, according to Lenin, is the goal for communism to reach in the long run. In 1920 he wrote, “To attempt in practice today to anticipate this future result of a fully developed, fully [...] mature communism would be like trying to teach higher mathematics to a four year old child.”¹¹ Therefore, the Bolshevik leader’s agenda included more specific and pragmatic tasks of *educating* the working people in

⁸ F. Engels, “Printsipy kommunizma,” [The Principles of Communism] in K. Marx, F. Engels, *Sochineniya* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955), 334–335.

⁹ V.I. Lenin, “Proekt programmy Rossiyskoy sotsial-demokraticheskoy rabochey partii,” [Draft Program of the Russian Social-Democratic Labor Party] vol. 6. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1963), 204.

¹⁰ V.I. Lenin, “O ‘levom’ rebichestve i o melkoburzhuzaznosti,” [“Left-Wing” Childishness and the Petty-Bourgeois Mentality] vol. 36. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1969), 306.

¹¹ V.I. Lenin, “Detskaia bolezn’ ‘levizny’ v kommunizme,” [“Left-Wing” Communism, an Infantile Disorder] vol. 41. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1981), 33.

the interests of building socialism. “We educated the party of the proletariat with the aid of the Marxist program, and the tens of millions of working people in our country must be educated in the same way,” he wrote¹².

Lenin rationalized, with allowance for the Russian conditions, the task of designing a new type of person, a Soviet person, sharing socialist/communist values (as opposed to those bourgeois and petty-bourgeois), actively and consciously participating in state affairs. “A state is strong when the people are politically conscious. It is strong when the people know everything, can form an opinion of everything and do everything consciously,”¹³ he wrote. H.C. d’Encausse, a French historian, is right in linking Lenin’s approach to the New Man and the ways of its formation with his understanding of the historical development dialectics as a conflict between spontaneity and consciousness. “For Lenin, human progress was reduced to depriving society and the individual of spontaneous consciousness and the gradual introduction of genuine consciousness. The New Man was to be the outcome of this process, but, just as in the preparation for the revolution, there was a need for a vanguard team. This struggle against spontaneity both in the party and in Marxism presupposed the expulsion of all political ideas alien to Marxism,”¹⁴ writes the researcher.

Lenin’s provisions became the basis of the Bolshevik program. The RCP(b) Program, adopted at the 8th Congress in March 1919, gave the Soviet school the task of “educating a generation capable of decisively establishing communism,”¹⁵ ensuring “development of the most far-reaching propaganda of communist ideas, for which purpose the machinery and means of state power must be utilized.”¹⁶ These instructions determined the enormous role of the system of education, propaganda, and various forms and methods of controlling the consciousness and behavior of the population in the process of its *transformation* to become New People. The subjects of social design were Bolshevik ideologists and leaders of the Communist Party and the Soviet state, who determined the institutional and regulatory requirements for the processes of upbringing, education,

¹² V.I. Lenin, “Zaklyuchitel’noe slovo po dokladu o partiinoi programme 19 marta,” [Speech Closing the Debate on the Party Program, March 19] vol. 38. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1968), 180.

¹³ V.I. Lenin, “Zaklyuchitel’noe slovo po dokladu o mire 26 oktyabrya (8 noyabrya),” [Concluding Speech Following the Discussion on the Report of Peace, October 26 (8 November)] vol. 35. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1974), 21.

¹⁴ H. Carrere d’Encausse, *Lenin* [Lenin] (Moscow: ROSSPEN Publ.; Charitable Foundation of the first President of Russia Boris Yeltsin, 2008), 319.

¹⁵ V.I. Lenin, et al. “Programma Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol’shevikov),” [The Program of the Russian Communist Party (Bolshevik)] vol. 38. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1968), 431.

¹⁶ *Ibid.*, 433.

and propaganda. This group also included some specialists of the media, culture and art, who applied creativity to the narrative of the official discourse, creating vivid images and symbols to embody the values of the New Man.

Formation of Approaches to Shaping the New Man in the Post-revolutionary Period

Promotion of the New Man ideal was a component of the cultural policy of the Soviet state. Part of the Bolshevik leadership, including A.A. Bogdanov, A.V. Lunacharsky, V.F. Pletnev and others supported the idea of creating a *proletarian culture* capable of producing the New Man. However, V.I. Lenin, L.D. Trotsky and others opposed the idea of reducing the emerging Soviet culture to purely *proletarian* images, created by the proletarians themselves. They defended the need for building a new culture based on the development of the best cultural traditions created by humanity as a whole, however redesigned from the Marxist point of view¹⁷.

The image of the New Man as an idealized proletarian subject was developing in the socialist discourse and leftist artistic expression even before the 1917 Revolution, yet received a powerful affirmation as a new moral ideal after the October Socialist Revolution. H.C. d'Encausse is correct when she notes that according to the official mythology, the collective protagonist of the 1917 Revolution was the proletariat. People dreamed of a society of brotherhood and equality, with the central figure being a proletarian, an ordinary person, a person from below, endowed with innate virtues. The ideology of Proletcult fit well into this vision of the person and the society of the future¹⁸. However, the practical tasks of building a new state, and developing its economy, technology, science, and culture, required reliance on professional knowledge and specialists, and demanded that the masses master the progressive cultural skills of the industrial era. For Lenin and several other pragmatic Bolshevik leaders, this fact became evident soon after they began the construction of a *regular* proletarian state, and the failure of the commune government project by the spring of 1918.

The formation of the New Man, according to Marxism, implied a radical change in human morality. This attitude was developed in the writings and speeches of V.I. Lenin, who denounced the old bourgeois morality, and declared the existence of certain communist morality, which “stems from the interests

¹⁷ V.I. Lenin, “O proletarskoy kul'ture,” [On Proletarian Culture] vol. 41. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1981), 337; L.D. Trotsky, *Literatura i revolyutsiya* [Literature and Revolution] (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1991), 147, 175–176.

¹⁸ H. Carrere d'Encausse, *Lenin*, 320.

of the class struggle of the proletariat”¹⁹. The core of the communist morality of the New Man was the ideal image of a Bolshevik, the builder of a bright future, shaped with exposure to the experience of underground revolutionary struggle and the Civil War. V.S. Tyazhelnikova notes that “Events before and during the revolution gave rise to a system of values with the social ideal of the bright tomorrow dominating the whole universal picture of the world”²⁰. This ideal was based on the apology of fair class violence, ruthlessness and hatred of enemies, selfless sacrifice, uncompromising stand and inclemency. The Civil War contributed to the development of stereotypes regarding communist consciousness and behavior, characterized with disregard to the value of human life, a general spirit of permanent mobilization alertness, determination against class enemies, opinion categoricalness, resoluteness and discipline, combined with lack of education²¹. These features of the mental and psychological image of the communists found expression in the *military syndrome* in their behavior during the early Soviet period²².

In the 1920s, Bolshevik ideologists E.M. Yaroslavsky, D.Z. Manuilsky, E.I. Kviring, A.A. Soltz and others paid close attention to the problems of morality and life of the proletariat during the transition period, studying the questions of party ethics, and communist behavior in the family and in everyday life²³. The military-communist narrative was permanently present in the propaganda of the new morality, considered mandatory for the communists themselves in the first place²⁴.

To embed the ideals of the New Man in the consciousness of the masses (the object of social design), the Soviet ideologists employed methods of social

¹⁹ V.I. Lenin, “Zadachi soyuzov molodezhi,” [The Tasks of the Youth Leagues] vol. 41. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1981), 309.

²⁰ V.S. Tyazhelnikova, “ ‘Vy zhertvoyu pali v bor’be rokovoy...’ Genezis i evoliutsiya revoliutsionnoy zhertvennosti kommunistov,” [‘You Fell Victim to a Fateful Struggle...’ Genesis and Evolution of Revolutionary Communist Self-Sacrifice] *Socialnaya istoriya. Ezhegodnik. 1998/99* (Moscow: ROSSPEN Publ., 1999), 412.

²¹ V.S. Tyazhelnikova, “ ‘Voennyi sindrom’ v povedenii kommunistov 1920-kh gg.,” [‘The Military Syndrome’ in Communist Behavior of the 1920s] in *Voенно-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2002. Predmet, zadachi, perspektivy razvitiya* (Moscow: ROSSPEN Publ., 2002), 303.

²² Ibid.

²³ *Partiyная etika. Diskussii 1920-h gg.*, [Party ethics. Discussions of the 1920s] eds. A.A. Guseynova, M.V. Iskrova, and R.V. Petropavlovskogo (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1989).

²⁴ A.A. Soltz, “O partiyной etike. Doklad na sobranii yacheiki TsKK i NK RKI” [On Party Ethics. Report at the Meeting of the Chapter of the Central Control Commission and the People’s Commissariat of Workers’ and Peasants’ Inspection] in *Partiyная etika. Diskussii 1920-h gg.*, eds. A.A. Guseynova, M.V. Iskrova, and R.V. Petropavlovskogo (Moscow: Izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1989), 260–269.

mobilization. Modern researchers define the term *social mobilization* as “the purposeful influence of government institutions on the society, based on the suppression or distortion of free and rational preferences, motivations and actions of individuals and social groups in order to catalyze the society and make it support and pursue the goals and tasks declared priority and recognized by the public majority.”²⁵ Social mobilization was not just an instrument, a resource, but a cornerstone of the development of the Soviet society, based on the strong belief of the Bolshevik leaders in the actual possibility of a radical transformation of society and people²⁶. The transformation of men and women into *a new breed of human beings* was a necessary condition to carry out the Bolshevik project of social transformation, implying their maximum involvement in the affairs of the Soviet state. To this end, the Bolsheviks were promoting a social and historical myth, a narrative, which, upon digestion, was capable of formatting an individual’s consciousness, creating a new vision of the world, a new social identity. The process of *reattaching* the notions of the past and the present in the post-revolutionary period expanded to a truly colossal scale, being introduced in various spheres of life, ranging from the system of comprehensive and political education to new holidays and rituals, as well as campaigns of mass propaganda, activism, and performance (games, theater, etc.)²⁷.

The Bolsheviks viewed the success of the New Man project as a result of transforming both economic production and everyday life, introducing the so-called *new way of life*. The Program of the RCP(b), adopted at the 8th Congress in March 1919, called on the communists to “improve the housing conditions of the toiling masses,” “to abolish overcrowding and the unsanitary state of the old residential districts, to demolish houses unfit for habitation, to reconstruct old and construct new houses which will correspond to the new conditions of life of the working masses, and to distribute the working population in a rational

²⁵ *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-h –1930-e gg.): Kollektivnaya monografiya* [Social mobilization in Stalin’s society (late 1920s – 1930s): Collective monograph], eds. N.B. Arnautov, S.A. Krasil’nikov, I.S. Kuznetsov, et al. (Novosibirsk: Novosibirskiy gos. un-t Publ., 2013), 5.

²⁶ P. Holquist, “‘Information is the Alpha and Omega of Our Work’: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context,” 69–72.

²⁷ The concept of staged dictatorship was proposed by M. Rolf, who demonstrated the role of staging/dramatization/new theatricality in achieving the goal of Soviet mass festivals, designed to form new social communities and a new social identity. See about it: M. Rolf *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass holidays] (Moscow: ROSSPEN Publ.); The Boris Yeltsin Presidential Center Foundation, 2009); About the role of *performative* (staging or gaming) campaigns in mastering new behaviors, see also: Elizabeth A. Wood. *Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia* (Ithaca and London: Cornell University Press, 2005).

manner”²⁸. During the first years of Soviet power, the existing housing stock was actually reshaped and reformed, featuring forced relocation, joint accommodation for different families, eviction, and creation of communal homes. People were forced to organize working and living collectives in terms of both administration and shared space, through arrangement of housing, settlement planning, and ultimately through the accommodation structure as a whole²⁹.

In the process of reshaping everyday life, the family structure was to be transformed, with introduction of collectivism, important for creating the New Woman. Gender model construction became one of the elements of Bolshevik social engineering. The Bolsheviks connected the solution to the question of *women’s rights*, the women’s *emancipation from semi-slavery*³⁰ with the rationalization and collectivization of the household matters and everyday life.

The discussion of the problems of *women’s emancipation*, family and marriage was brought up by many leaders of the Communist Party and the Bolshevik women’s movement, including A. Kollontai, I. Armand, S.N. Smidovich, N.K. Krupskaya, L.D. Trotsky, N.I. Bukharin, A.V. Lunacharsky and others. Despite the fact that in 1918–1928, members of the Bolshevik elite had very different views on the problems of gender relations³¹, which they constantly expressed in sharp discussions between themselves, one can also single out several common features inherent to the Bolshevik *gender discourse*. These include the notion that a radical change in the status and appearance of women would be achieved through the transformation of the system of socio-economic relations based on socialist principles; the implementation of legislative measures to ensure the equality of women; a social policy aimed at protecting maternity and infancy; the transfer of a part of the family’s functions to government and

²⁸ V.I. Lenin, et al. “Programma Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol’shevikov),” [The Program of the Russian Communist Party (Bolshevik)] vol. 38. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1968), 443.

²⁹ M. Meyerovich, “Sotsialisticheskiy gorod: formirovaniye gorodskogo soobshchestva i sovetskaya zhilishchnaya politika v 30-ye gody,” [The Socialist City: Urban Community Formation and the Soviet Housing Policy in the 1930s] in *The Soviet Social Policy of the 1920s and 1930s: Ideology and Everyday Life* (Moscow: Variant LLC, the Center for Social Policy and Gender Studies, 2007), 84–117.

³⁰ V.I. Lenin, “Velikiy pochin,” [A Great Beginning] vol. 39. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1970), 23–24; V.I. Lenin, “Pis’mo Inesse Armand, 24 yanvarya 1915 g.,” [Letter to Inessa Armand, January 24, 1915] vol. 49. V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1970), 56.

³¹ A. Pushkarev, and N. Pushkareva, “Rannaya sovetskaya ideologiya 1918–1928 gg. i ‘seksual’nyy vopros’ (o popytkakh uregulirovaniya sotsial’noy politiki v oblasti seksual’nosti),” [Early Soviet Ideology of 1918–1928 and the “Sexual Question” (on Attempts to Regulate Social Policy in the Field of Sexuality)] in *Sovetskaya sotsial’naya politika 1920–1930-h godov: ideologiya i povsednevnost’* (Moscow: Variant Ltd.; TSSPGI Publ., 2007), 205–215.

community organizations; and motivating women to take an active part in communist construction.

As A. Pushkarev and N. Pushkareva stressed, the socialist revolution's decisive role in "solving" the *sexual problems* in fact meant that the Bolshevik government started manipulating individual sexual preferences, interfering with the lives of individuals for the purpose of their political mobilization, and violating the principle of family sovereignty³².

The methods of shaping the New Man, as the Bolshevik elite understood them, included both conviction and coercion, punishment, and training those who were *unconscious* aliens and class aliens by means of compulsory labor. These measures were carried out through legal mechanisms providing for the introduction of universal labor service, the creation of labor armies, correctional labor institutions, and forced labor camps³³. Violence against the regime's apparent or potential opponents was not only ideologically justified, but it also played a specific role in the development of "the new human material."³⁴ The Soviet state, born at the time of total war, institutionalized some wartime practices, like concentration camps, surveillance, censorship, and coercion, turning them into permanent tools of management. This was done both to contain external threats and develop the economy by reorganizing the whole society³⁵.

Evolution of the New Man ideal in the 1930s: factors and characteristics

The development of approaches to the implementation of the New Man project from 1917 until the 1930s carried out by the Bolshevik leadership can be divided into two stages of significant evolution. The first stage takes up the period from 1917 until the late 1920s, comprising the first decade of Soviet power,

³² A. Pushkarev, and N. Pushkareva, "Rannaya sovetskaya ideologiya 1918–1928 gg. i 'seksual'nyy vopros' (o popytkakh uregulirovaniya sotsial'noy politiki v oblasti seksual'nosti)," [Early Soviet Ideology of 1918–1928 and the "Sexual Question" (on Attempts to Regulate Social Policy in the Field of Sexuality)] in *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-h godov: ideologiya i povsednevnost'* (Moscow: Variant Ltd.; TSSPGI Publ., 2007), 221–222.

³³ S. Krasilnikov, "Mezhdru pravom i nakazaniyem: trud v rannesovetskom obshchestve," [Between Rights and Punishment: Labor in the Early Years of Soviet Society] *Quaestio Rossica*, no. 4 (2017), 1027–1046.

³⁴ S.S. Brazevich, "Istoricheskaya sotsiologiya revolyutsionnogo nasiliya: kontsentratsionnyye lagerya kak organizovannaya forma nasiliya vo vremya grazhdanskoy voyny," [Historical Sociology of Revolutionary Violence: Concentration Camps as an Organized Form of Violence during the Civil War] in *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: sobytiya i kontseptsii, posledstviya i pamyat'*. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Revolyutsii 1917 g. v Rossii*. St. Petersburg: Spb. Institut istorii RAN Publ., 2017, 285.

³⁵ David L. Hoffmann, "The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context", *Slavic Review*, no. 3 (2017): 626.

rich in interpretations and experiments with the New Man concept. The second stage, beginning in the late 1920s to include the 1930s, was marked by the onset of *the Stalinist period* in engineering the New Man. The first phase was rather experimental, characterized by the search for an idealized proletarian subject, the use of industrial technology advantages, and the scientific arrangement of collective labor to help it take the necessary shape³⁶. The ideas of the Marxist founding fathers were developed by N.I. Bukharin in his works of the early 1920s, devoted to socialist education of the transition period.³⁷ This approach was also propagated by A.K. Gastev, the creator and head of the Central Institute of Labor. The Institute carried out research work to find out whether rhythmicized and mechanized factory labor is able to *teach* the muscles and nerves of the worker. By 1938, over a million workers had participated in this research program at the Institute and its branches across the country³⁸. A.K. Gastev and other *proletarian poets* even praised these ideas in verse³⁹.

The second stage of designing the New Man, which began after *the Great Turn*, was marked by the Bolshevik leaders' rejecting extensive social experiments and a rollback towards some traditional values and ideals of steady social order. By the mid-1930s, the transformation of approaches to this matter led to the emergence and confirmation of an updated concept of the New Man. The essence of the change was that the anthropological ideal of the Stalinist state of the 1930s was rather focused on individual traits (will, heroism, etc.) than on collective ones. The soul of the individual was *rehabilitated* as a source of conscious will⁴⁰.

The transition to cultivating the individual will of the New Man, the builder of socialism, was stemming from the ambitious plans for industrialization, collectivization, the *cultural revolution*, and the establishment of the accelerated development model, the *big leap* ideology of the "Great Break" at the turn of 1920s–1930s. The updated New Man was to acquire the features of a *superman*, to accomplish the impossible, something that a man of bourgeois society is unable to perform: to change the historical time, sharply accelerating its flow.

³⁶ P. Fritzsche, and J. Hellbeck, "The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany," in M. Geyer, and Sh. Fitzpatrick, *Beyond Totalitarianism/ Stalinism and Nazism Compared* (Cambridge: Cambridge University Press, 2009), 315.

³⁷ N. Bukharin, "Problema kul'tury v epokhu rabochey revolyutsii," [The Problem of Culture in the Age of the Workers' Revolution] *Pravda*, October 11, 1922; N. Bukharin, *Proletarskaya revolyutsiya i kul'tura*, [Proletarskaya revolyutsiya i kul'tura] (Petrograd: Priboy Publ., 1923), 37, 48–50.

³⁸ P. Fritzsche, and J. Hellbeck, *The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany*, 315–316.

³⁹ A.K. Gastev, *Poeziya rabochego udara* (Moscow: VTSPS Publ., 1923).

⁴⁰ P. Fritzsche, and J. Hellbeck, *The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany*, 315–317.

It is no accident that it was the period giving rise to the cult of heroes, who performed exploits in the realms of peace, labor, and combat. In 1934, the title of *Hero of the Soviet Union* was introduced. At the same time, the concept of heroism, exalting the individual achievements of the Soviet people, did in fact assume the existence and necessity of mass heroism⁴¹. An important reason why the ideologists shifted towards the heroic ideal of the New Man, according to D. Brandenberger, was the inefficiency of impersonal Soviet propaganda, revealed in the late 1920s⁴².

One can agree with Fritzsche and Hellbeck when they claim that the appeal to individual consciousness and willpower was an innovation of Stalinism, implying a sharp rebuff to the mechanistic views of a person of the 1920s⁴³.

The most abridged formula of suggestion to activate the willpower of the people in the name of accelerated transformations was Stalin's statement, "We are fifty or a hundred years behind the advanced countries. We must make up this gap in ten years. Either we do it or they will crush us"⁴⁴. This trend was caught, supported and embodied in bright artistic images by writers, whom Stalin called *engineers of human souls*. Literature, among other arts, was most successful in designing and promoting the New Man, giving people samples to shape their life experiences and adjust the pathway of their personal development⁴⁵. Reflecting the shift in the understanding of the New Man, in his article *On the Old and the New Man* of 1932, A.M. Gorky says, "Denying bourgeois zoological individualism, *the new man perfectly understands the high integrity of individuality*, firmly connected with the collective, for *he himself is precisely this individuality* [italics added – O.P.], freely drawing energy and inspiration from the masses, form the processes of his work"⁴⁶.

⁴¹ S. Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* (Moscow: ROSSPEN Publ., 2001), 89.

⁴² D. Brandenberger, *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941*, [Propaganda State in Crisis. Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941] (Moscow: Political Encyclopedia, 2017), 31, 74–103.

⁴³ P. Fritzsche, and J. Hellbeck, *The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany*, 318.

⁴⁴ J.V. Stalin, "Zadachi khozyaystvuyushchikh sub'yektov: rech', proiznesennaya na Pervoy Vsesoyuznoy konferentsii rukovodyashchikh rabotnikov sotsialisticheskoy promyshlennosti, 4 fevralya 1931 g.," [The Tasks of Economic Executives: Speech Delivered at the First All-Union Conference of Leading Personnel of Socialist Industry, February 4, 1931] vol. 13, in J.V. Stalin, *Sochineniya* (Moscow: Gospolitizdat Publ., 1951), 38.

⁴⁵ P. Fritzsche, and J. Hellbeck, *The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany*, 320.

⁴⁶ A.M. Gorky, "O starom i novom cheloveke," [On the Old and the New Man] *Pravda*, April 27, 1932.

The researchers have noticed that all the symbolic figures of the Stalin era (miners, tractor operators, pilots) are individuals in dialogue with technology. Their records were explained by the fact that the technologies were run by liberated individuals (unlike western pilots or workers), i.e. the New Man of the Soviet generation was shown as compared and opposed to the Man of the West⁴⁷.

The First Five-Year Plan proclaimed the slogan of the *cultural revolution*, determining the offensive policy against the church and religion, the accelerated mass elimination of illiteracy, and the unification of the forms of culture and art based on the principle of *socialist realism*. However, the idea of radical reorganization of everyday life had to be discarded, since the main task was the soonest possible development of socialist industry, requiring the utmost concentration of all social, economic, and human resources. The industrialization and collectivization of everyday life, adding to the conditions necessary to shape the New Man, were not removed from the agenda altogether, but they definitely lost their paramount importance in the minds of the utilitarian policymakers.

The transformation of approaches to engineering the New Man clearly manifested itself in the evolution of attitudes to *the women's question* and the regulation of family and marital relations. It materialized in the revival of the stable family ideal and the change in the Bolshevik view of *the emancipated woman*. The propaganda extolled the notion that apart from the production and public spheres, a woman can also fulfill her potential in caring for her family, her husband and children, maintaining the family hearth, and raising her children in the spirit of Soviet ideology. This suggestion implied that in addition to her effort in the workplace, a woman was supposed to make a substantial contribution to family affairs, a burden which the ideologists of the women's movement of the 1920s were planning to mitigate, assigning the household and maternal concerns to public institutions⁴⁸. The period from the late 1920s until mid-1930s was the time when the *Soviet Man* cliché settled in, unifying the gender model, which, however, did not rule out essentialism or sexism⁴⁹.

The practice of coercion used to engineer the New Man escalated after the transition to the model of accelerated development in the late 1920s – early 1930s. The *class reeducation* in that period actively relied on the GULAG

⁴⁷ P. Fritzsche, and J. Hellbeck, *The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany*, 321.

⁴⁸ B.E. Clements, *Bolshevik Women*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, 273–277.

⁴⁹ N. Pushkareva, “Gendernaya sistema Sovetskoy Rossii i povsednevnyaya zhizn' rossiyskikh zhenshchin,” [Gender System of Soviet Russia and the Everyday Life of Russian Women] in *Povsednevnyaya zhizn' pri sotsializme. Nemetskiye i rossiyskiye podkhody* (Moscow: ROSSPEN Publ., 2015), 213.

system, created in 1930⁵⁰. During the grain procurement period of 1927–1928 and the all-out collectivization of 1929–1932, peasants standing up against the violence were considered hostile and *irresponsible* elements. Stalin, justifying the transition to compulsory grain procurement in 1933, was straightforward in speaking about the methods of reeducating *the “muzhik”* (which means peasants), turning them into the New People. The rhetoric of the communist strongman, not intended for publication⁵¹, shows the recognition of the need for using *the triad*: agitation and propaganda (persuasion), economic stimulation, and repression, as the methods necessary to reshape a person. Stalin said, “All these various means ranging from the method of persuasion to the method of economic influence on the muzhik, plus repressions, must be used together”⁵². Stalin’s speech gives a vivid characteristic of his approach to the task of reshaping a person, which affected the whole image of government policy in the 1930s.

The new USSR Constitution, adopted in 1936, restored electoral and civil rights to *social aliens*, and introduced a democratic system of broad political and social rights and liberties. However, this was followed by an unprecedented scale of repressions, resulting from the state-planned measures carried out throughout the country that affected all social strata of the population, stipulating strict limits and conditions for the New Man’s self-fulfillment.

Conclusion

The Bolshevik project of the New Man was one of the phenomena of *the modern era*, which in many ways were characteristic of Europe as a whole. It was rooted in the ideals of progress and the more advanced person of the age of Enlightenment, as well as the socialist theory of the 19th and early 20th century, and it received a strong momentum during World War I. The Marxist interpretation of the theory of progress had a major influence on the Bolsheviks’ general vision of prospects and ways of shaping the New Man. However, the state of the object of social design – post-revolutionary society in Russia – led to the adjustment of Marxist provisions by Lenin, and other Bolshevik ideologists, who emphasized the idea of “educating the masses” and the need to overcome their cultural backwardness. The project was based on both utopian

⁵⁰ S. Krasilnikov, *Mezhdru pravom i nakazaniyem: trud v rannesovetskom obshchestve* [Between Rights and Punishment: Labor in the Early Years of Soviet Society], 1033–1035.

⁵¹ J.V. Stalin, *Vystupleniye na zasedanii TSK VKP (b) Yuzhnykh regionov po sboru urozhaya*, 20 maya 1933 g., [Speech Delivered at the Meeting of the Central Committee of the AUCP(b) of the Southern Regions on Harvesting, May 20, 1933] (not included in the collection of Stalin’s works, but now available on the website of the Federal Archival Agency of Russia in the *Documents of the Soviet Era* section), <http://sovdoc.rusarchives.ru>.

⁵² *Dokumenty sovetskoy epokhi* [Documents of the Soviet Era], <http://sovdoc.rusarchives.ru>.

and pragmatic (rationalistic) assumptions and intentions, so its elements were worked out in the context of heated debates among Bolshevik leadership in the 1920s. It was the legacy of the World War, with its experience of social and national mobilization and the practices of violence, that influenced the institutional foundations and mechanisms of the Bolshevik design of the New Man. It evolved in the early Soviet period, as determined by the transformation of the Bolshevik policy course and the objective limits of the very phenomenon of social engineering.

© Olga S. Porshneva, 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 5 сентября 2018 г.

Submitted: 5 September 2018

References

- Arnautov, N.B., Krasil'nikov S.A., and I.S. Kuznetsov. *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-h–1930-e gg.): Kollektivnaya monografiya* [Social mobilization in Stalin's society (late 1920s – 1930s): Collective monograph]. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 2013 (in Russian).
- Brandenberger, D. *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [Propaganda State in Crisis. Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017 (in Russian).
- Brazevich, S.S. “Istoricheskaya sotsiologiya revolyutsionnogo nasiliya: kontsentratsionnye lagerya kak organizovannaya forma nasiliya vo vremya grazhdanskoy voyny.” [Historical Sociology of Revolutionary Violence: Concentration Camps as an Organized Form of Violence during the Civil War] In *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: sobytiya i kontseptsii, posledstviya i pamyat'. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Revolyutsii 1917 g. v Rossii*, 285. St. Petersburg: SPb. Institut istorii RAN Publ., 2017 (in Russian).
- Bukharin, N. “Problema kul'tury v epokhu rabochey revolyutsii.” [The Problem of Culture in the Age of the Workers' Revolution] *Pravda*, October 11, 1922 (in Russian).
- *Proletarskaya revolyutsiya i kul'tura* [Proletarian revolution and culture]. Petrograd: Priboy Publ., 1923 (in Russian).
- Carrere d'Encausse, H. *Lenin*. Moscow: ROSSPEN Publ.; Charitable Foundation of the first President of Russia Boris Yeltsin, 2008 (in Russian).
- Clements, B.E. *Bolshevik Women*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Engels, F. “Printsipy kommunizma.” [The Principles of Communism] In *Sochineniya*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955 (in Russian).
- Fritzsche, P., and Hellbeck, J. “The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany.” In M. Geyer, Sh. Fitzpatric. *Beyond Totalitarianism/ Stalinism and Nazism Compared*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

- Fitzpatrick, S. *Povsednevnyy stalinizm: obychnaya zhizn' v neordinarnyye vremena: Sovetskaya Rossiya v 30-ye gody* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).
- Gorbachev, O.V. “Sovetskiy proekt v zapadnoy istoriografii.” [Soviet Project in Western Historiography] In *The Epoch of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and social transformation programs*, 28. Yekaterinburg: Ural Universityty Publishing house, 2017 (in Russian).
- Guseynov, A.A., Iskrov, M.V., and Petropavlovskiy, R.V. *Partiy'naya ehtika. Diskussii 1920-h gg* [Party ethics. Discussions of the 1920s]. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1989 (in Russian).
- Gastev, A.K. *Poeziya rabocheho udara* [Poetry of the Worker's Blow]. Moscow: VTsSPS Publ., 1923 (in Russian).
- Gorky, A.M. “O starom i novom cheloveke.” [On the Old and the New Man] *Pravda*, April 27, 1932 (in Russian).
- Holquist, P. “‘Information is the Alpha and Omega of Our Work’: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context.” In *American Russian Studies: Milestones of Historiography of the Recent Years. The Soviet Period: Anthology*, 69–72. Samara: Samara University Press Publ., 2001 (in Russian).
- Hoffmann, David L. “The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context.” *Slavic Review*, no. 3 (2017): 619–628.
- Krasilnikov, S. “Mezhdru pravom i nakazaniyem: trud v rannesovetskom obshchestve.” [Between Rights and Punishment: Labor in the Early Years of Soviet Society] *Quaestio Rossica*, no. 4 (2017): 1027–1046 (in Russian).
- Lenin, V.I. “Proekt programmy Rossiyskoy sotsial-demokraticheskoy rabochey partii.” [Draft Program of the Russian Social-Democratic Labor Party] In *Polnoe sobranie sochineniy*, 203–210. Vol. 6. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1963 (in Russian).
- “Zaklyuchitel'noe slovo po dokladu o partiynoy programme 19 marta .” [Speech Closing the Debate on the Party Program, March 19] In *Polnoe sobranie sochineniy*, 174–184. Vol. 38. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1968 (in Russian).
- , et al. “Programma Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov).” [The Program of the Russian Communist Party (Bolshevik)] In *Polnoe sobranie sochineniy*, 417–446. Vol. 38. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1968 (in Russian).
- “O ‘levom’ rebichestve i o melkoburzhuaznosti.” [“Left-Wing” Childishness and the Petty-Bourgeois Mentality] In *Polnoe sobranie sochineniy*, 283–314. Vol. 36. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1969 (in Russian).
- “Velikii pochin.” [A Great Beginning] In *Polnoe sobranie sochineniy*, 1–29. Vol. 39. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1970 (in Russian).
- “Pis'mo Inesse Armand, 24 yanvary 1915 g”. [Letter to Inessa Armand, January 24, 1915] In *Polnoe sobranie sochineniy*, 54–57. Vol. 49. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1970 (in Russian).
- “Zaklyuchitel'naya rech' posle obsuzhdeniya Doklada o mire, 26 oktyabrya.” [Concluding Speech Following the Discussion on the Report of Peace, October 26] In *Polnoe sobranie sochineniy*, 19–22. Vol. 35. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1974 (in Russian).

- “Detskaia bolezn’ ‘levizny’ v kommunizme.” [“Left-Wing” Communism, an Infantile Disorder] In *Polnoe sobranie sochineniy*, 1–104. Vol. 41. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1981 (in Russian).
- “O proletarskoy kul’ture.” [On Proletarian Culture] In *Polnoe sobranie sochineniy*, 336–337. Vol. 41. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1981 (in Russian).
- “Zadachi soiuzov molodezhi.” [The Tasks of the Youth Leagues] In *Polnoe sobranie sochineniy*, 298–318. Vol. 41. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1981 (in Russian).
- Marx, K., and Engels, F. “Manifest Kommunisticheskoy partii.” [Manifesto of the Communist Party] In K. Marx, F. Engels. *Sochineniya*. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955 (in Russian).
- Meyerovich, M. “Sotsialisticheskii gorod: formirovaniye gorodskogo soobshchestva i sovetskaya zhilishchnaya politika v 30-ye gody.” [The Socialist City: Urban Community Formation and the Soviet Housing Policy in the 1930s] In *The Soviet Social Policy of the 1920s and 1930s: Ideology and Everyday Life*, 84–117. Moscow: Variant LLC Publ., the Center for Social Policy and Gender Studies, 2007 (in Russian).
- Pushkarev, A., and Pushkareva, N. “Rannaya sovetskaya ideologiya 1918–1928 gg. i ‘seksual’nyy vopros’ (o popytkakh uregulirovaniya sotsial’noy politiki v oblasti seksual’nosti).” [Early Soviet Ideology of 1918–1928 and the “Sexual Question” (on Attempts to Regulate Social Policy in the Field of Sexuality)] In *Sovetskaya sotsial’naya politika 1920–1930-h godov: ideologiya i povsednevnost’*, 199–227. Moscow: Variant Ltd. Publ.; TSSPGI Publ., 2007 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. “Gendernaya sistema Sovetskoy Rossii i povsednevnyaya zhizn’ rossiyskikh zhenshchin.” [Gender System of Soviet Russia and the Everyday Life of Russian Women] In *Povsednevnyaya zhizn’ pri sotsializme. Nemetskiye i rossiyskiye podkhody*, 204–225. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015 (in Russian).
- Rolf, M. *Sovetskie massovyie prazdniki* [Soviet mass holidays]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009 (in Russian).
- Shishkin, V.I., ed. *Pis’ma vo vlast’ v epokhu revolyutsii i grazhdanskoy voyny (mart 1917 – may 1921). Sbornik dokumentov* [Letters to power in the era of the Revolution and the Civil War (March 1917 – May 1921). Collection of documents]. Novosibirsk: Avtograf Publ., 2015 (in Russian).
- Soltz, A.A., “O partiinoy etike. Doklad na sobranii iacheiki TsKK i NK RKI (1924).” [On Party Ethics. Report at the Meeting of the Chapter of the Central Control Commission and the People’s Commissariat of Workers’ and Peasants’ Inspection] In *Partiynaya etika. Diskussii 1920-h gg.*, 260–269. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1989 (in Russian).
- Stalin, J.V. “Zadachi khozyaystvuyushchikh sub”yektov: rech’ na pervoy Vsesoyuznoy konferentsii rukovodyashchikh rabotnikov sotsialisticheskoy promyshlennosti.” [The Tasks of Economic Executives: Speech Delivered at the First All-Union Conference of Leading Personnel of Socialist Industry] In J.V. Stalin, *Sochineniya*, 29–42. Vol. 13. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1951 (in Russian).
- “Vystupleniye na zasedanii TSK VKP (b) Yuzhnykh regionov po sboru urozhaya, 20 maya 1933 g.” [Speech Delivered at the Meeting of the Central Committee of the AUCP(b) of the Southern Regions on Harvesting, May 20, 1933]. <http://sovdoc.rusarchives.ru> (in Russian).

- Trotsky, L.D. *Literatura i revoliutsiya* [Literature and Revolution]. Moscow: Politizdat Publ., 1991 (in Russian).
- Tyazhelnikova, V.S. “‘Vy zhertvoiu pali v bor’be rokovoi...’ Genezis i evoliutsiia revoliutsionnoi zhertvennosti kommunistov.” [‘You Fell Victim to a Fateful Struggle...’ Genesis and Evolution of Revolutionary Communist Self-Sacrifice] In *Socialnaya historiya. Ezhegodnik. 1998/99*, 411–433. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).
- “Voennyi sindrom v povedenii kommunistov 1920-kh gg.” [The Military Syndrome’ in Communist Behavior of the 1920s] In *Voенно-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2002. Predmet, zadachi, perspektivy razvitiya*, 291–305. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002 (in Russian).
- Velikanova, O.V. *Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s: disenchantment of the dreamers*. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Wood, Elizabeth A. *Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005.

Аннотация: Статья посвящена анализу теоретических предпосылок и политико-идеологических приоритетов большевистского проектирования «нового человека» в раннесоветский период. Показаны марксистские истоки идей большевистского проектирования, их трансформация в трудах В.И. Ленина и других лидеров коммунистической партии и советского государства. Обозначены основные механизмы и инструменты конструирования нового человека, практики социальной мобилизации, приобщения к политической культуре большевизма. Подчеркивается роль наследия Первой мировой войны в институализации большевиками практик социального инжиниринга, принуждения и насилия как методов создания «нового человеческого материала». Показаны разногласия в среде большевистского руководства в трактовке путей формирования «нового человека», охарактеризован гендерный аспект проблемы. Выделены два этапа в большевистском проектировании «нового человека» в раннесоветский период (1917–1920-е гг.; конец 1920-х – середина 1930-х гг.), показаны факторы и направленность его эволюции.

Ключевые слова: «Новый человек», «новая женщина», большевистское проектирование, раннесоветское общество

Для цитирования: Поршнева О.С. Большевистское проектирование «нового человека» в раннесоветский период: теоретические основы, политико-идеологические приоритеты, эволюция подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 67–84. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-67-84>

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-85-100>

Научная статья / Research article

Французский журналист Рене Маршан: несколько штрихов к портрету «друга советской России»

Ю.М. Галкина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина; 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; galkinskaya@gmail.com

The French Journalist René Marchand: Some Facts about “Soviet Russia’s Friend”

Yulia M. Galkina

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; galkinskaya@gmail.com

Abstract: This article is devoted to the life, political views and activities of *Le Figaro* correspondent René Marchand (1888–1962). Marchand became widely known in Soviet Russia thanks to his open letter to French President Raymond Poincaré in 1918, which criticized the republic’s policy vis-à-vis Moscow as well as acts of sabotage by the Allies. The missive became an important episode in the confrontation between the Entente’s special services and the young Bolshevik regime. French and Russian historians tend to argue that the French journalist’s sympathies turned to socialism and Bolshevism in 1918. However, they generally pay little attention the French Left in Soviet Russia. Based on research in French diplomatic and military archives at Courneuve and Vincennes, respectively, the author concludes that René Marchand was a multi-faceted individual and the nature of his sympathies to the Bolsheviks remains questionable.

Keywords: French-Russian relations, French-Soviet relations, Russian Revolution, French Left

For citation: Galkina, Yulia M. “The French Journalist René Marchand: Some Facts about “Soviet Russia’s Friend.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 85–100. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-85-100>

Acknowledgements: The research is sponsored by a grant of the *Russian Science Foundation*, Grant 18-18-00053 “Politics of memory vs historical memory: the Napoleonic wars and the First World War anniversaries”.

Введение

В 2017 г. ФСБ России отмечала столетие органов отечественной государственной безопасности. История спецслужб всегда вызывает интерес как общественности, так и специалистов, что и придало этому юбилею

особое значение. Год основания ВЧК – 1917-й, равно как и следующий за ним, были отмечены целым рядом знаковых событий, впоследствии составивших основу раннесоветской политической мифологии, связанных с интервенцией, противодействием активности контрреволюционных организаций и деятельностью Антанты. В данной статье мы обратимся к образу журналиста Рене Маршана, одного из «французских левых», который после большевистской революции оказался вовлечен в события, связанные с противостоянием советской и западных спецслужб. Этот образ был создан во многом советской и французской историографией. В контексте изучения политики памяти обратимся к тезису специалиста в области исторической методологии Л.П. Репиной, которая отмечает: «Память неотъемлема от исторического знания вообще и такой его формы, как национальная историография»¹. В этой связи рассмотрим эволюцию образа французского корреспондента в отечественной и зарубежной историографии и ее соответствие реальной деятельности героя статьи.

Письмо Рене Маршана

24 сентября 1918 г. в газете «Известия» (№ 207), а 29 сентября в «Петроградской правде» под заголовком «Англо-французские бандиты» было опубликовано сенсационное письмо авторства французского журналиста Рене Маршана. Послание было адресовано Президенту Французской республики Раймону Пуанкаре, в котором журналист выразил мнение, что текущая политика Франции по отношению к России опасно отошла от «правильного курса»: вместо насущной и столь необходимой для Франции активизации борьбы с Германией она переориентировалась на борьбу с советским правительством.

Маршан прагматично подходил к проблеме: он полагал, что большевистская политика по своей природе не в меньшей степени опасна для Германии и вскоре вынудит ее эвакуироваться из наиболее плодородных областей России. Он утверждал также, что популярные в то время поиски «германского следа» в деле установления власти большевиков, скорее, фикция, чем реальность². Подобная позиция шла вразрез с официальной политикой Третьей Республики: Еще до падения Временного правительства сотрудники 2 бюро Генштаба Франции, а также сотрудники французской военной миссии в России³ совместно с русскими, американскими и британскими

¹ История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2006. С. 41–43.

² Англо-французские бандиты. Письмо Рене Маршана // Петроградская правда. 1918, 29 сентября.

³ Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М.: Ладомир, 2010. С. 146, 289.

коллегами целенаправленно искали «доказательства» связи большевиков с немцами, прибегая к прямым фальсификациям с целью уличить представителей новой власти в предательстве интересов союзников. В поиск «немецкого следа» был активно вовлечен министр вооружений Франции Альбер Тома, уверенный в том, что нанести удар пацифистским, пораженческим настроениям, инспирируемым Лениным, можно, если сделать ставку на социалистов Керенского, поддерживая их и снабжая всем необходимым⁴. В середине июля 1917 г. он отдал указание военному атташе в Стокгольме Л. Тома «доказать в интересах Временного русского правительства, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги», и дать возможность правительству Керенского арестовать и дискредитировать большевиков в глазах общественного мнения⁵. К осени 1918 г. кампания против большевиков как «немецких агентов» только нарастала.

Сомнения французского журналиста вызывала и морально-этическая сторона французской политики: на тайном совещании в американском консульстве 24 августа 1918 г., на котором он присутствовал, обсуждались диверсионные операции союзников (в том числе и французов), в частности, взрывы на стратегически важном участке железной дороги Званка–Вологда–Вятка (это «обрекало на голод жителей России»). Маршан был приглашен на это собрание в качестве представителя французского консульства: Фернан Гренар, тогда генеральный консул Франции, и его коллеги из Великобритании и Соединенных Штатов в преддверии отъезда дипломатических сотрудников собирали свой персонал, остававшийся в России, с целью познакомить их друг с другом и организовать между ними некое подобие кооперации для дальнейшей совместной передачи сведений властям своих государств⁶.

Разумеется, предание огласке подобного послания вызвало живой отклик со стороны большевистского руководства. Несмотря на то, что после публикации в прессе неоднократно подчеркивалось, что Маршан не был ни коммунистом, ни социалистом, ни даже сочувствующим большевикам, факт обнаружения письма способствовал трансформации его образа как в советской, так и во французской культуре. Так, например, в 1960-е гг. советские кинематографисты изобразили Маршана в фильме «Заговор послов», выведя его в эпизодической роли сердобольного осведомителя ВЧК о коварных планах Антанты. Рене Маршан редко упоминается в опубликованных источ-

⁴ J. Nicot, and Ph. Schillinger, “La mission d’Albert Thomas en Russie: problèmes et incertitudes de l’alliance russe (mai–juin 1917),” *Revue historique de l’armée*, no. 3 (1973): 72.

⁵ Попова С.С. Между двумя переворотами... С. 19–20.

⁶ *Service historique de la Défense, Terre* (далее – SHD/T), no. 6, 233.

никах⁷, и его имя нечасто встречается на страницах научно-популярных⁸ и исторических исследований⁹, тем не менее, все они рассматривают Маршана или как искреннего левого, или как глубоко сочувствующего левым.

Процедура публикации письма при этом весьма туманна: член французской коммунистической группы Марсель Боди вспоминал, что громкое письмо было написано Маршаном после откровенной беседы с сотрудником французской миссии, социалистом, капитаном Жаком Садулем, который, учитывая серьезность намерений союзников по дестабилизации обстановки в Советской России, порекомендовал коллеге написать официальное письмо Раймону Пуанкаре. После этого Садуль предложил Маршану проинформировать о своем письме Льва Троцкого: это пожелание Маршан, по утверждению Марселя Боди, также принял¹⁰. Однако на идею обнародовать письмо в прессе журналист ответил категорическим отказом: «Не делайте этого, иначе я все опровергну»¹¹.

Дальнейшее развитие событий выглядит таинственно. Боди вспоминал, что Садуль убеждал Маршана в том, что мнение этих «антисоветских представителей Антанты» – это еще не мнение широкой общественности и ему не следует бояться. Зато публикация письма в центральных газетах позволит Маршану обезопасить себя «и от тех, и от других». После этой ремарки Боди многозначительно сообщает читателю: «Маршан позволил событиям течь своим чередом»¹².

Спустя некоторое время письмо, адресованное Пуанкаре и датированное четвертым сентября (по новому стилю), было «случайно обнаружено» сотрудниками ВЧК в ходе обысков на Арбате¹³, где проживали сотрудники французской военной миссии, ее глава и генеральный консул¹⁴. Это подтверждают и

⁷ Берберова Н. Железная женщина: рассказ о жизни М.И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях. М.: Политиздат, 1991; M. Body, *Un piano en boulevau de Carelie. Mes années de Russie 1917–1927* (Paris: Hachette, 1981).

⁸ Голинков Д. Тайные операции ВЧК. М.: Алгоритм, 2008.

⁹ Авдеев В.А., Карпов В.Н. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатъев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. М.: Вече, 2009; Краева Т.В. Французские левые в русской революции: 1917–1921 // Французский ежегодник 2009. С. 191–207; S. Cœuré, *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme* (Lausanne: Les éditions noir sur blanc, 2014); *Komintern: l'histoire et les hommes. Dictionnaire biographique de l'Internationale communiste en France, à Moscou, en Belgique, au Luxembourg, en Suisse (1919–1943)* (Paris: Editions de l'Atelier, 2001).

¹⁰ M. Body, *Un piano en boulevau de Carelie*, 82.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Имеется в виду обыск в Денежном переулке, в здании французской военной миссии, занимавшей особняк С.П. Берга.

¹⁴ Архив ВЧК: сборник документов / Под ред. В. Виноградова. М.: Кучково Поле, 2007. С. 515.

синхронные французские источники, в частности, телеграмма главы французской военной миссии в России генерала Лаверня военному министру¹⁵.

Несмотря на то, что такой источник, как воспоминания Нины Берберовой, вряд ли может служить серьезным подспорьем для исследователя в деле реконструкции исторических событий, важно обратить внимание на представленный ею образ французского журналиста и практику осмысления текущих событий современниками. Так, Берберова однозначно трактовала публикацию письма как причину осуществления скорых массовых арестов среди представителей союзных держав. Более того, письмо Маршана представляется ею как донос, повод для ареста, поскольку он выдал сотрудников, которые до этого времени не были в поле зрения чекистов¹⁶.

Следует отметить, что для ВЧК информация, содержащаяся в письме Рене Маршана, не была открытием. Дело в том, что в августе 1918 г. органы госбезопасности вели активную реализацию по т.н. «делу Локкарта», и в среде заговорщиков Антанты работали агенты ВЧК, в частности, латыш Эдуард Берзин, который был одним из ключевых игроков диверсионных операций бывших союзников.

Забегая вперед, отметим, что в своем письме Маршан избегал упоминания конкретных имен своих соотечественников и назвал их гласно гораздо позже, в 1922 г., на процессе против эсеров. Отметим также и то, что единственный французский диверсант Анри де Вертамон, намек на деятельность которого содержался в письме Маршана, сумел избежать советского правосудия и своевременно бежал во Францию¹⁷.

Несмотря на то, что от «действий» Маршана никто из соотечественников не пострадал, от него отвернулась французская колония в Петрограде, стоявшая на антибольшевистских позициях. Возвращение журналиста во Францию оказалось под вопросом¹⁸. Глава французской военной миссии генерал Лавернь охарактеризовал Маршана как человека «со слабым характером и расшатанными нервами, весь август страдавшего от неврастения». Впрочем, военный атташе упомянул также, что Маршан вскоре осознал всю тяжесть совершенного поступка, извинился перед французами и даже задумывался о самоубийстве¹⁹.

Так, в советской и французской исторической памяти Маршан оказался «левым». Невозможность возвращения на родину вынудила его остаться в Советской России, гласно поддерживая ее политический курс

¹⁵ SHD/T, 6 N 221. Moscou, 10 Octobre 1918, Attache militaire à Ministre Guerre.

¹⁶ Берберова Н. Железная женщина... С. 93.

¹⁷ Архив ВЧК... С. 515.

¹⁸ M. Body, *Un piano en bouleau de Carelie*, 82.

¹⁹ SHD/T, 6 N 233. Rapport sur le fait reproché à Monsieur Marchand Correspondant du Figaro, Agent officieux de Consulat Général de France à Moscou (Paris, le 27 Octobre 1918).

(что вызывало негодование у соотечественников и одобрение большевистских руководителей), однако личность Рене Маршана гораздо сложнее и противоречивее.

Появление Рене Маршана в России и его деятельность в годы Первой мировой войны

Появление Рене Маршана в России вряд ли можно считать случайным. До войны, в 1911 г., он получил должность корреспондента в двух крупнейших французских газетах – правоконсервативной «Фигаро» (ее владельцем был дядя Маршана – Гастон Кальметт) и «ПтиПаризьен».

В начале XX в. тема России была популярна во французском обществе, и подобный интерес во многом был вызван недавним заключением франко-русского альянса. Политический фактор, а также улучшение транспортной доступности Российской империи в виду развития железнодорожного и морского сообщения привели не только к росту официальных визитов французских политиков в Россию, но и к усилению потока многочисленных наблюдателей, ученых, журналистов, некоторые из которых впоследствии предлагали французским издательствам свои труды о России. Одним из них и был Рене Маршан, который в качестве официального корреспондента «Фигаро» в Санкт-Петербурге направлял в редакцию политические новости (в частности, освещал вопросы, связанные с созданием Антанты), а в 1911 г. опубликовал работу «Великие проблемы внутренней политики России»²⁰.

В годы Первой мировой войны Маршан состоял на службе в русской армии, был ранен²¹ и впоследствии трудился переводчиком при посольстве²², куда поступил не ранее ноября 1917 г., после прихода к власти большевиков. Посол Франции в России Жозеф Нуланс вспоминал: «Во время пребывания в Москве я находился под постоянным наблюдением со стороны новых властей»²³. Именно в это время генеральный консул Гренар порекомендовал ему Рене Маршана в качестве переводчика и «сопровождающего». Вскоре Нуланс доверил Маршану «конфиденциальную поездку в Новочеркасск», о которой, впрочем, в воспоминаниях не распространялся. На основании документов, хранящихся в архиве Министерства иностранных дел Франции, можно предположить, что одним из результатов поездки стал доклад Маршана о ситуации в России. По форме он представляет ответы на вопросы, которые интересовали его визави из числа кадровых дипло-

²⁰ R. Marchand, *Les Grands Problèmes de la politique intérieure Russe* (Paris: Librairie Félix Alcan, 1912).

²¹ Нина Берберова указывает, что Рене Маршан поступил на службу в 1915 году.

²² S. Cœuré, *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme*, 84–85.

²³ J. Noulens, *Mon ambassade en Russie* (Paris: Librairie Plon, 1933), 121.

матов. Так, Маршан считал, что режим большевиков не протянет долго,²⁴ о чем свидетельствовало, по его мнению, отсутствие самоанализа и «чувства политического» у большевистских руководителей. Он отмечал: «Я не верю в длительное пребывание большевиков у власти. В реальности большевики находятся в процессе разложения, протекающего очень быстро».

Маршан полагал, что принятые ими меры в сфере банковской политики и осуждение банковской сферы как спекулятивной бессмысленны, и размышлял о текущем состоянии Украинской Рады, лишенной серьезного большевистского влияния. Он полагал, что большевики не смогут внести политический раскол в ряды украинских общественных и политических деятелей. В вопросе, касающемся альтернативной большевикам власти, французский журналист скептически оценивал фигуру А.М. Каледина, в качестве лучшей кандидатуры на роль российского диктатора он видел генерала М.В. Алексеева²⁵.

Маршан также горячо заверял своего адресата в том, что Россия должна пойти по пути автономизации окраин. В данном контексте он рассматривал прежде всего Кавказ, Сибирь и Украину. Судя по всему, Маршан был сторонником крайней автономизации России. Он писал так: «... Я могу с оптимизмом заверить вас в том, что выдвигаются инициативы, предпринимаются серьезные шаги для создания великорусского союза, который будет расширяться на огромной территории от Волги до Смоленска, от Урала и до Архангельска, центральный орган этой национальной автономии будет в Москве»²⁶.

Одним из информаторов Маршана был эсер Осип Соломонович Минор²⁷, на мнение которого в своих измышлениях он опирался и интервью с которым он направил по каналам МИД. Позиция Минора полностью отвечала интересам Антанты: он выразил непримиримое отношение к политике большевиков, отметив, что «это прямое предательство Англии и Франции» и ведет к полному уничтожению демократии в России²⁸.

²⁴ Подобную точку зрения охотно разделяли многие представители Третьей Республики на территории России в 1918 г., в частности, посол Франции Жозеф Нуланс, глава французской военной миссии генерал Лавернь.

²⁵ Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (далее – АМАЕ). Serie Guerre 14–18, Actions des allies (1917). Notes de M. Rene Marchand sur la Russie. Interview de M. Minor, President de la Douma municipale de Moscou, membre du parti socialiste-revolutionnaire, 139–142.

²⁶ АМАЕ, Serie Guerre 14–18, Actions des allies. Notes de M. Rene Marchand sur la Russie..., 142.

²⁷ О.С. Минор (1861–1934) – член партии эсеров, с 1917 г. – член ЦК партии эсеров, редактор газеты «Труд», председатель Московской городской думы от партии эсеров. С 1919 г. в эмиграции.

²⁸ АМАЕ, Serie Guerre 14–18, Actions des allies. Notes de M. Rene Marchand sur la Russie..., 143–144.

В 1918 г. Маршан начинает дрейфовать «влево». Жозеф Нуланс отмечал, что поездка Маршана в Новочеркасск послужила переходу французского корреспондента на сторону большевиков. Он писал: «Я упоминал, что г-н Маршан, облеченный мной конфиденциальной миссией в Новочеркасске, остановился в Москве и под предлогом болезни, а также благодаря выступлениям французской колонии, сыгравшим ему на руку, он добился того, чтобы остаться в Москве и даже стать временным атташе в генеральном консульстве. Советское правительство нашло в нем драгоценного агента»²⁹.

Возникает вопрос: когда именно и по какой причине произошла «эволюция» Рене Маршана в сторонника большевиков?

По всей видимости, первая попытка Маршана «проникнуться» большевистской идеей случилась в апреле 1918 г. У нас нет иных свидетельств, кроме короткого замечания дипломата Третьей Республики Луи де Робьена, который негативно воспринимал деятельность своего компатриота. Весной 1918 г. французская военная миссия предприняла попытку реорганизации Красной армии по просьбе Наркомвоена Л.Д. Троцкого. В рамках этой кампании активное участие принимал один из французских левых, социалист Жак Садуль. Однако 28 апреля 1918 г. Луи де Робьен в своем дневнике демонстрирует несогласие с подобной политикой соотечественников, поскольку Красная армия не повернет против немцев: «Рене Маршан, которого я всегда знал как экзальтированного человека, строит те же иллюзии»³⁰.

При этом отношении к Маршану со стороны французских социалистов было неоднозначным. Виктор Серж (Виктор Кибальчич) вспоминал идеологического соратника, скорее, как случайного попутчика: «Рене Маршан, бывший петроградский корреспондент католической и реакционной “Фигаро”, был неофитом, обуреваемым бесконечными кризисами мировоззрения»³¹. В свою очередь, другой его соратник Пьер Паскаль, по всей видимости, будучи человеком открытой, чуткой и религиозной души, верил в искренние чувства и порывы коллеги по левому цеху. По его мнению, Рене Маршан «религиозен, думает о России, видит, как она страдает от голода по вине союзников [...] Он всем говорит это, раскаиваясь в том, что говорил прежде обратное»³².

Любопытную деталь деятельности Рене Маршана можно отметить благодаря материалам архива МИД Франции. В отчете о работе Службы

²⁹ J. Noulens, *Mon ambassade en Russie*, 121.

³⁰ *Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников*. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 168.

³¹ *Серж В.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург: Праксис, 2001. С. 175.

³² *Паскаль П.* Русский дневник (1916–1918). Екатеринбург: Гонзо, 2014. С. 528.

пропаганды Третьей республики в России указывалось, что в августе 1918 г. Рене Маршан работал в России по линии «установления связей с крайне правыми русскими и клиром» в рамках миссии по «связям с политическими группировками». Параллельно с ним работали и другие французские интеллектуалы: выдающийся славист Андре Мазон (отношения с кадетами), Эрлих (эсеры), Вигье (прогрессисты)³³. Их деятельность не была секретом для сотрудников военной миссии: Пьер Паскаль вспоминал: «Кто-то из консульства однажды сказал: «Справа у нас Маршан, в центре – Мазон, слева – Эрлих»³⁴. Таким образом, говорить о какой-то однозначной политической позиции Рене Маршана в период весны–лета 1918 г. не приходится. Несмотря на попытки снискать симпатии у левых, Маршан работает в русле интересов Третьей Республики, ищет и аккумулирует антибольшевистские силы правого спектра, которые сохраняют верность Антанте.

Параллельно с эмоциональным письмом, направленным в сентябре 1918 г. Президенту Третьей Республики, Маршан, по всей видимости, по каналам службы пропаганды французской военной миссии направлял в Париж свои соображения о ситуации в России. Его адресатами значились не только Раймон Пуанкаре, но также Альбер Тома, редакция «Фигаро» и некоторые политические деятели Франции: близкие к Раймону Пуанкаре депутаты Эрнест Лафон и Жан Круппи. Маршан констатировал катастрофическую ситуацию, сложившуюся в России (голод, тяжелую эпидемиологическую обстановку) и предлагал своему правительству немедленно связаться с большевиками и обсудить вопрос интервенции и экономической поддержки нового режима. Он призывал не разрушать большевизм как силу, которая имеет реальную власть, но работать с ними также, как с другими политическими партиями³⁵. Подобное сообщение свидетельствует о том, что у Маршана имелись возможности конфиденциальной связи с Парижем, позволявшие не прибегать к методу «открытого письма».

Сложно сказать, каким образом современники уровня Рене Маршана понимали и осознавали особенности политической борьбы в высших эшелонах власти Франции, возможно, что формат «открытого письма» был востребован в ситуации, когда Жорж Клемансо занимал пост премьер-министра. Историк Теодор Зелдин полагает, что «с началом его премьерства президент Республики был немедленно низведен к традиционно не-

³³ AMAE, Propagande de la France. Note sur le Service de Propagande en Russie (21 Août 1918).

³⁴ Паскаль П. Русский дневник (1916–1918)... С. 582.

³⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. Архив Красина. Оп. 1. Д. 20. П. 3. Л. 122–125. URL: http://1917.mid.ru/archives/avprf/arkhiv-l-b-krasina/opis-1/?PAGEN_2=2

заметному положению. Клемансо игнорировал его [Пуанкаре] письма и советы; министр иностранных дел Пишон выполнял распоряжения премьер-министра, а не президента»³⁶. Рене Маршан был «человеком Пуанкаре», в ситуации, когда патрон не имеет достаточного аппаратного веса, «открытое письмо» может стать действенным способом привлечь внимание к проблеме. Если Рене Маршан выполнял какую-либо деликатную задачу, более соответствующую функционалу спецслужб, то публичное письмо политику, чей политический вес невысок, не бросает тени на политиков, принимающих реальные решения (в частности, на Жоржа Клемансо).

Деятельность Рене Маршана в Советской России

Посол Жозеф Нуланс так говорил о Рене Маршане: «Воспетый на все лады в Москве советской властью, он был во Франции объектом судебного преследования за дезертирство и шпионаж в пользу врага»³⁷. Невозможность скорого возвращения во Францию и негативное отношение к нему со стороны французской колонии привели Маршана к необходимости работать на большевиков. Таланты Маршана были востребованы в Наркомате иностранных дел. В мае 1919 г. по рекомендации Пьера Паскаля (который представил его как «посредственного активиста» для сколько-нибудь деятельной работы, но как весьма ценного кадра для дела пропаганды) Маршан начал работать в Наркомате. В 1919 г. французский журналист написал брошюру под названием «Почему я поддержал формулу социальной революции»³⁸ (в английском издании она вышла под заголовком «Почему я поддерживаю большевизм»³⁹), которая была издана в Петрограде, Париже и Лондоне. Он вступил в ряды Коммунистической партии, где один из ее выдающихся деятелей Анри Гильбо дал ему характеристику «двусмысленного и болтливового» человека⁴⁰.

Как уже отмечалось, некоторые соратники по коммунистическому движению скептически относились к политическим исканиям Маршана. Так, Альфред Розмер пытался задаваться вопросом, что же привело человека, бесконечно далекого от сочувствия коммунистическим идеям, в лагерь боль-

³⁶ Зелдин Т. Франция, 1848–1945: честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. С. 514.

³⁷ J. Noulens, *Mon ambassade en Russie*, 121.

³⁸ R. Marchand, *Pourquoi je me suis rallié à la formule de la révolution sociale* (Petrograd: International Communiste, 1919).

³⁹ R. Marchand, *Why I support bolshevism?* (London, 1919).

⁴⁰ S. Cœuré, *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme*, 100.

шевиков? Отвечая, он ссылался на те причины, которые сам Маршан обозначил в книге. Тем не менее, Розмер счел их неискренними⁴¹.

К 1922 г. Маршан подготовил т.н. «Черную книгу» – результат длительной работы с дипломатическими архивами по вопросам франко-русского союза и подготовки к войне⁴² (книга была опубликована в Париже в 1922 и 1924 гг.). Помимо подготовки изданий, «изобличающих империализм», совместно с Марселем Боди Маршан переводил на французский язык программные партийные документы, работы Ленина и Бухарина, а также пропагандистские листовки, адресованные солдатам-интервентам на Юге России⁴³. Тогда же в связи с процессом против эсеров Маршан был вызван в ОГПУ, его допрашивали по делу французской военной миссии, ее контрреволюционной деятельности. На допросе Маршан подтвердил существование связи между левыми эсерами, меньшевиками и французской миссией в 1918 г., а также добавил, что миссия искала связи с кадетами, прибегая к помощи «профессорских кругов» через Андре Мазона⁴⁴. Он критически охарактеризовал при этом деятельность Жозефа Нуланса и своих коллег, работавших в Службе пропаганды⁴⁵.

Возвращение в Париж и «мексиканский этап» в жизни Рене Маршана

В 1926 г. Маршан вернулся в Париж, где работал в качестве редактора издания «Советская экономическая жизнь»⁴⁶. Однако «большевистское кредо» возвращения не пережило: уже в 1927 г. Рене Маршан выходит из Коммунистической партии, чтобы «жить прежней жизнью журналиста», уезжает в Турцию и, по словам Пьера Паскаля, приезжает оттуда убежденным кемалистом⁴⁷. На этом его отречение от левой идеи не заканчивается: в 1928 г. он публично (в форме письма!) дезавуирует «Черную книгу», объясняя, что многие документы в ней были фальсифицированы или приведены не в полном объеме⁴⁸.

Деятельность Рене Маршана в России кратко рассматривал специалист по истории спецслужб Роже Фалиго. Он полагает, что в 1930-е гг. Маршан сотрудничал с лидером национал-консервативной организации

⁴¹ A. Rosmer, *Moscou sous Lénine*, <https://www.marxists.org/francais/rosmer/works/msl/msl2020.htm>.

⁴² S. Cœur, *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme*, 117.

⁴³ *Ibid.*, p. 131.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 176–177.

⁴⁵ *Bulletin périodique de la presse Russe. Le procès des socialistes-révolutionnaires des 8 Juin au 9 Août 1922*. № 108. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6297714s/>.

⁴⁶ P. Pascal, *Journal de Russie 1928–1929* (Lausanne: Les éditions noir sur blanc, 2014), 58.

⁴⁷ P. Pascal, *Russie 1927. Mon journal de Russie* (Lausanne: L'Age d'Homme, 1982), 190.

⁴⁸ P. Pascal, *Journal de Russie 1928–1929*, 58.

«Огненные кресты» полковником Франсуа де ля Роком, а публикация открытого письма Пуанкаре была ни чем иным, как попыткой гласно «провалить» т.н. «заговор Локкарта», с целью отмежеваться от английской акции⁴⁹. Если последнее предположение можно воспринимать в качестве рабочей гипотезы как ввиду ограниченного на сегодняшний день количества информации о Маршане, так и ввиду его противоречивого политического портрета, то утверждение о сотрудничестве с де ля Роком – поспешно и сомнительно. Представляется вероятным, что Р. Фалиго за корреспондента Рене Маршана принял кандидата от Французской социальной партии в IX округе Парижа Рене Огюста Маршана, который, действительно, был соратником знаменитого правого политика⁵⁰.

Несмотря на прохладное отношение Рене Маршана к левой идее, русской тематике и всему, что связано с Россией, он придавал важное значение. В феврале 1931 г. он выступал в дискуссионно-политическом клубе «Фобур» на заседании, тема которого звучала так: «Что произошло в России? Участие Франции. Мир или война с республикой Советов?», куда были приглашены Милуков, генерал Миллер, Александр Керенский и князь Голицын⁵¹. Судя по отзывам в эмигрантской прессе, выступление Маршана сложно было назвать «просоветским»: он рассматривал Советскую Республику как опасное для Европы образование, ввиду того, что большевики нацелены революционизировать Европу, «подмять ее под свою пятау». По его мнению, Европа должна была «организоваться», чтобы противостоять «советизации». В этой связи он выступал за «Европу по неизбежности без России, но с приоткрытыми дверями». Его русская супруга, находившаяся в зале клуба «Фобур», также нелестно высказалась о Советской России⁵².

В 1937 г. по приглашению Президента Карденаса Рене Маршан переехал Мексику⁵³. Организация этой поездки была продиктована крупным международным скандалом, связанным с мексиканской нефтедобычей. Во второй половине 30-х годов в Мексике по инициативе руководства страны разгорелась борьба с иностранными нефтедобывающими компаниями, финал этого

⁴⁹ Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. М.: Терра, 1997. Т. 1. С. 145.

⁵⁰ P. Nivet, *Les assemblées parisiennes de la déclaration de guerre à la libération de Paris: 1939–1944* (Paris: Fédération des sociétés historiques et archéologiques de Paris et de l’Ile-de-France, 1996), 215.

⁵¹ “Au club du Faubourg,” *Comoedia* (Février 1, 1931).

⁵² Субботник в клубе Фобур // Возрождение. 1931. 10 февраля.

⁵³ M.O. Revah, “El cardenismo y el Frente Popular de Léon Blum. Dos proyectos de reforma social en el México y Francia de los años treinta,” *Cahiers d’études romanes*, no. 32 (2016), <https://journals.openedition.org/etudesromanes/5148#text>.

процесса пришелся на 1938 год, когда Президент Ласаро Карденас принял положение об экспроприации нефтяных месторождений, что ударило по экономическим интересам Великобритании и Соединенных Штатов. В условиях жесткой и длительной конфронтации с американскими и европейскими партнерами представители мексиканского правительства и экономических кругов совершили ряд поездок во Францию с целью противостояния энергичной анти-мексиканской кампании в европейской прессе и привлечения Франции как потенциального покупателя нефти. Французские политические элиты (главным образом левые) заинтересовались процессами, происходящими в Латинской Америке – на этой волне Рене Маршан отправился в Мексику для проведения экономических исследований⁵⁴. Эта поездка полностью отвечала личным интересам французского журналиста: экономическая, аграрная тематика были ему близки, еще во время работы в России и Турции он выпустил ряд публикаций, посвященных особенностям сельского хозяйства этих стран⁵⁵, активную заинтересованность вызывали также вопросы, связанные с экономическим потенциалом левых идеологий. В Мексике журналист прожил до конца своей жизни, продолжая изыскания по истории России и работая в Национальном Университете в Мехико. Там ему удавалось обращаться не только к вопросам экономического развития Мексики при левом правительстве, но и продолжать изыскания по русской тематике. В частности, им была опубликована книга «Франко-русские литературные параллели», основанная на воспоминаниях о встрече Маршана со Львом Толстым в Ясной Поляне.

Искреннее стремление изучать Россию послужило для него толчком к активизации исследований в годы Второй мировой войны. Известно, что в сентябре 1941 г. Рене Маршан спрашивал у советских представителей в Мексике возможности служить на благо Советской России и Красной Армии, деликатно напоминая о своей поддержке большевистской революции (вместе с Жаком Садулем) в 1918 г. Свою просьбу он аргументировал следующим образом: «Но при событиях небывалой значительности, которые теперь имеют место, и при небывалом героизме советского народа и могущественной Красной Армии, мне хотелось бы иметь возможность сделать что-нибудь более положительное, чем кабинетные и культурные изучения. Поэтому, прошу Вас сообщить в Москву, что я готов служить, где мои спо-

⁵⁴ M.O. Revah, “El cardenismo y el Frente Popular de Léon Blum. Dos proyectos de reforma social en el México y Francia de los años treinta,” *Cahiers d'études romanes*, no. 32 (2016), <https://journals.openedition.org/etudesromanes/5148#text>.

⁵⁵ R.H. Valle, “Diálogo con René Marchand,” *Revista de la Universidad de México*, no. 10 (1936): 22–26.

собности могут быть полезны, либо в Сов. России, либо для связи с какой-нибудь страной союзной»⁵⁶.

Выводы

В качестве итога отметим, что для современной отечественной историографии и публицистики персонаж Рене Маршана весьма «карикатурен» и не несет никакого контекста. В лучшем случае читателю предлагается односторонний портрет «не-большевика», «предателя Антанты», который берет свои истоки из советской историографической традиции. В свою очередь, современная французская историография, несмотря на то, что рассматривает личность Маршана более объективно, воспринимает его как сторонника французского левого движения. По нашему мнению, Рене Маршан никогда не являлся левым политиком, но представлял собой человека мятущейся души, стремившегося быть верным личным идеалам. Подобная позиция толкала его порой на необдуманные поступки, заставляла колебаться по миру (Россия, Югославия, Турция, Мексика), фиксируя события, находившие отклик в его душе. Представляется вероятным, что политическая сторона событий не была важна для Маршана, однако все же его идеалы отчасти совпадали с идеалами представителей партий левого спектра, поэтому они нередко оказывались по одну сторону баррикад.

© Галкина Ю.М., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 10 ноября 2018 г.

Submitted: 10 November 2018

References

- Aldo Agosti, at al. *Komintern: l'histoire et les hommes. Dictionnaire biographique de l'Internationale ecommuniste en France, à Moscou, en Belgique, au Luxembourg, en Suisse (1919–1943)*. Paris: Editions de l'Atelier, 2001 (in French).
- “Anglo-frantsusskie bandity. Pis'mo Rene Marshana.” [English and French bandits. The letter of Rene Marchand] *Petrogradskaya Pravda*, September 29, 1918 (in Russian).
- “Au club du Faubourg.” *Comoedia*, February 1, 1931 (in French).
- Arkhiv VChK: sbornik dokumentov* [The Cheka archive: collection of documents]. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 2007 (in Russian).
- Avdeev, V.A., and Karpov, V.N. *Sekret'naya missiya v Parizhe. Graf Ignat'ev protiv nemetskoj razvedki v 1915–1917 gg.* Moscow: Veche Publ., 2009 (in Russian).

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 192. Оп. 8. Д. 20. П. 58. Л. 100. URL: http://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-amerikanskie-otnosheniya/posolstvo-sssr-v-ssha/8/?PAGEN_1=2.

- Berberova, N. *Zheleznaya zhenshchina: rasskaz o zhizni M.I. Zakrevskoi-Benkendorf-Budberg, o nei samoi i ee druz'yakh*. Moscow: Politizdat Publ., 1991 (in Russian).
- Body, M. *Un piano en boulevau de Carelie. Mesannees de Russie 1917–1927*. Paris: Hachette, 1981 (in French).
- Bulletin périodique de la presse Russe. Le procès des socialistes-revolutionnaires des 8 Juin au 9 Août 1922*. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6297714s/> (in French).
- Cœuré, S. *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme*. Lausanne: Les éditions noir sur blanc, 2014 (in French).
- Faligo, R., and Koffer, R. *Vsemirnaya istoriya razvedyvatel'nykh sluzhb*. Moscow: Terra Publ., 1997 (in Russian).
- Golinkov, D. *Tainye operatsii VChK*. Moscow: Algoritm Publ., 2008 (in Russian).
- Kraeva, T.V. “Frantsuzskie levye v russkoi revolyutsii: 1917–1921.” [The French Left in Russian revolution: 1917–1921] *Frantsuzskii ezhegodnik* (2009): 191–207 (in Russian).
- Repina, L.P., ed. *Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and memory: European historical culture through to Modern History]. Moscow: Krug Publ., 2006 (in Russian).
- Marchand, R. *Les Grands Problèmes de la politique intérieure Russe*. Paris: Librairie Félix Alcan, 1912 (in French).
- *Pourquoi je me suis rallié à la formule de la revolution sociale*. Petrograd: International Communiste, 1919 (in French).
- *Why I support bolshevism?* London: British socialist party, 1919.
- Nicot, J., and Schillinger, Ph. “La mission d’Albert Thomas en Russie: problèmes et incertitudes de l’alliance russe (mai–juin 1917).” *Revue historique de l’armée*, no. 3 (1973): 64–84 (in French).
- Nivet, P. *Les assemblees parisiennes de la déclaration de guerre à la libération de Paris: 1939–1944*. Paris: Fédération des sociétés historiques et archéologiques de Paris et de l’Ile-de-France, 1996 (in French).
- Noulens, J. *Mon ambassade en Russie*. Paris: Librairie Plon, 1933 (in French).
- Pascal, P. *Journal de Russie 1928–1929*. Lausanne: Les éditions noir sur blanc, 2014 (in French).
- *Russkii dnevnik (1916–1918)*. Yekaterinburg: Gonzo Publ., 2014 (in Russian).
- *Russie 1927. Mon journal de Russie*. Lausanne: L’Aged’Homme, 1982 (in French).
- Popova, S.S. *Mezhdu dvumya perevorotami. Dokumental'nye svidetel'stva o sobyitiyakh leta 1917 goda v Petrograde (po frantsuzskim i rossiiskim arkhivnym istochnikam)*. Moscow: Lodomir Publ., 2010 (in Russian).
- Revah, M.O. “El cardenismo y el Frente Popular de León Blum. Dos proyectos de reforma social en el México y Francia de los años treinta.” *Cahiers d’études romanes*, no. 32 (2016): 99–116. <https://journals.openedition.org/etudesromanes/5148#text> (in Spanish).
- Rosmer, A. *Moscou sous Lénine*. <https://www.marxists.org/francais/rosmer/works/msl/msl2020.htm> (in French).
- Serzh, V. *Ot revolyutsii k totalitarizmu: vospominaniya revolyutsionera*. Orenburg: Praksis Publ., 2001 (in Russian).
- “Subbotnik v klube Fobur.” [Unpaid weekend in Faubourg] *Vozrozhdenie*, February 10, 1931.
- Valle, R.H. “Diálogo con René Marchand.” *Revista de la Universidad de México*, no. 10 (1936): 22–26 (in Spanish).

Zabroshennyye v nebytie. Interventsiya na Russkom Severe (1918–1919) glazami ee uchastnikov [Abandoned into non-existence. The intervention in the Russian Nord as viewed by their participants]. Arkhangel'sk: Pravda Severa Publ., 1997 (in Russian).
Zeldin, T. *Frantsiya, 1848–1945: chestolyubie, lyubov' i politika*. Yekaterinburg: Ural University Publ., 2004 (in Russian).

Archives

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Ministry of Foreign Affairs] (thereafter – AVP RF). Arkhiv Krasina, op.1, d. 20.

AVP RF, f. 192, op. 8, d. 20.

Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve [State Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. Serie Guerre 14–18, Actions des allies; Propagande de la France.

Service historique de la Défense, Terre [The historical Service of the Ministry of Defense], 6 N, 221, 233.

Аннотация: Статья посвящена жизненному пути, политическим взглядам и деятельности публициста, корреспондента крупнейшей французской газеты «Фигаро» Рене Маршана (1888–1962), который стал широко известен в Советской Республике благодаря опубликованному в 1918 г. открытому письму Президенту Франции Раймону Пуанкаре. В нем он проводил мысль об ошибочной ориентации французской внешней политики в отношении России, раскрывал диверсионные планы бывших союзников по Антанте. В современной французской, а также отечественной историографии, опирающейся на советские исследования и воспоминания самого Рене Маршана, считается, что в 1918 г. французский журналист совершил идейную эволюцию в сторону социализма и большевизма и являлся искренним представителем французских левых. Автор рассматривает данную проблему на материалах Дипломатического архива Франции, источниках личного происхождения, а также благодаря анализу широкого массива русской и зарубежной историографии и приходит к выводу о противоречивом характере отношения Рене Маршана к большевикам и несоответствию его образу левоориентированного политика.

Ключевые слова: Франко-русские отношения, франко-советские отношения, Русская революция, французские левые

Для цитирования: Галкина Ю.М. Французский журналист Рене Маршан: несколько штрихов к портрету «друга советской России» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 85–100. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-85-100>

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-101-124>

Научная статья / Research article

Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в пространстве исторической памяти XX – начала XXI в.

М.К. Чиняков

Московский педагогический государственный университет;
119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 88; mk.chinyakov@mpgu.su

Russian Troops in France and the Balkans (1916–1918) in the Historical Memory of the 20th – early 21st Centuries

Maxim K. Chiniakov

Moscow State Pedagogical University; 88, Vernadsky avenue,
Moscow, 119571, Russia; mk.chinyakov@mpgu.su

Abstract: This article examines efforts to preserve the historical memory of Russian soldiers who fell in France, the Balkans and Africa during the Great War. Based on a wide range of sources, it discusses various aspects memory preservation, including research, the installation of monuments, the main military necropolises in France and the Balkans, relevant associations, as well as producing historical documentaries and museum exhibitions. The author discusses the monuments in Saint-Hilaire-Le-Grand, Laval and at the Holy Cross hospital near Toulon, as well as more recent memorials in Courcy, Brest, and Marseilles. He devotes special attention to the grave of the Russian Legion’s padre. The article also addresses three documentary films about the Russian expeditionary corps: “20 Thousand Useless Men”, “They Fought in France”, and “The Stolen Victory”. At the same time, it considers efforts to preserve the memory of the Russian troops who fought in the Balkans, which already began in 1917, when the commander of the 2nd Special Infantry Brigade organised a team to preserve the graves of the soldiers who fell there in battle. Meanwhile, Russian diplomats helped to build monuments in Greece and Macedonia.

Keywords: World War I, Russia, France, Africa, the Balkans, Saint-Hilaire-Le Grand, Zeitenlik, necropolis

For citation: Chiniakov, Maxim K. “Russian Troops in France and the Balkans (1916–1918) in the Historical Memory of the 20th – early 21st Centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 101–124. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-101-124>

Acknowledgements: I wish to thank E.E. Naumova and S.V. Dybov for providing advice during the work on the materials and for their helpful comments.

Введение

В связи со столетием Версальского мира вновь актуализировалась проблема роли России в Первой мировой войне, формирования исторической памяти о Великой войне в русском и зарубежном обществе.

Объектом настоящего исследования является историческая память в отношении русских войск, отправленных на Западно-Европейский и Балканский театры военных действий (далее – ТВД) во время Первой мировой войны. Анализируется в связи с этим сохранение памяти во Франции, на Балканах и в странах Африки. Предмет исследования – некрополи, памятники, выставки, документальные фильмы, посвященные русским войскам во Франции и на Балканах, а также деятельность частных лиц, государственных и общественных организаций по увековечиванию их памяти.

Данная проблематика прослеживается в немногочисленных работах представителей Русского зарубежья и современных российских исследователей, посвященных в основном состоянию кладбищ и поисковой деятельности в области захоронений во Франции¹ и Греции², включая достаточно подробно изученную историю двух важнейших русских воинских некрополей – Сент-Илер-ле-Гран во Франции и Зейтенлик в Греции. Из зарубежных трудов можно отметить только несколько материалов в основном обзорного характера о русском некрополе в Сент-Илер³.

Источниковую базу данной работы составили две группы документов: неопубликованные и опубликованные источники. К первой группе относятся документы и материалы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), а также в личном архиве дочери Маршала Советского Союза

¹ В.О. Русское торжество // Часовой. 1962. № 434 (7). С. 19–20; Гуторович Ж. Военное кладбище в Мурмелоне // Кадетская переключка. 1987. № 43. С. 119–120; Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция во Франции и сохранение воинских традиций русско-французского союза: история и современность // Российский научный журнал. 2015. № 2 (45). С. 32–42; Колотинский В. На могилах русских воинов в Шампани // Вестник союза офицеров участников войны. 1959. № 5. С. 14–17; Лобыцын В.В. Погибли за Францию // Вокруг света. 1995. № 3. С. 40–43; Паломничество на могилы русских воинов // Часовой. 1966. № 481 (7). С. 22; Русские храмы и обители в Европе. СПб: Лики России, 2005. С. 286–287.

² Колосков Е. «В горах Македонских вдали от России...» // Родина. 2015. № 1. С. 53–54; Лушин М.М. «Это мы, русские!» // Международная жизнь. 2016. Спецвыпуск «История без купюр: прошлое отражается в настоящем». С. 65–84; Талалай М.Г. Русские захоронения на военном кладбище Зейтинлик в Салониках. СПб.: ВИРД, 1999; Жалнина-Василькиоти И.Л. «Родной земли кусок». Русский некрополь в Греции. М.: Книжница / Русский путь, 2012.

³ F. Segrétain, and P. Hervet, *Les troupes alliées en France (1914–1918)* (Paris: Harmattan, 2000); J.-P. Soudaigne, “La nécropole russe de Saint-Hilaire-le-Grand” *14–18*, no. 14 (2003), 48–49.

Р.Я. Малиновского кандидата филологических наук Натальи Родионовны Малиновской⁴. Ко второй группе источников относятся мемуары участников боевых действий и других очевидцев событий⁵, газеты Русского зарубежья («Русский солдат-гражданин во Франции» («РСГФ»)), «Луч» и др.

В конце 1915 г., в связи с тяжелым положением на Западно-Европейском ТВД, Франция обратилась к царскому правительству с просьбой выделить войска для оказания помощи в борьбе против общего врага – держав Центрального союза. В силу специальных соглашений и договоров, заключенных между французским и царским правительствами, с февраля 1916 г. по октябрь 1917 г. Россия направила во Францию и на Балканы пять бригад (1-я, 2-я, 3-я и 4-я Особые пехотные и 2-я Особая артиллерийская бригады) и один батальон (2-й Особый инженерный батальон), сведенные в июне 1917 г. в 1-ю и 2-ю Особые пехотные дивизии (во Франции и на Балканах соответственно), ставшие известными после окончания войны под названием «Русский экспедиционный корпус» (всего – 50–60 тыс. солдат и офицеров). Русские войска приняли достойное участие в сражениях разного масштаба во Франции («наступление Нивеля» в 1917 г.) и на Балканах (Битольская в 1916 г. и Весенняя операции в 1917 г.), не считая позиционных боев.

После преодоления вспыхнувшего среди частей 1-й Особой дивизии Куртинского кризиса (май – сентябрь 1917 г.) она утратила боевой потенциал и оказалась неспособной вести боевые действия. 5 ноября орган Временного правительства – Междуведомственный Комитет по заграничному снабжению – вынес решение об отказе в возвращении в Россию бригад 1-й дивизии и возможности их использования во Франции – если не на фронте, то в качестве рабочей силы. 16 ноября на основании этого решения председатель Совета министров и военный министр Франции Ж. Клемансо издал постановление № 27576 I/II о разделении русских воинских контингентов на три категории (т.н. трияж, т.е. отборка, сортировка): первую, комплектовавшуюся за счет желавших сражаться вместе с союзниками (Рус-

⁴ *Наседкин Д.Г.* Октябрь за рубежом. Л. 1–27. Рукопись. Архив Н.Р. Малиновской.

⁵ *Евлогий* (митрополит). Путь моей жизни. Париж: YMCA-press, 1947; *Карев П.Ф.* Нас не укротили. Иваново: Госиздат, 1937; *Наседкин Д.Г.* 8 рота «бис» / Октябрь за рубежом. М.: Госиздат, 1924. С. 72–84; *Смирнов В.А.* Верные долгу // Возрождение. 1958. Тетр. 81. С. 5–32; *Эренбург И.Г.* Лик войны (во Франции). София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1920; S.I. Gavrilenko, *Le journal de Stephane Ivanovitch Gavrilenko. Un soldat russe en France* (Paris: Privat, 2014); P. Petit, *Histoire des Russes incorporés dans les Armées françaises pendant la Grande Guerre (1914–1918)* (Nanterre: Académie européenne du livre, 1992).

ский легион); вторую, комплектовавшуюся за счет добровольцев-рабочих; и третью, комплектовавшуюся за счет тех, кто не желал ни сражаться, ни работать и подлежал отправке на принудительные работы в Алжир. Для управления русскими контингентами на территории Франции в декабре 1917 г. была создана Русская база, размещавшаяся в г. Лаваль.

В феврале 1918 г. французы провели систему «трияжа» и для 2-й Особой пехотной дивизии, отправив часть первой категории на Западно-Европейский ТВД, часть третьей категории – в Алжир. Для управления русскими контингентами на Балканах была создана другая Русская база в Салониках, не подчинявшаяся Русской базе в Лавале.

Сохранение памяти во Франции

Вопрос о захоронениях офицеров и солдат, умерших от болезней и ранений или погибших на полях сражений во Франции, решался следующим образом: военнослужащих хоронили за счет полковых или бригадных денежных средств неподалеку от места гибели, точнее, на местном кладбище, с намерением после войны перевезти тела на родину. Например, при извещении в Петроград о факте смерти 16 апреля 1917 г. во время атаки Курси командира 2-й роты 1-го Особого пехотного полка штабс-капитана В.М. Янушкевича военный агент России во Франции полковник граф А.А. Игнатъев указал: «По французским законам тело ни в каком случае не может быть вывезено из зоны армии до окончания войны. Место погребения будет снято обществом увековечивания могил павших во Франции воинов и сохранено в полной неприкосновенности»⁶. Вещи покойного отсылались в военный лагерь в Майи (где находилась база русских войск), оттуда через российское консульство – в Россию. В марте 1917 г. старший комендант русских войск в Тулоне постановил: «Все остающиеся в госпитале после умерших солдат белье и одежду следует употреблять для носки на месте, а собственные вещи умерших солдат хранить в складе старшего коменданта впредь до возможности их отправки в Россию родственникам умерших»⁷.

Данные об убитых и умерших военнослужащих собирались из госпиталей и частей и поступали через Осведомительное бюро французского Генерального штаба в санитарное отделение Управления военного агента

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 15304. Оп. 3. Д. 19. Л. 7; См. также: РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 27. Л. 94.

⁷ РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 27. Л. 151.

(с июня 1917 г. – в санитарное отделение Тылового управления), которое пересылало их в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ)⁸.

28 сентября 1916 г. от имени МИД Франции было заявлено, что каждая семья убитого или умершего в госпитале во Франции офицера и солдата русских войск получит специальное удостоверение с подписью Президента Франции с выражением соответствовавшего случаю соболезнования и уважения, а старший сын первого погибшего русского солдата будет воспитан за счет французского правительства в одном из военно-учебных заведений Франции⁹.

В сентябре 1917 г. в связи с изменением общей политической ситуации в России представитель Временного правительства при французских армиях Генерального штаба генерал-майор М.И. Занкевич издал приказ следующего содержания: «Ввиду затруднительности перевозок в Россию и малого вероятно, что отправляемые вещи (убитых и умерших солдат. – М.Ч.) дойдут по своему назначению... <...> ...продавать оставшиеся... вещи и вырученные от продажи деньги отсылать ближайшим родственникам умерших»¹⁰. Так, 15 декабря того же года должен был пройти аукцион для продажи вещей, оставшихся после смерти офицеров.

С введением в действие системы «трияжа» правила несколько поменялись. В соответствии с приказом № 90 по Русской базе от 11 мая 1918 г. все вещи умерших военнослужащих, включая деньги, имущество, передавались русскому коменданту Лавале полковнику И.А. Лебедеву, которому было приказано «поступать с таковыми предметами во всем согласно требованиям русского законодательства»¹¹. В силу приказа № 144 по Русской базе от 2 сентября 1918 г. имущество убитых должно было храниться в особом помещении при Управлении русского интенданта в Лавале, где учреждался особый отдел («Отделение для хранения имущества русских офицеров и солдат, скончавшихся во Франции») во главе с 6-го Особого пехотного полка обер-офицером Н.Г. Милеантом. Для хранения денежных сумм «умерших во Франции офицеров и солдат русской службы, а равно русской службы офицеров и солдат Русского легиона, убитых в бою или скончавшихся от ран» французское правительство разрешило открыть особый текущий счет в одном из французских банков на имя Милеанта.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 187. Оп. 524. Д. 3379. Л. 15, 68–68 об.

⁹ РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 27. Л. 94.

¹⁰ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3379. Л. 111; РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 21. Л. 108; Там же. Ф. 15226. Оп. 1. Д. 6. Л. 63 об.

¹¹ РГВИА. Ф. 15235. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.

На этот счет поступали и деньги, вырученные с особых торгов не подлежавших хранению вещей умерших офицеров и солдат¹².

В современной Франции военные захоронения находятся в ведении Министерства обороны, которое, возможно, не успевает следить за всем. В частности, в январе 2015 г. ревнитель памяти русских и советских соотечественников во Франции С.В. Дыбов обратил внимание на исчезновение с могильных крестов солдат 1-й и 3-й Особых бригад в некрополях Везуля, Серни-ан-Ланнуа, Дижона словосочетания «Русский солдат». По инициативе Дыбова Русское военно-историческое общество (РВИО) оказало информационную поддержку, и справедливость была восстановлена¹³.

Во время первого условного периода сохранения исторической памяти – периода Великой войны – по мере участия в боевых действиях и роста безвозвратных потерь среди русского контингента последним пристанищем для убитых в бою было определено местечко в Сент-Илерле-Гран, под Мурмелоном, неподалеку от Реймса, где в октябре 1916 г. с помощью французской бойскаутской организации «эклереров» («разведчиков»)¹⁴ был возведен первый памятник погибшим русским воинам на французской земле. Эскиз модели памятника, как принято считать, лично набросал командир 1-го Особого пехотного полка полковник М.Д. Нечволодов. В 1917 г. здесь был воздвигнут монумент в честь павших бойцов 2-го Особого пехотного полка с надписью на русском и французском языках: «Дети Франции! Когда враг будет побежден, и вы сможете спокойно собирать цветы на ваших полях, вспомните о нас, ваших русских друзьях, и возложите сюда цветы». Памятник оказался вне территории некрополя и со временем разрушился. В 2011 г. за счет французского правительства был поставлен новый монумент.

Ближе к концу войны, в августе 1918 г., благодаря усилиям церкви при Крестовоздвиженском госпитале был водружен памятник на местном кладбище близ Тулона, на котором также имелась надпись на двух языках: «Вечная память Вам, Русские воины, жизнь отдавшие за свою Родину и общесоюзное Дело. Август 1918 г.»¹⁵.

В условный второй (межвоенный) период сохранение памяти о погибших и умерших солдатах и офицерах обеих Особых бригад проводи-

¹² РГВИА. Ф. 15235. Оп. 1. Д. 4. Л. 148 об. – 149.

¹³ С могил русских солдат в Гренобле исчезло указание национальности. URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-1388>.

¹⁴ Судя по всему, речь идет о сформированной при государственной поддержке в 1911 г. общественной организации «Французские скауты» («Éclaireurs de France», EDF).

¹⁵ Русский солдат-гражданин во Франции (далее – РСГФ). 1919. № 441; *Наседкин Д.Г.* 8 рота «бис». С. 82–83.

лось преимущественно за счет однополчан и ревнителей их подвигов главным образом на общественных началах.

Первым памятником данного периода, вероятно, стал монумент на военном кладбище в Сен-Квентен, где «русские рабочие роты всего здешнего округа поставили общий памятник», освященный 26 октября 1919 г. протоиереем о. Сергеем (Соколовским), бывшим полковым священником 6-го полка¹⁶ (На сегодняшний день монумент не сохранился).

12 июля 1920 г. в Витрэ в присутствии местных городских и военных властей, пациентов и медперсонала госпиталя во главе с его начальником, а также местных жителей был открыт памятник умершим от ранений солдатам, освященный бывшим полковым священником 1-го Особого полка о. Дмитрием (Барсовым), который, в частности, сказал: «Тяжелый, гранитный цоколь, и такой же гранитный, русского образца, – крест, большая мраморная доска с выгравированными на ней именами погибших, будут на долгие годы хранить память о наших соотечественниках»¹⁷.

28 сентября 1924 г. на ферме Наварен в честь стойкости и героизма французской 4-й армии был открыт памятник «Погибшим на поле брани в Шампани» (франц. «Monument aux morts des Armées de Champagne»), где среди наименований участвовавших здесь в боях в 1916 г. воинских частей увековечены наименования двух Особых пехотных бригад. На церемонии присутствовали маршал Франции, бывший главнокомандующий французскими армиями в 1914–1916 гг. Ж. Жоффри и дивизионный генерал А. Гуро, бывший командующий французской 4-й армией, в которой в 1916 г. воевали 1-я и 3-я Особые пехотные бригады (27 января 1994 г. состоялось открытие отреставрированного памятника).

В 1920-е гг. был установлен также памятник в Лавале, однако об истории его возведения и дальнейшей судьбе исследователям почти ничего неизвестно¹⁸.

В 1923 г. был создан «Союз русских офицеров, сражавшихся на Французском фронте» (известный как «Союз офицеров Экспедиционного корпуса») (франц. – «Association des officiers russes anciens combattants sur le front français»). После кончины последних воинов с 1990 г. организация сменила название на «Союз потомков офицеров – участников войны на французском фронте» (франц. – «Association du Souvenir du Corps Expéditionnaire

¹⁶ РСГФ. 1919. № 442.

¹⁷ Луч. 27. 06. 1920. № 13.

¹⁸ G. Gorokhoff, and A. Korliakov, *Le Corps Expéditionnaire Russe en France et à Salonique. 1916–1918* (Paris: Editeurs Reunis, 2003), 626.

Russe en France», ASCERF). В основном организация, по мере сил и возможностей, занимается поддержкой в должном состоянии церкви некрополя в Сент-Илер, организации паломничества и размещает более или менее регулярно в Интернете бюллетень под названием «Газета медведя Мишки» (франц. – «La Gazette de l'ours Michka, la mascotte du Corps expéditionnaire russe»).

Желая увековечить память павших русских офицеров и солдат, «Союз офицеров Экспедиционного корпуса» купил летом 1934 г. в Сент-Илер, рядом с военным кладбищем в 4 км от города Мурмелон, участок земли (на сегодняшний день – 3412 м²). Сюда приблизительно с 1922 г. начали перевозить (вероятно, не без финансовой поддержки французских государственных структур) выявленные на французских кладбищах останки русских офицеров и солдат, сражавшихся в составе обеих бригад.

Начало храму положил «опытный на пути духовного делания» иеромонах о. Алексей (Киреевский), прибывший в 1925 г. с Афона. Он купил на пожертвования участок в два гектара рядом с воинским кладбищем и в 1932 г. вместе с двумя помощниками (братьями Иосафом и Варлаамом) построил скромный барак и основал Скит Всех святых в Земле Русской просиявших, ставший «религиозным центром для молитв об убиенных воинах, а также для вечного упокоения усопших в эмиграции»¹⁹. В скиту находилась церковь, вместо которой с 1986 г. стоит небольшой рубленый храм, привезенный из Финляндии, в котором сегодня живет о. Филарет, насельник Скита²⁰.

Здесь же, на кладбище в Сент-Илер, при помощи всей русской общности во Франции был воздвигнут Храм-Памятник во имя Воскресения Христова²¹, значительную сумму (12 тыс. франков) на который пожертвовал знаменитый композитор С.В. Рахманинов. Закладка храма состоялась в апреле 1936 г., а освящение провел 16 мая 1937 г. митрополит

¹⁹ Евлогий (митрополит). *Путь моей жизни...* С. 568–569.

²⁰ Русский монах во Франции живет по афонскому уставу. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hmWXh8hO-qI>.

²¹ *Лобыцын В.В.* Погибли за Францию... С. 43; *Русские храмы и обители в Европе.* С. 286–287; *Карханин М.В.* Сорок лет тому... 1916–1956 гг. // *Возрождение.* Окт. 1956 г. Тетр. 58. С. 55; F. Segrétain, and P. Hervet, *Les troupes alliées en France (1914–1918)*, 43; J.-P. Soudaigne, “La nécropole russe de Saint-Hilaire-le-Grand”, 48–49; P. Petit, *Histoire des Russes incorporés dans les Armées françaises pendant la Grande Guerre (1914–1918)* (Nanterre: Académie européenne du livre, 1992), 27–28; *Смирнов В.А.* Верные долгу // *Возрождение.* 1958. Тетр. 81. С. 30–31; *Колотинский В.* На могилах русских воинов в Шампани... С. 14–17; В.О. *Русское торжество...* С. 19–20; *Паломничество на могилы русских воинов...* С. 22; *Гуторович Ж.* Военное кладбище в Мурмелоне... С. 119–120.

Евлогий (Георгиевский). После освящения храма отец Алексей был возведен митрополитом в сан архимандрита²².

Проект храма, получившего название во имя Воскресения Христова, создал А.А. Бенуа, представитель известной династии русских художников, архитекторов и искусствоведов. Храм был построен по типу новгородско-псковских церквей XV в. Данную композицию Бенуа использовал в 1938–1939 гг. и для храма Успения Божьей Матери на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Внутри храма существует небольшой музей. В нем – макет местности около села Оберив, военные реликвии; на специальной памятной доске выбиты имена погибших в боях Первой мировой – около 4 тыс. человек. За храмом – кладбище с останками 914 русских воинов, 488 из которых покоятся в отдельных могилах (данные на 2013 г.)²³. По данным С.В. Дыбова, здесь находится 917 захоронений военнослужащих Особых бригад (не считая могил другого периода) – 451 отдельная могила и две братские могилы (в одной покоится прах 373 человек, в другой – 53 человек)²⁴. В 1998 г. за счет французского Министерства обороны был проведен масштабный капитальный ремонт зданий на некрополе и проведена работа по обновлению могил и табличек на них.

Кладбище посещается редко, но раз в году, на Троицу, в Сент-Илер съезжается много людей, в т.ч. приезжают потомки солдат и офицеров Особых бригад, а в храме устраивается большая поминальная служба по русским воинам, павшим за Францию. В начале 1998 г. (впервые за 80 лет) кладбище посетили официальный представитель РФ – Чрезвычайный и полномочный посол России во Франции Ю.А. Рыжков и министр обороны Франции²⁵. С тех пор дипломатические представители России ежегодно посещают некрополь.

Некрополь в Сент-Илер – единственный русский отдельный воинский некрополь во Франции и, возможно, не только во всей Европе, но и во всем мире (в других местах страны русских военнослужащих хоронили на

²² Евлогий (митрополит). Путь моей жизни... С. 568, 570–571.

²³ В память о русских специальных бригадах во Франции. Военное кладбище и храм-памятник в Сент-Илер-ле-Гран. URL: <http://centenaire.org/fr/espace-scientifique/pays-belligerants/v-pamyat-o-russkih-specialnyh-brigadah-vo-francii-voennoe>.

²⁴ В 1920 г. редакция газеты «РСГФ» собрала деньги для строительства памятника всем русским солдатам и офицерам, павшим во Франции, и развернула работу по составлению эскизов и выбора места, но проект так и не воплотился в жизнь. Рядом с памятником предлагалось посадить «дерево свободы – кедр, растущий века, чтобы всегда своею зеленью он напоминал о детях великой и свободной России, погибших на далекой чужбине». См. об этом: Луч. 1920. 29 июня. № 9.

²⁵ P. Petit, *Histoire des Russes incorporés*, 30; Независимая газета. 1998. 5 июня. № 1671.

отдельных военных участках местных кладбищ, или в отдельных могилах, или, как в Валансьене, на территории французского же некрополя, но с преобладанием захоронений русских солдат).

Первым памятником условного третьего (современного) периода, вероятно, стала памятная доска, водруженная 29 августа 1948 г. на стене разрушенного здания исчезнувшего в годы войны селения Сапильоль: «В память безвестных солдат и во славу всех, кто сражался здесь – французов, британцев и русских. 1914–1918 гг.».

Новый виток обращения к памяти павших военнослужащих, начиная с середины 1990-х гг., был напрямую связан в России с возрождением памяти событий Первой мировой войны, во Франции – к предстоявшим громким юбилейным датам.

В сентябре 2010 г. – Года России–Франции – в честь русских офицеров и солдат, сражавшихся во второй половине 1916 г. у форта «Помпель», была открыта памятная стела в музее форта (где часть экспозиции посвящена участию в боях 1-й и 3-й бригад). На открытии присутствовали российские и французские официальные и частные лица, в частности, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ во Франции А.К. Орлов и сын бригадного интенданта 3-й Особой бригады подполковника В.И. Копылова, гражданин Франции, врач-офтальмолог Ю.В. Копылов (1929–2016).

Спустя год, 21 июня 2011 г., при поддержке министерств культуры России и Франции, а также мэрии Парижа состоялось торжественное открытие во французской столице памятника русским офицерам и солдатам обеих бригад (автор – В.А. Суровцев), на котором изображен русский офицер во французской каске с русским двуглавым орлом, держащим под уздцы лошадь. Открытие состоялось в присутствии тогдашних премьер-министров Франции и России – Ф. Фийона и В.В. Путина. На церемонии присутствовал также Ю.В. Копылов.

Спустя год, 15 сентября 2012 г., состоялось открытие памятного знака на территории военного лагеря Ля-Куртин с надписью на французском и русском языках «Долой войну!». Памятник получился неоднозначным, ибо он посвящен мятежникам, поднявшим бунт против воинской дисциплины. На памятном знаке стоит надпись: «В память 10 300 русских солдат первой бригады, находившихся в лагере Ля Куртин с 26 июня по 19 сентября 1917 г., бастовавшим против войны, просившимся отправить их в революционную Россию и ставшими жертвами репрессий военного командования». Памятник был поставлен за счет денег полутора сотен подписчиков по инициативе общественной организации «Свободная мысль Креза» (*франц.* «Libre Pensée de la Creuse»).

В апреле 2015 г., к 100-летию боев 1-й Особой пехотной бригады за селение Курси в ходе «наступления Нивеля», состоялось открытие очередного памятника во Франции русским офицерам и солдатам, сражавшимся за французское селение (автор памятника – А.М. Тартынов). Памятник достаточно необычный, не похожий на другие: солдат на правой руке держит маленькую девочку, а в левой у него – плюшевый медвежонок (пролеживается явная аналогия с «Воином-освободителем» Е.В. Вучетича в берлинском Трептов-парке). На постаменте имеется надпись: «В память о солдатах и офицерах Русского экспедиционного корпуса, погибших во Франции в ходе Первой мировой войны». Открытие памятника произошло в присутствии посла России во Франции А.К. Орлова, министра культуры РФ В.Р. Мединского, мэра Курси и др.

12 мая 2016 г. у консульства Российской Федерации к 100-летию высадки русских войск во французском порту Марсель, где 20 апреля 1916 г. высадился первый эшелон первой Особой пехотной бригады, был торжественно открыт памятный знак (авторы – Д. и М. Храмовы) в виде развернутых страниц книги, символизирующей историческую летопись двух держав в суровое военное время. В церемонии открытия знака (изготовленного за счет Российского исторического общества) приняли участие российский посол А.К. Орлов, полномочный представитель губернатора Самарской области при Президенте РФ и Правительстве РФ И.В. Еремин, мэр Марселя и др.

15 июля 2016 г., к 100-летию высадки русских войск во французском порту Брест (через который прибывали почти все русские войска, направлявшиеся для борьбы против общего врага на Западно-Европейском и Балканском ТВД), была воздвигнута колонна, увенчанная российским двуглавым орлом (авторы – А. Тыртышников, Д. Левин, И. и Н. Феклины). Присутствовавший при открытии мэр города подчеркнул, что Брест никогда не забывал подвига этих героев и поблагодарил Россию за помощь в ходе войны²⁶.

29 мая 2018 г. на месте боев в апреле 1917 г. во время «наступления Нивеля» у одноименного селения Мон-Спен (совр. Мон-Эспен) войск, входивших в состав 3-й Особой бригады 5-го Особого пехотного полка и 2-го батальона 6-го пехотного полка, при участии и поддержке Российского военно-исторического общества и МИД России была открыта изготовленная в Тамбове памятная стела (автор – К. Фомин) из уральского гранита со словами: «Памяти воинов Русского экспедиционного корпуса, сражав-

²⁶ Памятник Русскому экспедиционному корпусу открыт во французском Бресте. URL: https://russkiymir.ru/news/210105/?sphrase_id=817761.

шегося во Франции в 1916–1918 годах». Выбор материала для памятника был не случаен, поскольку 5-й полк формировался в Екатеринбурге, 6-й полк – в Челябинске. В этих боях бригада потеряла 2 тыс. человек, из них погибшими – 12 офицеров и 258 солдат²⁷. На торжественном открытии присутствовали российские и французские ответственные лица, в частности, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ во Франции А.Ю. Мешков, представители Вооруженных сил Франции, потомки солдат и офицеров 3-й бригады²⁸.

1 сентября 2018 г. действующим во Франции обществом «Русская память» (*франц.* «Association Mémoire Russe») под председательством С.В. Дыбова на кладбище г. Вик-сюр-Эн (департамент Эна) была открыта памятная стела на могиле отца Андрея (Богословского) – полкового священника 2-го Особого пехотного полка, а затем – Русского легиона, погибшего 2 сентября 1918 г. при селении Терни-Сорни²⁹. Панихиду провел священник русского православного собора Александра Невского, гренобльской Церкви Воскресения Христова и мемориальной часовни в Мурмелоне о. Андрей (Дробот), чей отец похоронен в Сент-Илер.

Вплоть до сегодняшнего дня благодаря французским властям и при поддержке местных энтузиастов продолжается акция по переносу останков русских воинов на территорию военного некрополя в Сент-Илер. Так, в 1988 г. сюда перенесли останки с кладбища в г. Шарлевиль-Мезьер, где поставили памятный знак в виде постамента с крестом (хотя и четырехконечным). Спустя почти тридцать лет, 22 марта 2017 г., в присутствии российского посла А.К. Орлова и других официальных лиц двух государств состоялись похороны в русском некрополе в Сент-Илере останков русского солдата 3-й Особой бригады (предположительно 3-го батальона 5-го Особого пехотного полка), павшего, вероятно, в боях в апреле 1917 г. при Мон-Спен.

В настоящее время сохранение исторической памяти русских военнослужащих 1-й Особой дивизии осуществляется через экспозиции, выставки, конференции, демонстрацию историко-публицистических фильмов и др. Так, в России русским войскам во Франции и на Балканах посвящена часть постоянной экспозиции в Москве, в Центральном музее Вооруженных сил (ЦМВС), в Санкт-Петербурге, в музее «Россия в Великой войне»;

²⁷ Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. Париж: издание Союза Офицеров участников войны на французском фронте, 1933. С. 123.

²⁸ Обелиск солдатам Русского Экспедиционного корпуса открыт во Франции. URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-5009>.

²⁹ Найдена и спасена могила священника Русского Легиона. URL: <https://severt.livejournal.com/1420699.html>.

во Франции аналогичную экспозицию развернули в форте «Помпель» и в г. Мо, где находится Центральный музей Великой войны. Были организованы также многочисленные выставки в различных городах России, например, в Москве, в Государственном историческом музее (март–апрель 2011 г.) – выставка «Солдаты России. Русский экспедиционный корпус во Франции 1916–1918 гг.»; в Екатеринбурге при поддержке РВИО, в Музее военной техники Уральского горно-металлургического комбината – выставка «Русские во Франции: забытый контингент» (февраль 2016 г.); в Самаре, в Доме-музее М.В. Фрунзе – «Солдаты особого назначения» и др. Проводятся выставки и во Франции, из которых следует упомянуть одну из последних (июнь–октябрь 2018 г.), которая была организована в г. Лаваль и называлась «Русские в Лавале (1917–1920): братья по оружию, братья по крови».

Из других аспектов сохранения памяти русских воинов, сражавшихся во Франции и России в годы Первой мировой войны, следует указать также на создание российских и французских документально-публицистических фильмов. Первый из них был представлен в 1999 г. французским режиссером П. Лёгаль «20 тысяч бесполезных мужиков» (франц. название – «20 000 moujiks sans importance»). В России в 2003 г. первый фильм был снят членом Союза кинематографистов и гильдии кинорежиссеров России С.Л. Зайцевым под названием «Они воевали во Франции» (удостоенный нескольких призов, включая Премию Национальной Академии кинематографических искусств и наук России «Золотой орел» за лучший документальный фильм 2003 года). Российским журналистом ВГТРК (ныне главным редактором познавательного телеканала ВГТРК «История») А.Г. Денисовым был подготовлен фильм «Украденная победа» (2007). Следом вышли фильмы французского режиссера М. Феррарю «От Москвы до Вердена» (французское название – «De Moscou à Verdun»); специального корреспондента ДИП «Вести» ВГТРК А.В. Сладкова «Русский корпус. Затерянные во времени» (2014).

4 сентября 2017 г., спустя почти сто лет после возникновения «Союза русских офицеров, сражавшихся на Французском фронте», в Курси была зарегистрирована организация «Русские солдаты. 1916–1917 гг.» (франц. Association soldats russes 1916–1917)³⁰. Ее целью провозглашался поиск потомков русских солдат, сражавшихся во Франции, как в самой Франции, так и в России, и установление между ними контактов. В мае 2018 г. в России был создан «Фонд содействия увековечению памяти воинов русских особых бригад на Французском и Балканском фронтах (1916–1918)» [или «Об-

³⁰ Association Soldats Russes 1916–1917. URL: https://www.gralon.net/mairies-france/marne/association-association-soldats-russes-1916-1917-courcy_W513005095.htm.

щество памяти воинов Русского экспедиционного корпуса (1916–1918)»] под председательством Н.Р. Малиновской. Фонд ставит целью увековечение памяти воинов Особых бригад, содействие объединению и общению их потомков, развитие сотрудничества с организациями зарубежных стран и международными организациями, соотечественниками за рубежом, выявление, сохранение, изучение и популяризацию культурного наследия, связанного с историей Особых бригад, и т.д.

В начале XXI в. во Франции к 100-летию событий, связанных с русскими войсками, прошел ряд конференций. В мае 2019 г. планируется провести в Москве силами ЦМВС и «Общества памяти воинов Русского экспедиционного корпуса (1916–1918)» первую международную конференцию, посвященную истории пребывания русских войск во Франции, Балканах и в Алжире и проблемам сохранения их памяти.

Таким образом, процесс сохранения исторической памяти в отношении русских офицеров и солдат, воевавших во Франции, развивается неоднозначно. Разумеется, что от ошибок никто не застрахован, но некоторые памятники содержат досадные неточности (например, в надписи на постаменте памятника в Париже говорится о 5 тыс. погибших офицеров и солдат, хотя в действительности их погибло не более 3–3,5 тыс. человек; или постоянное упоминание, за редким исключением, словосочетания «Русский экспедиционный корпус» без упоминания бригад, полков и батальонов), что во многом связано с невнимательным изучением вполне доступной сегодня литературы на эту тему.

В России с сохранением памяти русских воинов 1-й и 2-й Особых дивизий дело обстоит также неоднозначно. С одной стороны, проводятся выставки, уделяется место в экспозициях государственных музеев, снимаются фильмы, но никакой систематизированной работы не наблюдается, и вся работа по сохранению памяти воинов развивается бессистемно, от юбилея до юбилея. Отсутствует систематизированная работа и по выявлению могил русских солдат и офицеров во Франции (не говоря уже о последних пристанищах русских военнопленных).

Посвященные русским войскам во Франции и на Балканах памятники российские скульпторы почему-то предпочитают ставить за рубежом, но не в России. На сегодняшний день известно только о нескольких проектах, например, в Архангельске как главном порту России, из которого все сражавшиеся на Западно-Европейском и Балканском ТВД русские войска (за исключением первой Особой пехотной бригады, выступившей в поход во Францию из японского порта Даляня (совр. Китай) отправлялись воевать и где до сих пор отсутствует памятный знак, посвященный данному событию.

Сохранение памяти на Балканах

О процессе захоронения русских воинов на Балканах известно мало. Скорее всего, как и во Франции, первоначально погибших и умерших хоронили на близлежащих кладбищах, а их вещи, как и во Франции, отправляли через консульство России в Салониках или, в зависимости от ситуации, сразу продавали на специальных торгах с целью отправки денег родственникам скончавшегося воина.

О возведении памятников погибшим русское бригадное командование начало говорить уже во время боевых действий. Так, в приказе за № 28 от 23 февраля 1917 г. по 2-й бригаде командир 2-й Особой пехотной бригады генерал-майор М.К. Дитерихс указал: «Мы должны уже теперь озаботиться, чтобы могилы павших героев сохранились бы на вечные времена в стране, где пролилась русская кровь за святое дело освобождения славянских народов от немецкого гнета.

Приказываю образовать команду рабочих в составе 20 каменщиков и 5 плотников из состава Маршевого батальона, под начальством офицера этого батальона. Полкам, для нужных указаний места погребения, командировать с этой рабочей партией по 1 офицеру и 1 унтер-офицеру, которым первоначально собраться в г. Веррии». Далее им было предписано следовать по боевому пути бригады. В приказе предписывалось: «...Отгородить и убрать все места погребения наших товарищей... Каждое место погребения, прежде всего огородить каменной оградой, а могилы каменными крестами. Общие и отдельные могилы убрать, снять фотографии с могил и окружающей местности, восстановить надписи и составить описи»³¹.

При сформированной в июне 1917 г. 2-й Особой пехотной дивизии существовала специальная Дивизионная рабочая команда по оборудованию воинских могил во главе с подпоручиком Даниловым. Судя по его донесению от 9 февраля 1918 г. начальнику дивизии, «по оборудованию могил павших в боях русских воинов на Македонском фронте» работы еще не были закончены и «остались не оборудованными много могил воинов после боев в районе г. Монастыря (совр. Битола, Македония) и совершенно не начинались работы в районе озера Пресбы»³². (Возможно, что работа этой команды не прекратилась даже после введения в действие системы «трияжа» («отборка», «сортировка» – франц.), в соответствии с которой русские войска делились на три категории: кто желал продолжить воевать

³¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-6399. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.

³² РГВИА. Ф. 15230. Оп. 1. Д. 7. Л. 91.

на стороне союзников, кто готов был остаться в стране в статусе добровольцев-рабочих и тех, кто выбирал Северную Африку.).

С течением времени на территории братского военного кладбища при союзном военном лагере, располагавшемся в Зейтенлике, под Салониками, был создан русский участок, ставший русским некрополем, аналогичным некрополю в Сент-Илер, но не отдельным, а именно как часть союзного кладбища. Кладбище Зейтинлик – самое большое из военных кладбищ в Греции. Здесь покоятся 20,5 тыс. солдат Антанты, павших на Македонском фронте. Местоположение кладбища было выбрано не случайно: в этом отдаленном районе Салоник находился большой госпиталь. Специально созданная комиссия собирала останки русских воинов, рассеянные по северной Греции, и переносила их в течение 1926–1936 гг. на Зейтинлик (приблизительно в то же время, как и во Франции переносились останки на кладбище в Сент-Илер), где и был создан русский участок. Здесь находится самое массовое захоронение останков русских воинов, похороненных в 1916–1918 гг. Всего – 257 чел.³³, но сколько из них относятся именно ко 2-й дивизии, неизвестно.

Несмотря на существование русского участка в Зейтенлике, захоронения русских военнослужащих разбросаны по территории нескольких государств – Греции, Сербии, Македонии. Например, часть русских воинов была захоронена на французском и германском кладбищах в г. Битола. Во время посещения их российскими историками 8 апреля 2014 г. здесь были обнаружены восемь памятных табличек с русскими фамилиями. Захоронения на территории Сербии военнослужащих 2-й дивизии могут находиться на одном кладбище вместе с захоронениями русских же военнослужащих, прибывших в Сербию еще с августа 1914 г. Например, приблизительно в 1935 г. по инициативе одного из эмигрантских обществ из Македонии были вывезены в столицу Югославии 287 останков русских воинов, захороненных на Новом кладбище Белграда, получившем название «Русский некрополь»³⁴.

Идея установки памятников павшим в боях на Балканах, как и во Франции, получила воплощение уже во время войны, вероятно, к маю 1917 г., ибо 2 июня 1917 г. командир 4-й Особой пехотной бригады генерал-майор М.М. Леонтьев вынес «сердечную благодарность» «8-го Особого пехотного полка прапорщику Гончарову и всем солдатам участвовавшим в работе» «за труды по постановке памятника на военном кладбище у селения Гру-

³³ F. Lecoite, *Les brigades Russes en Macédonie et la Légion Russe. 1915–1920* (Montpellier: Université Paul Valéry, 1997), 218; *Жалнина-Василькиоти И.Л.* «Родной земли кусок»... С. 166; См. также: *Талалай М.Г.* Русские захоронения... С. 8–13.

³⁴ *Лушин М.М.* «Это мы, русские!»... С. 80.

ниште»³⁵. Вероятно, этот памятник стал единственным, воздвигнутым во время войны в память русских офицеров и солдат 2-й и 4-й Особых бригад. (Точное местонахождение и его современное состояние неизвестны.)

В условный второй (межвоенный) период идея сохранения памяти получила логическое продолжение. Например, имеется памятник павшим русским солдатам при станции Градобор (Пендафолос) в 12 км от Салоник, созданный на деньги всех неравнодушных. Инициатива его создания принадлежала солдатам 21-го рабочего батальона 3-й категории и 4-го Особого полка, и в частности рядовому Д.Г. Наседкину, лично вылепившему фигуры. По его словам, начальство дало разрешение на возведение памятника «только с условием не делать надписей, которые могли бы задевать Французскую республику». Открытие прошло 11 октября 1919 г. в присутствии всех солдат батальона.

На Балканах известны и другие памятники того же периода. По данным старшего унтер-офицера 7-го полка 4-й бригады М.З. Ткаченко, на месте стоянки русских войск у железнодорожной станции Жени (что в 20 км от Салоник) был поставлен памятник «в знак пребывания русских войск на Балканском полуострове»³⁶. (Время и обстоятельства создания памятника, его точное местонахождение и современное состояние неизвестны.)

11 ноября 1936 г., спустя ровно 18 лет после окончания войны (и спустя полгода после закладки храма в Сент-Илере), на кладбище в Зейтенлике был освящен православный храм в византийском стиле по проекту русского архитектора-эмигранта Н.П. Краснова. Он представляет собой величественную в два этажа усыпальницу, облицованную известняковыми плитами, специально привезенными из Сербии.

В 1930-х гг. в среде русской эмиграции в Греции возникла, по примеру югославов, идея по возведению на русском участке Зейтенлика достойного мемориала. Союз русских эмигрантов в Македонии и Фракии выпустил воззвание, а в Афинах был учрежден Комитет по сбору пожертвований на увековечивание памяти русских воинов, павших на Салоникском фронте, под председательством супруги последнего российского посла в Греции княгини Сан-Донато С.И. Демидовой (урожденной Воронцовой-Дашковой). Однако русские эмигранты не смогли собрать достаточных средств для строительства, а вскоре началась Вторая мировая война.

Во второй половине XX в. со стороны СССР первый жест по сохранению исторической памяти о русских воинах 2-й дивизии относится к

³⁵ РГВИА. Ф. 15229. Оп. 1. Д. 1. Л. 269.

³⁶ Письмо М.З. Ткаченко Министру обороны СССР Р.Я. Малиновскому (13.05.1964) // Архив Н.Р. Малиновской.

1959 г., когда по инициативе советского посольства в Греции и при участии его сотрудника А.П. Попова были произведены частичная реставрация и благоустройство памятника при станции Градобор. В 2011 г. по инициативе Генерального консула России в Салониках А.А. Попова и при содействии местных властей и директора Военного музея г. Салоники была осуществлена очередная реставрация памятника.

Усиление внимания со стороны России к сохранению памяти воинов 2-й дивизии наблюдается в постсоветское время. Так, восстановленное в 1997 г. в Салониках российское консульство (которое прекратило существование в 1917 г.) взяло попечительство над военным русским кладбищем. Ежегодное возложение венков от имени Российского государства силами консульства превратилось в добрую традицию и происходит дважды: 11 ноября и в день Великой Победы 9 мая.

1 августа 2014 г. при участии российского посольства в Македонии на германском военном кладбище в г. Прилеп, где похоронено не менее десяти русских солдат 2-й дивизии, состоялось открытие возведенного на пожертвования первого на территории Македонии небольшого памятного монумента, посвященного российским солдатам Первой мировой войны. Каждый год 1 августа, в День памяти русских воинов, павших в ходе войны, российские дипломаты вместе с представителями местных властей и обществ российско-македонской дружбы возлагают к памятнику венки.

В декабре 2015 г. в греческом городе Флорина в рамках Года «Россия–Греция» был торжественно открыт памятник русским солдатам Македонского фронта Первой мировой войны (скульптор – Й. Кикотис). Памятник представляет собой мраморную колоннаду с символикой Российской империи и фигурой русского солдата во весь рост (высота – 3,5 метра) с 3-линейной (7,62-мм) винтовкой системы Мосина образца 1891 г. в руках. Памятник возведен по инициативе российского консульства и лично консула РФ А.А. Попова на пожертвования местных жителей и крупных российских организаций.

Выявить мемориальные практики, посвященные русским военным служащим 2-й Особой дивизии, на сегодняшний день достаточно проблематично. Во многом данное обстоятельство связано с объективным фактором – слабой изученностью истории пребывания на Балканах 2-й и 4-й Особых бригад. Как правило, офицеры и солдаты дивизии упоминаются наряду с офицерами и солдатами «французских» бригад. В результате сохранение памяти на Балканах продвигается очень медленно и во многом из-за объективного обстоятельства – прежде всего разбросанности захоронений по

территории нескольких государств (в отличие от ситуации с захоронениями бойцов 1-й и 3-й бригад, воевавших на территории одного государства).

Сохранение памяти в Северной Африке

Об особенностях захоронений русских воинов 1-й и 2-й Особых дивизий 3-й категории в Северной Африке практически ничего не известно. Исходя из логики событий, умерших должны были хоронить на местных христианских кладбищах. В случае отсутствия таковых захоронения, вероятно, производились на местном же кладбище, но отдельно от мусульман. После завоевания Алжиром независимости (1962 г.) все европейские воинские захоронения и монументы здесь были целенаправленно уничтожены.

Достоверно известно о двух памятниках, возведенных солдатами 3-й категории в Алжире в межвоенный период. Так, имелся небольшой скромный памятник в честь павших в Северной Африке русских воинов в селении Джельфа (совр. г. Джельфа, центр одноименной провинции современного Алжира, в 220 км южнее г. Алжир) на местном французском кладбище, где было захоронено неизвестное число останков русских солдат из дисциплинарного батальона. В сообщении корреспондента «РСГФ» отмечалось: «Работа (над памятником. – М.Ч.) продолжалась в течение двух месяцев, почти без всякого инструмента, с одним зубилом, и был сделан великолепный памятник. <...> На открытии памятника были одни русские товарищи дисциплинарного отряда, командир аджутан (правильно: аджюдан или фельдфебель – старший унтер-офицерский чин во французских войсках. – М.Ч.), переводчик и сержант; из православного и католического духовенства никого не было»³⁷.

Еще один памятник существовал в г. Сук-Ахрас (на территории Алжира) и был открыт приблизительно в 1920 г. с надписью по-французски (из-за плохо читаемых слов на фото памятника перевод приводится приблизительно): «Ложь и злость правят в мире, орошенном слезами. Верю, что наступит эпоха, которая погубит ад, и любовь восторжествует в мире»³⁸ (возможно, фраза из Библии).

Приблизительно в мае 2018 г. силами энтузиастов на городском кладбище г. Мензель-Бургиба (Тунис) случайно было обнаружено захоронение группы русских солдат, которые, вероятно, оказались на территории протектората Тунис – судя по всему, из состава 3-й категории, – совершенно случайно (хотя первоначально Париж разрабатывал проекты отправки туда солдат 3-й категории), где их и постигла смерть. К сентябрю 2018 г. при со-

³⁷ РСГФ. 05.02.1920. № 455.

³⁸ Личный архив автора.

трудничестве волонтеров и посольства Туниса во Франции шла работа по уточнению данных и установке памятного знака³⁹.

Таким образом, о сохранении исторической памяти о русских воинах в Алжире, где была сосредоточена 3-я категория 1-й дивизии и частично 2-й дивизии (всего около 9–9,5 тыс. человек), фактически ничего неизвестно. Во многом подобное положение дел может быть связано с отсутствием внимания со стороны российских дипломатических структур и энтузиастов, готовых работать в далекой от России стране, со сложной социально-этнической и прочей спецификой.

По итогам изучения материала прежде всего следует выявить особенности сохранения исторической памяти русских воинов на двух континентах.

Во-первых, следует признать объективные трудности по розыску могил и захоронений, в их числе: утеря документов, нечеткие написания фамилий русских солдат и офицеров или неправильная их трактовка на крестах, которые не поддаются расшифровке, разбросанность кладбищ в пределах одной (Франция) или нескольких стран (Греция, Македония, Сербия).

Во-вторых, трудности связаны с отсутствием специального российского государственного органа для осуществления эффективного поиска, уточнения, поддержания в должном порядке и наблюдения за военными захоронениями за рубежом. В основном поисковая работа ведется только силами энтузиастов, хотя сами памятники возводятся не без помощи государственного и частного капиталов (привлечение которых, в свою очередь, составляет отдельную проблему).

В-третьих, на сегодняшний день наибольшее внимание на пути сохранения исторической памяти привлечено к русским солдатам во Франции, в меньшей степени – к солдатам на Балканах; и совершенно не поднимается тема сохранения памяти пребывания русских солдат четырех Особых пехотных бригад вне Европы – в Африке (в частности в Алжире) или в других местах, например, по маршруту первой Особой пехотной бригады (Вьетнам, Джибути).

В-четвертых, следует признать отсутствие системы проработанной государственной программы действий по сохранению исторической памяти на обоих континентах, исключающей возможность появления в подобного рода проектах случайных людей, преследующих нередко корыстные или другие цели, не связанные со служением памяти отдавшим жизни за свою Родину людей. В связи с этим нельзя не вспомнить проникновенные строчки воспоминаний некоего Н. Ряшенцева, посетившего русский уча-

³⁹ Посольство Франции в Тунисе оказывает содействие российским соотечественникам в поисковой работе. URL: <http://rs.gov.ru/ru/news/30631>.

сток Зейтенлика в июле 1919 г.: «Тяжело и грустно мне было, когда я увидел здесь слишком убогие русские могилки. Только и видно одни старые деревянные кресты с надписями умерших, да и то требуют обязательного ремонта. Тяжелее и обиднее становилось при мысли: неужели мы, русские, настолько бедны, что не имеем средств воздать должное своим товарищам, или быть может, те, останки которых здесь похоронены, недостойны нашего уважения, братской любви или лаврового венка?»⁴⁰.

Выводы

Таким образом, процесс сохранения исторической памяти о русских воинах Первой мировой войны включает в себя условных три этапа, от Первой мировой до современности, в рамках которых предпринимаемые меры в этом направлении развивались неравномерно и приобретали различные формы. Это и сохранение захоронений, возведение памятников, проведение выставок и конференций, создание экспозиций в музеях, съемки фильмов, создание мемориальных обществ и прочее.

Сохранение исторической памяти находится в прямой связи с проблемой финансирования. На первом этапе (в виде выделения полковых и бригадных средств) сохранение памяти осуществлялось только за счет государственной поддержки; на втором условном (межвоенном) периоде сохранение памяти шло также за счет государственного финансирования, но только теперь Франции и Югославии, и за счет средств представителей Русского зарубежья. В рамках третьего этапа сохраняется тенденция участия в мемориальных мероприятиях не только государственного и частного капитала, но и привлечения личных средств энтузиастов. Однако совершенно очевидно, что подобная работа в настоящее время осуществляется без какой бы то ни было продуманной системы, как со стороны государственных структур России, так и других государств, за исключением, возможно, Сербии. В свою очередь, отсутствие системы в сохранении исторической памяти русских военнослужащих 1-й и 2-й Особых дивизий приводит либо к ошибкам (например, в надписях на памятниках, во французских фильмах, работе некоторых российских военных корреспондентов), либо к возведению неоднозначных памятников (как это было в Ля-Куртин).

В этой связи представляется важным осмыслить накопленный опыт и наметить шаги по расширению мер по сохранению исторической памяти русских офицеров и солдат, сражавшихся в годы Первой мировой войны

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-6194. Оп. 1. Д. 34. Л. 191–192; *Ряшенцев Н.* Салоникское союзное братское кладбище // На чужбине. Париж: издание газеты «Русский солдат-гражданин во Франции», 1920. С. 143–144.

во Франции и на Балканах и оказавшихся волею судеб не только на территории некоторых европейских стран, но и на территории Африки. Необходимо также, на наш взгляд, искать новые пути сохранения исторической памяти, опираясь на обязательную (прежде всего финансовую) поддержку государства в этом направлении.

© ЧИНИАКОВ М.К., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 30 сентября 2018 г.

Submitted: 30 September 2018

References

- Bogdanovich, B. *Bratya po oruzhiyu. 1914–1918 gg* [Brothers in Arms. 1914–1918]. Moscow: Strahovaya pressa Publ., 2014 (in Russian).
- *V pamyat o russkikh spetsialnykh brigadah vo Frantsii. Voennoe kladbische i hram-pamyatnik v Saint-Hilaire-le-Grand* [In memory of the Russian special teams in France. Military cemetery and temple monument in Saint-Hilaire-le-Grand]. <http://centenaire.org/fr/espace-scientifique/pays-belligerants/v-pamyat-o-russkikh-specialnykh-brigadah-vo-francii-voennoe> (in Russian).
- V.O. “Russkoe torzhestvo.” [Russian celebration] *Chasovoy*, no. 434 (7) (1962): 19–20 (in Russian).
- General Diterihs. Moscow: Posev Publ., 2004 (in Russian).
- Gutorovich, Zh. “Voennoe kladbische v Marmelone.” [Military cemetery in Marmelon] *Kadetskaya pereklichka*, no. 43 (1987): 119–120 (in Russian).
- Danilov, Yu.N. *Russkie otryady na frantsuzskom i makedonskom frontah. 1916–1918 gg.* [Russian troops on the French and Macedonian fronts. 1916–1918]. Paris: Russkiy soldat-grazhdanin vo Frantsii Publ., 1933 (in Russian).
- Ershov, V.F. “Rossiyskaya voennaya emigratsiya vo Frantsii i sohranenie voinskih traditsiy russko-frantsuzskogo soyuza: istoriya i sovremennost.” [Russian military emigration to France and the preservation of the military traditions of the Russian-French alliance: history and modernity] *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal*, no. 2 (2015): 32–42 (in Russian).
- Evlogiy. *Put moey zhizni*. Paris: YMCA-press Publ., 1947 (in Russian).
- Zhalnina-Vasilkioti, I.L. *Rodnoy zemli kusok. Russkiy nekropol v Gretsii*. Moscow: Knizhnitsa Publ.; Russkiy put Publ., 2012 (in Russian).
- Karev, P.F. *Nas ne ukrotili* [We are not tamed]. Ivanovo: Gosizdat Publ., 1937 (in Russian).
- Karhanin, M.V. “Sorok let tomu... 1916–1956 gg.” [Forty years ago... 1916–1956] *Vozrozhdenie*, no. 6 (1956): 55 (in Russian).
- Kolotinskiy, V. “Na mogilah russkikh voinov v Shampani.” [On the graves of Russian soldiers in Champagne] *Vestnik soyuza ofitserov uchastnikov voynyi*, no. 5 (1959): 14–17 (in Russian).

- Koloskov, E. “V gorah Makedonskih vdali ot Rossii...” [In the mountains of Macedonian far from Russia] *Rodina*, no. 1 (2015): 53–54 (in Russian).
- Lobyitsyin, V.V. “Pogibli za Frantsiyu.” [Killed for France] *Vokrug sveta*, no. 3 (1995): 40–43 (in Russian).
- Luch*, no. 13 (1920); no. 9 (1920) (in Russian).
- Lushin, M.M. “Eto my, russkie!” [This is us, Russians!] *Mezhdunarodnaya zhizn*, no. 3 (2016): 65–84 (in Russian).
- *Naydena i spasena mogila svyaschennika Russkogo Legiona*. <https://severr.livejournal.com/1420699.html>
- Nasedkin, D.G. *8 rota «bis». Oktyabr za rubezhom*. Moscow: Gosizdat Publ., 1924 (in Russian).
- Nezavisimaya gazeta*, June 5, 1998 (in Russian).
- “Palomnichestvo na mogilyi russkih voinov.” [Pilgrimage to the grave of Russian soldiers] *Chasovoy*, no. 481 (7) (1966): 22 (in Russian).
- Russkiy soldat-grazhdanin vo Frantsii*, no. 441 (1919); no. 442 (1919); no. 455 (1920) (in Russian).
- Ryashentsev, N. *Salonikskoe soyuznoe bratskoe kladbische. Na chuzhbine* [Thessalonian Union brotherly cemetery. In a foreign land]. Paris: Publication of the newspaper “Russian soldier-citizen in France”, 1920 (in Russian).
- Smirnov, V.A. “Vernyie dolgu.” [Loyal to duty] *Vozrozhdenie*, no. 81 (1958): 5–32 (in Russian).
- Talalay, M.G. *Russkie zahoroneniya na voennom kladbische Zeytinlik v Salonikah*. St. Petersburg.: VIRI Publ., 1999 (in Russian).
- Erenburg, I.G. *Lik voynyi (vo Frantsii)*. Sofia: Russian-Bulgarian Publ., 1920 (in Russian).
- Gavrilenko, S.I. *Le journal de Stephane Ivanovitch Gavrilenko. Un soldat russe en France*. Paris: Privat, 2014 (in French).
- Gorokhoff, G., and Korliakov, A. *Le Corps Expéditionnaire Russe en France et à Salonique. 1916–1918*. Paris: Editeurs Reunis, 2003 (in French).
- Lecointe, F. *Les brigades Russes en Macédonie et la Légion Russe. 1915–1920*. Montpellier: Université Paul Valéry, 1997 (in French).
- Petit, P. *Histoire des Russes incorporés dans les Armées françaises pendant la Grande Guerre (1914–1918)*. Nanterre: Académie européenne du livre, 1992 (in French).
- Segrétaïn, F., and Hervet, P. *Les troupes alliées en France (1914–1918)*. Paris: Harmattan, 2000 (in French).
- Soudaigne, J.-P. “La nécropole russe de Saint-Hilaire-le-Grand” *14–18*, no. 14 (2003): 48–49 (in French).

Archives

- Rossiyskiy gosudarstvennyi voenno-istoricheskiy arhiv [Russian State Military Historical Archive] (thereafter – RGVA), f. 15226, op. 1, d. 6.
- RGVIA, f. 15229, op. 1, d. 1.
- RGVIA, f. 15230, op. 1, d. 7.
- RGVIA, f. 15234, op. 1, d. 21.
- RGVIA, f. 15235, op. 1, d. 4.

Gosudarstvennyi arhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (thereafter – GARF), f. P-6194, op. 1, d. 34.

GARF, f. P-6399, op. 1, d. 25.

Arhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 187, op. 524, d. 3379.

Аннотация: В работе впервые исследуются этапы сохранения исторической памяти о погибших во Франции, на Балканах и в Африке российских офицерах и солдатах, которые сражались на Западно-Европейском и Балканском театрах боевых действий в 1916–1918 гг. Автор выделяет три хронологических периода в пространстве исторической памяти XX–начала XXI в.: период Первой мировой войны (1916–1918 гг.), межвоенный (1919–1939 гг.) и современный (после 1945 г.) периоды, в рамках которых раскрываются такие аспекты сохранения памяти, как поисковая работа, установка памятников, история военных некрополей и др. В статье подробно представлены исторические сюжеты, связанные с созданием памятников российским воинам во Франции, документальных фильмов, посвященных судьбе Русского экспедиционного корпуса, внимание сохранению памяти российских войск, которые сражались на Балканах и в Греции. В заключении автор анализирует успехи и недостатки деятельности по увековечению памяти русских воинов-участников Первой мировой войны за рубежом и приходит к выводу о необходимости разработки и внедрения комплексного подхода в этом вопросе.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Франция, Африка, Балканы, Сент-Илер-ле-Гран, Зейтенлик, некрополь

Для цитирования: Чиняков М.К. Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в пространстве исторической памяти XX – начала XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 101–124. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-101-124>

Благодарности: Автор выражает благодарность Е.Е. Наумовой и С.В. Дыбову за оказанные консультации при работе над материалами и их полезные комментарии.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-125-150>

Научная статья / Research article

Судьба комбатантов Первой мировой войны в контексте истории Зарубежной России

З.С. Бочарова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 119991,
РФ, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, строение 13, корпус «В»; kpzg@mail.ru

The Fate of World War I Combatants in the History of the Russian Diaspora

Zoya S. Bocharova

Lomonosov Moscow State University; GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia; kpzg@mail.ru

Abstract: This article studies the fate of World War I veterans in the Russian diaspora. The author discusses the settlement of former combatants, assistance by émigré organisations, and historical memory. Her research relies on a broad source base, including archival and published documents, as well as émigré periodicals. The article demonstrates that the former combatants were scattered in various countries and included prisoners of war, officials of the Russian Expeditionary Corps, as well as the members of the White movement. She concludes that, in contrast to Soviet Russia, the Russian diaspora sought to commemorate the “bearers of Russian honour” and perpetuate the memory of their exploits with memorials to those died in foreign lands.

Keywords: Russian diaspora, World War I, Russian combatants, memorials to Russian soldiers

For citation: Bocharova, Zoya S. “The Fate of World War I combatants in the history of the Russian diaspora.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 125–150. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-125-150>

Введение

Первая мировая война по своим геополитическим, экономическим, идеологическим и духовно-нравственным последствиям не имела себе равных. Она определила вектор и доминанты мирового развития в начинающемся XX в. Значимость уроков, которые следует извлечь из ее итогов, дискуссионность, многообразие и многогранность вопросов, поднимаемых в ходе ее осмысления, все более раскрываются по мере изучения

темы. Обращение к судьбам комбатантов, оказавшимся после окончания Первой мировой войны за рубежом, обусловлено тем, что в историографии проблема обозначена, исследованы отдельные стороны, но комплексной и системной картины пока не сложилось. Актуализирует проблему также необходимость ее изучения в русле «новой исторической науки». Важно показать деятельность эмиграции, участников Первой мировой войны по мемориализации памяти павших сослуживцев.

В советский период были стерты ценностные основы для формирования героических, позитивных образов, связанных с этой войной. Патриотические идеалы, ради которых шли в бой, заменили в общественном сознании определением войны как империалистической и захватнической, и, как следствие, «приглушены» воинские честь, достоинство и подвиги, проявленные на войне. Таким образом, тема имеет научную, политическую и практическую актуальность.

Война принесла колоссальные разрушения и беспрецедентные жертвы: Европа лишилась трети своих богатств, общая стоимость войны составила 359,9 млрд долларов золотом или 699,4 млрд руб. (что в десять раз, по авторитетной оценке американского экономиста Э.Л. Богарта, превысило стоимость войн с 1793 по 1907 г.)¹, 10 млн погибших, 20 млн раненых, из которых от 3,5 до 7 млн человек остались инвалидами и калеками, 8–9 млн солдат и офицеров на всех фронтах попали в плен.

В России из 16 млн мобилизованных солдат 2 млн 600 тыс., по уточненным сведениям, были убиты², более 3 млн – ранены, от 3 млн 344 тыс. до 5 млн, по разным сведениям³, попали в плен. Эти жертвы – вклад в победоносный исход мировой войны в пользу стран Антанты. Военные и политики союзных стран безоговорочно признавали заслуги русского воинства.

¹ E.L. Bogart, *War costs and their financing; a study of the financing of the war and the after-war problems of debt and taxation* (New York: D. Appleton and company, 1921); E.L. Bogart, *Direct and Indirect Costs of the Great World War* (Scholar's Choice Edition, 2015); Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // *Мировые войны XX века*. М.: Наука, 2002. Кн. 1. С. 624–643.

² Незабывая война. Редакция портала «Русский мир». 9.11.2018. URL: <https://ruskiymir.ru/publications/248555/>.

³ Криворучко А.А. Первая мировая война: итоги и уроки // *Вестник МГЛУ. Общественные науки*. Вып. 4 (788). С. 145–146, 140–156; Нагорная О.С. Другой военный опыт. Российские военнопленные в Германии в период Первой мировой войны (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. С. 100; R. Nachtigal, “Zur Anzahl der Kriegsgefangenen im Ersten Weltkrieg,” *Militär-geschichtliche Zeitschrift*, no. 67 (2008): 345–384.

В подтверждение можно привести слова героя Великой войны, французского маршала главнокомандующего союзными войсками Ф. Фоша: «Если Франция и не была стерта с карты Европы, то в первую очередь благодаря мужеству и стойкости русских солдат»⁴. В 1939 г. бывший британский премьер-министр Д. Ллойд Джорж напомнил в Палате общин, что Париж был бы взят Германией, если бы не помощь России в войне 1914–1918 гг., а немецкие гарнизоны по сию пору стояли бы во Франции и Бельгии⁵. Для самой же России главным социально-политическим следствием стала смена политической системы и развал империи. Революция 1917 года коренным образом изменила ход и российской, и мировой истории. Поскольку русский фактор сыграл значимую роль в истории войны, он неизбежно должен быть зафиксирован в исторической памяти как россиян, так и западного гражданского общества.

Историография Первой мировой войны имеет давние традиции, чрезвычайно объемна и включает в себя как обобщающие работы, так и комплекс разноплановых, написанных на более узкие темы⁶. В ее отечественном секторе изучение и обсуждение «великой», «забытой» войны в значительной степени оставалось политизированным. Вместе с тем наметился перелом в научном дискурсе. Приоритетные позиции завоевывает внимание к человеку, проблематика патриотизма, жертвенности, предательства и морали. Исполнительный директор фонда «История Отечества» К.И. Могилевский на пресс-конференции, посвященной 100-летию окончания Первой мировой войны в ноябре 2018 г., отметил, что «возвращение памяти о войне – это, в первую очередь, возвращение памяти о людях – о героях и жертвах войны»⁷. Научная рефлексия с таким подходом получила реализацию в деятельности Российской ассоциации историков Первой мировой войны (РАИПМВ), созданной в декабре 1992 г., в программах

⁴ Будберг А.П. Вооруженные силы Российской империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–1917 гг. Париж: [Б.и.], 1939. С. 3.

⁵ Хавкин Б.Л. Русский фронт Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 7.

⁶ Базанов С.Н. За честь и величие России. Забытая война. М.: Территория будущего, 2011; Мировые войны XX века. М.: Наука, 2002. Кн. 1.; Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. М.: РИСИ, 2014; Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001; Шаццло В.К. Последняя война царской России. М.: РОССПЭН, 2010; R.F. Collins, *World War I: Primary documents on events from 1914 to 1919* (Westport, CT: Greenwood Press, 2008).

⁷ Незабываемая война. Редакция портала «Русский мир». 9.11.2018. URL: <https://russkiymir.ru/publications/248555/>.

фондов, научных и общественных российских организаций – Российского исторического общества (РИО), Российского военно-исторического общества (РВИО) и др. Новые научные наработки сделали возможным издание трехтомной энциклопедии «Россия в Первой мировой войне, 1914–1918»⁸ (аналогичные издания есть и в других странах). Анализируется историографический багаж о причинах, характере, последствиях войны⁹.

Неотъемлемой частью исследовательского пространства является Российская революция 1917 г., которая сказалась на исходе войны для России и судьбе комбатантов, часть которых прошла еще и через Гражданскую войну, затем оказалась в эмиграции. И, если ход военных действий, международные и социально-экономические аспекты, повседневная жизнь, вопросы, связанные с ментальностью, в той или иной мере изучены на региональном и общероссийском уровнях, то задача выявления роли, деятельности и судьбы военной эмиграции и в целом военных чинов, не решена. Прежде всего речь идет о воевавшем во Франции и на Салоникском фронте в Греции Русском экспедиционном корпусе¹⁰, военнопленных и интернированных, о солдатах и офицерах, имевших опыт Великой войны и борьбы с большевиками на стороне белых и эвакуировавшихся после их поражения.

Наиболее изученным в отечественной и зарубежной историографии представляется вопрос о положении военнопленных, солдат Русского экспедиционного корпуса и их возвращении на родину¹¹. Следует отметить

⁸ *Сорокин А.К.* Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2014.

⁹ *Филитов А.М.* История Первой мировой войны в современном международном дискурсе: традиционные дискуссии, новые темы, «белые пятна» // *Российская история*. 2017. № 4. С. 103–122.

¹⁰ *Летнев А.* Солдаты России в Алжире (1918–1920 гг.) // *Вопросы истории*. 1998. № 5. С. 128–136.

¹¹ *Абенсур Ж.* Русский экспедиционный корпус во Франции во время первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2014. № 3. С. 74–85; *Асеев И.А.* Деятельность Российского Общества Красного Креста по защите прав военнопленных в годы первой мировой войны // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал* 2009. № 4. С. 21–23; *Бочарова З.С.* Возвращение на родину солдат русского экспедиционного корпуса в 1920-е годы // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 9. С. 51–58; *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М.: МГОПУ, 1999; *Жданов Н.* Русские военнопленные Первой мировой войны. 1914–1918 гг., М.: [Б.и.], 1920; *Жданова И.А.* Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 годах // *Российская история*. 2011. № 4. С. 63–72; R. Nachtigal, *Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918* (Remshalden: [S.n.], 2003); A. Rachamimov, *POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front (Legacy of the Great War)* (New York: Berg, 2002).

работы С.С. Поповой¹², А.В. Павлова¹³, И.Б. Беловой¹⁴, О.С. Нагорной¹⁵, И.П. Щерова¹⁶, которые вводят в научный оборот новые архивные материалы об организации репатриации, роли международных организаций, в том числе Международного Красного Креста и национальных краснокрестных обществ, в оказании помощи военнопленным. Особое внимание в отечественной историографии уделяется также последствиям миграции населения в ходе войны, после 1917 г., возвращению беженцев¹⁷. В исследовательский дискурс включено влияние революционных событий, подписания Брестского мира и Компьенского перемирия в 1918 г. на русских солдат и офицеров за рубежом, работа с бывшими военнопленными после возвращения домой, различные аспекты жизни военной эмиграции, в том числе бывших военнопленных, не пожелавших возвращаться в Советскую Россию. Отмечено использование военнопленных в политической игре и в качестве подневольных рабочих для восстановления экономик разных стран¹⁸. Анализ научной литературы показывает, что специальным предметом исследования комбатанты Первой мировой войны в Русском зарубежье не являлись, обобщающего исследования, позволяющего взглянуть на проблему комплексно и системно, пока не проведено.

Источниковую базу составили материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), архивов внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российской Федерации (АВПРФ), а также опублико-

¹² Попова С.С. В плену у союзников: О положении русских солдат и офицеров во Франции // Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 37–39; Она же. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам Военного министерства Франции // Россия и Франция. XVIII–XX века. М.: Наука, 1995. С. 196–216.

¹³ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой: Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М., СПб.: Вече; Рус. христ. гуманит. академия, 2011.

¹⁴ Белова И.Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник ВятГУ. 2014. № 4. С. 72–77.

¹⁵ Нагорная О.С. Другой военный опыт. Российские военнопленные в Германии в период Первой мировой войны (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010.

¹⁶ Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельность в 1918–1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000.

¹⁷ Белова И.Б. Основные проблемы российского беженства 1915–1925 гг. в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 156–164; Peter Gatrell, “War, Refugeedom, Revolution Understanding Russia’s refugee crisis, 1914–1918,” *Cahiers du monde russe* 58, no. 1–2 (2017): 123–146, <http://journals.openedition.org/monderusse/10073>.

¹⁸ J. Baur, Zwischen, “‘Roten’ und ‘Weißen’ – russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918,” in *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben in europäischen Bürgerkrieg*, hg. von K. Schlögel (Berlin: Akad. Verl., 1995), 93–108; *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs* (Paderborn: Ver. Ferdinand Schöningh, 2005).

ванные документы¹⁹, эмигрантская периодическая печать (газеты «Руль», «Последние новости», журналы «Закон и суд», «Часовой»), публицистика. Особое место заняли письма солдат Русского экспедиционного корпуса и военнопленных в редакцию газеты «Русский солдат-Гражданин во Франции», выходявшей в Париже в 1917–1921 гг., редактору сменившей ее газеты «Луч» Н.А. Палчевскому, в подотдел о военнопленных и интернированных при Исполнительной комиссии Совещания членов Учредительного собрания в Париже. Авторов писем прежде всего интересовало, какими путями можно попасть на родину, как легализоваться, получить паспорт вместо военного удостоверения, как заключить брак, просили о помощи в трудоустройстве. Переписка была важнейшим средством связи, получения консультаций, рекомендаций и является для исследователя наиболее аутентичным видом источника.

В статье использованы общенаучные и специальные методы исследования: институциональный, статистический, сравнительный анализ при соблюдении комплексного и системного, антропологического подходов, принципа историзма и объективности.

Цель статьи – выявить место и роль участников Первой мировой войны в жизни Зарубежной России (в том числе их численность и состав, места расселения), проследить отношение правительств, в том числе советского, а также эмигрантского социума к комбатантам, показать степень активности самих военных чинов, в частности, по формированию пространства исторической памяти за рубежом.

«Завезли в такую даль от любимой нашей родины...»

Окончание Великой войны многие тысячи российских солдат и офицеров застали за пределами России. Временное правительство после некоторых колебаний отдало на откуп Франции решать участь солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса. Взяв на себя в декабре 1917 г. командование, содержание и довольствие русских войск, французское правительство их разделило, отправив меньшую часть контингента воевать на французском фронте, которая прославились под названием Русского Легиона Чести (500 человек), вторую группу – на работы (1200 человек) и в десять раз большую («неблагонадежную») – в Северную Африку (почти 12 тыс. человек). 19 января 1918 г. солдат М. Меркурьев в своем письме отмечал: «Живем во Франции не один уже год. Когда-то мы себя показали героями на французской земле, и нас в то время любили как наше офицерство, так и

¹⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. М.: Триада-Ф, 2002. Т. 3.

французское, а сейчас развезли по всей Франции. Где 20 солдат, где 50. Нет у нас вестей с родины, и здесь не знаем, кто где находится. Очень тоскливо наше положение. ...завезли в такую даль от любимой нашей родины, нет, наверное, несчастней нас, мы не слышим русского привета»²⁰.

После Брестского мира, в период Гражданской войны и иностранной интервенции за счет русских солдат и офицеров пополнялся французский иностранный легион. Стали массово покидать свои лагеря военнопленные в Германии, Австро-Венгрии, в частности, перебираясь в нейтральные страны (Голландию, Швейцарию, Данию), в Бельгию, союзные Францию и Англию или стремясь оттуда попасть к родным очагам. Последние лагеря русских военнопленных в Германии были распущены летом 1922 г. Репатриация носила стихийный характер. Начало организованному процессу обмена военнопленными положили специальные соглашения Советской России со странами Четверного союза: 19 и 20 апреля 1920 г. в Копенгагене – соответственно с Германией и Францией, 28 марта 1921 г. – с Турцией. Подобные соглашения были достигнуты с Литвой, Польшей, Чехословакией и др.

Еще в июле 1918 г. V Всероссийский съезд Советов, затем 29 декабря 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов обратились к военнопленным с призывом возвращаться на родину. ВЦИК было поручено принять все меры к ускорению их возврата²¹. Ф. Нансен, верховный комиссар по делам военнопленных и беженцев (1920–1921 гг.), затем верховный комиссар по делам русских беженцев (с августа 1921 г.), отмечал, что «в Версале даже забыли или сделали вид, что забыли, позаботиться о судьбе 200–300 тыс. русских военнопленных, оставшихся в Европе»²². Поэтому верховный комиссар занялся «оказанием содействия уже начавшемуся бессистемному, добровольному возвращению с Балкан тех беженцев, которые сами желают возвратиться в Россию, чтобы избежать морально и физически разрушающего пребывания в концентрационных лагерях»²³.

В аппарате НКВД РСФСР было создано бюро по делам военнопленных, в составе Наркомата по военным делам, затем (с мая 1919 г.) Наркомата внутренних дел (НКВД) – Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж, с апреля 1918 г.), с февраля 1920 г. – Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак). НКВД зарегистри-

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 6167. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

²¹ Документы внешней политики (далее – ДВП). Т. 3. М., 1959. Док. № 250.

²² Нансен Ф. Россия и мир. М.–Пг.: Госиздат, 1923. С. 21.

²³ Руть. 13 октября 1922 г.

ровал около 4 млн русских пленных, находившихся за границей²⁴, из них: в Австро-Венгрии – 56,9%, в Германии – 43,14%, в Турции – 0,59%, в Болгарии – 0,32%²⁵. За 1914–1917 гг. вернулось из вражеского плена 775 тыс. человек, за 1918–1921 гг. – еще 1,142 млн²⁶. К началу 1920 г., по данным Центропленбежа, за границей находилось еще около 400 тысяч (16,5%) русских военнопленных²⁷.

Военнопленные и legionеры активнее, чем сознательно бежавшие от большевиков эмигранты, стремились на родину. С.С. Попова пишет, что основная часть РЭК возвратилась на родину в 1919–1921 гг.²⁸ К 1 января 1920 г., по официальным французским данным, только в Алжире численность российских военнослужащих уменьшилась вдвое²⁹.

Но это были далеко не все, кто хотел и мог вернуться, поэтому репатриация продолжалась и позднее, преимущественно до 1925 г. Значительная часть, особенно те, кто принял участие в белом движении, оставалась в эмиграции добровольно. Привести точные сведения о численности военнопленных, оставшихся за границей, не представляется возможным из-за значительного расхождения в цифрах, которые приводятся в научной литературе.

Таким образом, комбатанты были разбросаны по разным странам, их контингент составили бывшие военнопленные, чины Русского экспедиционного корпуса, остатки белых армий, эвакуировавшиеся из России.

Несколько тысяч комбатантов прошли через французский иностранный легион, чтобы, в большинстве своем, не оказаться в голоде и холоде, на дне, «среди человеческих подонков»³⁰. Как бы ни была тяжела служба, такой путь возвращал военных в более или менее привычную среду. Всего

²⁴ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 1994. С. 98.

²⁵ Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельность в 1918–1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 4.

²⁶ Белова И.Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник ВятГУ. 2014. № 4. С. 75.

²⁷ Белова И.Б. Возвращение на родину русских военнопленных и меры советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1–1 (27). С. 24–28; С. 25.

²⁸ Попова С.С. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам Военного министерства Франции // Россия и Франция. XVIII–XX. М.: Наука, 1995. С. 199.

²⁹ Летнев А. Солдаты России в Алжире (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 134.

³⁰ Тарусский Е. Беседы на бивуаках // Часовой. 1938. № 207. С. 19.

же, как свидетельствует Е. Недзельский, в 1920-е гг. вербовочные контракты подписали около 8 тыс. русских эмигрантов³¹, часть которых составляли лица, вступившие в легион еще в 1918 г., затем в 1919 г., после эвакуации из Одессы и Бессарабии, и в 1920 г. – после Крымской катастрофы, а также бежавшие из германского плена. После истечения контрактов их продлевали, либо люди возвращались в Россию или устраивались во Франции с возможной в последующем натурализацией.

«Следование одиночным порядком» на родину

Вопрос о судьбе легионеров приобрел особую остроту в 1924–1926 гг. в связи с завершением контрактов, которые они заключали главным образом в 1919–1921 гг. НКВД СССР прогнозировал рост волны репатриантов к этому времени. По настоянию англо-романского отдела этого ведомства легионеры не были выделены в отдельную категорию, и их дела о возможности предоставления гражданства и советского паспорта решались строго индивидуально и разбирались каждое в отдельности. Это означало, что вопрос о гражданстве и выдаче советского паспорта рассматривался с точки зрения возможности разрешить данному лицу въезд и проживание в СССР. Наличие советского паспорта являлось основанием для обновления разрешения на жительство. Французское правительство такой вариант наиболее устраивал, т.к. в случае высылки легионера страна гражданства (в данном случае СССР) обязана была высланных принять.

Солдатам, которых французские власти преследовали и выдворяли из страны по военно-политическим мотивам, давали разрешение на въезд без запроса центра. Лишь по прибытии на территорию СССР такие лица подвергались проверке. Поэтому им выдавали не «свидетельства на возвращение в СССР (проходные свидетельства)», а «эвакуационные свидетельства» с надписью «для следования одиночным порядком»³². Солдатам во Франции, воевавшим в белых армиях и амнистированным³³, ставшим советскими гражданами, но при этом желавшим остаться на жительство в стране, в паспортах ставилась помета о необходимости получения особой

³¹ Соколов А.А. Русские в Иностранном легионе: Индокитай (конец XIX – середина XX века) // Вьетнамские исследования. 2012. № 2. С. 313. Численность приведена по: Недзельский Е. Иностраннный легион и Русские // Своими путями. Прага. 1925. № 8–9.

³² АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 8. П. 108. Д. 140. Л. 13.

³³ Речь идет о декрете ВЦИК от 3 ноября 1921 г. «Амнистия лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях», предоставлявшем возможность рядовым солдатам бывших белогвардейских формирований вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися на родину военнопленными. См. об этом: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 74. Ст. 611.

визы генконсульства СССР в Париже для въезда на родину. Более того, такие лица должны были письменно заявить о желании остаться во Франции минимум на три года и проставить в паспорте запрет на въезд в СССР на определенный срок.

Такой подход оставался неприемлемым для legionеров, которым без длительных раздумий предстояло выбрать между подписанием нового пятилетнего контракта, необходимостью поселиться под надзором в Марселе либо выехать в Россию.

В Чехословацкой республике, возникшей на развалинах Австро-Венгерской империи, правительство не вело учета военнопленных как самостоятельной категории русских граждан. В отношении их оно ограничилось отправкой 7 380 человек после заключения мира, и с тех пор, как ушел последний эшелон, «вопрос о военнопленных как самостоятельной категории русских граждан для чехословацкого правительства не существовал»³⁴. С 1921 г. началась «русская акция» помощи, и актуальность особого подхода к комбатантам потеряла свое значение.

Таким образом, подавляющее большинство участников Первой мировой войны, оказавшись в незнакомой обстановке, новых непривычных условиях в чужой стране, подчас не имея профессии, неграмотные, были дезориентированы, не знали, куда обратиться за помощью для решения своих проблем, ибо они остались без поддержки и защиты Отечества и военного командования. Во внешнеполитической игре их карта активно разыгрывалась, и дальнейшая судьба становилась объектом манипулирования. Правительства стран-союзниц, по замечанию писателя И.С. Шмелева, легко забыли, что для них сделала Россия в годы Великой войны, и в условиях послевоенной разрухи уделить должное внимание решению «чужих» проблем не могли. Советская Россия озаботилась судьбой своих соотечественников за рубежом, но, как и другие страны, на первый план ставила геополитические и экономические соображения, а также классовые интересы.

Поэтому на первый план выходила самоорганизация эмиграции. Группа русских писателей через издававшуюся в Париже газету «Последние новости» опубликовала призыв к «Русским зарубежным людям», где, в частности, отмечалось: «Народы чтут героев: живым – забота, мертвым – память. Мы – на чужбине, могилы “неизвестного солдата” у нас нет, а тысячи страдальцев наших – с нами. Они – и наша честь, и наше оправданье перед миром. Их раны и страдания – за Россию. Они остались верны чести, долгу. Это наш русский паспорт. Он не всеми признан; но мы-то знаем, что это

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5804. Оп. 2. Д. 69. Л. 168 об.

настоящий паспорт и дорого оплачен. Россия ничего не может. Делать за нее – наш долг. Это долг нашей чести, русской чести»³⁵.

«ЖИВЫМ – ЗАБОТА, МЕРТВЫМ – ПАМЯТЬ»

Забота. Страны-реципиенты – комбатантам

И.С. Шмелев, сетуя на то, что союзники забыли жертвы, которые принесла Россия на алтарь победы, был прав лишь отчасти. Наиболее незащищенных участников войны – инвалидов – государства брали под защиту. Недавнее окончание Первой мировой и Гражданской войн обусловило их высокий удельный вес за рубежом. При составлении списков инвалидов опирались на разработанные нормативы степени утраты трудоспособности³⁶.

Созданная при верховном комиссаре по делам беженцев межправительственная совещательная комиссия в составе представителей правительств и экспертов одобрила в сентябре 1930 г. усилия государств, направленные на то, чтобы уравнивать статусы военных инвалидов – граждан страны и русских, оказавшихся в эмиграции³⁷. Те страны, которые еще не сделали подобный шаг, комиссия призывала исправить положение.

Наибольшее число инвалидов проживало в странах, где разместились преимущественно военные чины (Болгария, Югославия). Регулярно сюда из Константинополя эвакуировали инвалидов I и II категории. В Югославии русские инвалиды были уравнены с сербскими и получали постоянную пенсию³⁸. В 1926 г. вступил в силу закон о помощи русским инвалидам, облегчавший их положение. С 1 апреля 1926 г. пенсию получали инвалиды – участники Первой мировой войны, которые были признаны инвалидами Высшей медицинской комиссией при Державной комиссии до 24 декабря 1925 г. Инвалиды 1-й группы (категории), потерявшие 100% трудоспособности, ежемесячно получали 800–400 динаров, 2-й (потерявшие 75–100% трудоспособности) – 400–200 динаров, 3-й (утратившие 50–75% трудоспособности) – 200–100 динаров. Однако и эти мизерные суммы люди получали с большими задержками. Помощь инвалидам не ограничивалась выплатой пособий. Им предоставлялось право бесплатного лечения на всех курортах Сербии и Воеводины. Всего к 1926 г. в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (КСХС) для выплат 1 954 русским военным инвалидам государство тратило 6 млн динаров в год³⁹. Практиче-

³⁵ Последние новости. Париж, 14 мая 1928 г.

³⁶ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 536. Л. 20.

³⁷ Закон и суд. Рига, 1931. № 17. Ст. 551.

³⁸ Бюллетень № 59–60 Российского Земско-городского комитета. 15 мая 1930 г. С. 20.

³⁹ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 16.

ски безотказно правительство удовлетворяло просьбы о бесплатном лечении на курортах, в санаториях и больницах, о выдаче троекратного половинного годового проезда по железной дороге, бесплатного направления на лечение, о протезах, направляло «для дожития» в сербские инвалидные дома, на инвалидные заводы для изучения ремесел (как и сербов-инвалидов)⁴⁰. Правительственная газета «Служебный вестник» от 4 октября 1935 г. опубликовала «Инструкцию по применению постановления о приеме на работу иностранных граждан». В ней говорилось о том, что военные инвалиды имели право на свободное и беспрепятственное занятие трудом на основании имевшихся у них на руках решений министерства социальной политики (МСП) о назначении им пособия по инвалидности⁴¹.

В Болгарии через Комитет по делам русских беженцев распределялась на инвалидов почти половина государственной ежемесячной субсидии (1 млн левов) – 400 тыс. левов. Деньги направлялись членам Союза русских инвалидов. Однако не обошлось без злоупотреблений. В Союз зачисляли «мертвых душ», «своих людей». Например, в 1930 г. в Союзе русских инвалидов числилось, судя по ведомостям, более 2 тыс. человек, а фактически с женами и детьми насчитывалось около 900. Все служащие Комитета по делам русских беженцев в Болгарии были зачислены в Союз инвалидов. Член Комитета, представитель совета послов и нансеновского офиса Б.С. Серафимов являлся почетным членом Союза и также имел право на получение пособия⁴². Предусматривалась еще одна преференция для инвалидов: получение по льготному тарифу нансеновского паспорта.

Наибольшего внимания к своим проблемам комбатанты ожидали от Франции. Однако после заключения Брестского мира интерес к ним погас. Более того, русских военных расценивали как большевиков, подрывающих основы французской государственности. Однако во французском обществе не все были согласны с таким подходом. Депутат парламента П. Тетинжер [Pierre Taitinger] опубликовал статью «Священный долг», в которой подчеркнул, что «русские инвалиды войны приняли страдания не только за Россию, но и за все союзные державы». Он писал: «Мало того, что отдавали за нас кровь: они пожертвовали за нас кровом! И если они теперь дрожат от стужи в неведомых лачугах, где-то далеко от родимых изб, то это потому, что не захотели соучаствовать с большевиками в измене; потому, что сохранили верность нашему делу, наперекор всему, – верными остались, вплоть

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 16.

⁴¹ Там же. Д. 59. Л. 68.

⁴² ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 55. Л. 17–19.

до изгнания, до истощения, верными – и это, увы, часто! – до смерти! ... Мы просим выплатить долг чести, взятый нашей родиной»⁴³.

Предметом заботы стали, прежде всего, инвалиды – чины Русского экспедиционного корпуса. Потерявшим трудоспособность солдатам выплачивалась пенсия, право на которую сохранялось и по возвращении на родину. Так, в российскую миссию Красного Креста в Марселе, которая занималась организацией возвращения на родину русских солдат, поступило прошение «бывшего солдата 8-го особого пехотного полка, впоследствии 1-го Русского легиона» С.Д. Брусникина. В нем говорилось: «Будучи расформирован в 1921 г. с потерей 10% трудоспособности, я получаю пожизненную пенсию в размере 240 франков⁴⁴ в год по 60 франков каждые три месяца. Принимая во внимание, что с отъездом моим на родину я лишаяюсь возможности получения пенсии на месте, во Франции, я имею честь просить ходатайства миссии Российского Красного Креста перед кем следует о выдаче мне пенсии..., и о пересылке мне в Россию, на мою родину, регулярно и каждые три месяца моей пенсии»⁴⁵. В свою очередь, в Советской России коллегия НКВД также рассматривала вопрос о пенсиях солдатам экспедиционного корпуса. У солдат, вовлеченных в военные действия насильственно либо обманом и восстановленных в гражданстве, принимали ходатайства о пенсии за военные увечья⁴⁶.

После увольнения со службы во французском иностранном легионе власти выдавали документы для легализации в стране, далее направляли в Марсель, предоставляли преференции (но не гарантии) по трудоустройству. Государство шло на это в «благодарность» за оказанную ему услугу. В Марселе легионер поступал в ведение министерства труда.

Пятилетний контракт оказывался для многих непомерной ношей из-за чрезвычайно тяжелых условий службы в иностранном легионе. И тогда легионеры обращались в газеты, во всевозможные эмигрантские и советские инстанции с просьбой ходатайствовать перед властями Франции о досрочном разрыве контрактов, о возвращении их на родину. Но эту задачу решить было невозможно. Не выдержав унижений, многие легионеры дезертировали, несмотря на жестокие наказания в виде тюремного заключения на срок до пяти лет с последующей высылкой из Франции или продолжением службы с жалованием в два раза меньшим по сравнению с остальны-

⁴³ Шмелев И.С. «Снова напоминаю вам...» // Возрождение. 21 мая 1927 г.

⁴⁴ 250 франков стоило пальто.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 0510. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 2.

⁴⁶ Там же. Ф. 136. Оп. 8. П. 108. Д. 140. Л. 34.

ми легионерами. Укрывала беглецов и оказывала им посильную помощь кемалистская Турция, откуда они намеревались попасть на родину.

Забота. «Повлиять на политику по отношению к российским гражданам» (деятельность подотдела о военнопленных и интернированных)

Вопрос о защите интересов соотечественников решался и на общеэмигрантском уровне. Общественно-политические силы Зарубежной России попытались создать или реанимировать институты, которые могли бы стать некой квазигосударственной властью транстерриториального эмигрантского социума и отстаивать его интересы (это были Русский совет, Русский парламентский комитет, Русское национальное объединение, Совецание членов Учредительного собрания). Поэтому не случайно, осознавая остроту проблемы, Исполнительная комиссия Совецания членов Учредительного собрания в январе 1921 г. в Париже организовала особый подотдел о военнопленных и интернированных. Именно сюда массово обращались комбатанты за консультативной, правовой, информационной, материальной помощью. Подотдел сыграл важную посредническую роль между эмигрантскими структурами, правительствами и военнопленными и интернированными. Возглавил его О.С. Минор (1861–1932) – политический и общественный деятель, эсер, приехавший в Париж в 1919 г. Он также являлся председателем Политического Красного Креста в Париже, членом редакции пражской газеты (а впоследствии журнала) «Воля России», активистом Парижского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, участвовавшим в деятельности Ревизионной комиссии.

Приступая к работе, работники подотдела выразили свое глубокое братское сочувствие и объявили своей главной задачей защиту прав и интересов военнопленных и интернированных. «Наша жизнь за границей, как известно, регулируется не столько общими законами, – говорилось в обращении, – сколько особыми циркулярами и, что еще хуже, нарушениями и злоупотреблениями и законов, и циркуляров. Помощь в этом отношении должна быть организована главным образом путем сношений с правительствами тех государств, где вы находитесь, и обращением к парламентским и политическим группам с целью повлиять на политику по отношению к российским гражданам»⁴⁷. Поскольку Учредительное собрание стало самым представительным органом, избранным на основе всеобщего голосо-

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5804. Оп. 2. Д. 71. Л. 7.

вания, избранная в эмиграции его Исполнительная комиссия считала себя организацией, для таких целей наиболее приспособленной.

Действительно, в подотдел о военнопленных и интернированных были направлены тысячи (!) писем, через него решали самый разнообразный спектр вопросов – от бытовых до репатриационных. Приведем пример решения одного из них. После передачи РЭК в руки французского командования часть воинских чинов 1-й и 2-й особых дивизий записалась во французский иностранный легион, где должна была служить до конца войны. В результате их демобилизовали в октябре 1920 г. Но ни свободы, ни возвращения на родину они не дождались. Бывших легионеров поселили в казармах, направили на работы за мизерную плату. Командование на жалобы не реагировало. Через год они обратились в подотдел о военнопленных и интернированных, который предпринял практические шаги по защите интересов соотечественников, обратившись в международные (Международное бюро труда) и национальные (Министерство иностранных дел Франции) инстанции. Уже в начале 1922 г. группа солдат писала в подотдел, что дело двинулось с места, и благодарила за хлопоты. Французское военное министерство оплатило им дорогу, и легионеры 10 января 1922 г. были отправлены на родину.

Через подотдел только во французское военное министерство было подано 2200 прошений. Главным образом ходатайства солдат касались отправки в Россию за казенный счет. Такое право французское правительство предоставляло солдатам, принадлежавшим русским военным частям, сражавшимся во время войны во Франции и бывшим русским военнопленным в Германии, которые после перемирия перебрались в страну. Соответствующую информацию подотдел активно распространял.

Подотдел о военнопленных и интернированных оказывал правовую помощь, решал вопросы легализации оставшихся на проживание во Франции комбатантов. Поскольку русские паспорта утрачивали свое значение, необходимо было получить «карт д'идантите», которая выдавалась французской полицией. О.С. Минор информировал: «Совершенно достаточно будет Вашего увольнительного, с французской военной службы, свидетельства и, если еще нужно будет, то можно будет достать от консула “сертификат де насионалите”, в необходимости коего для Вас сомневаюсь. Русский же паспорт Вам нужен будет, если Вы захотите выехать из Франции, для получения соответствующих виз. Кроме того, если бы Вы захотели получить необходимые документы на право проживания во Франции, помимо увольнительного, с французской службы, свидетельства, то ввиду того, что у Вас нет виз на въезд во Францию, Вы были бы немедленно вы-

сланы полицией за пределы Франции как нежелательный элемент»⁴⁸. Для проживания и поступления на работу на первое время достаточно было тех документов, которые выдавались из полка.

Просьбы о материальной помощи подраздел удовлетворить не мог. Некоторые суммы направлялись Союзу русских бывших военнопленных и интернированных в Германии, через который и распределялись комбатантам. Да и эту помощь Союзу и другим организациям военнопленных и интернированных с 1 февраля 1922 г. подраздел прекратил «за неимением более в его распоряжении кредитов»⁴⁹.

Вынужденные отказы получали и те комбатанты, которые просили содействия в трудоустройстве или хотя бы опубликования объявления о поиске работы. Так, бывшего военнопленного А. Аважева, писавшего из Кведлингбурга, сотрудники подразделения предупреждали, что «Франция, а в частности Париж, изобилует бывшими преподавателями русского языка – следовательно, все, что возможно, уже занято ими»⁵⁰. Германский Союз военнопленных и интернированных содействовал через подраздел переезду своих подопечных во Францию. Но эти возможности были ограничены. О.С. Минор информировал Союз через М. Исполатова: «Что касается переезда во Францию Наумова, то добиться во Францию визы весьма трудно. Найти занятия во Франции – все равно, что верблюду в игольное ушко залезть. Но во всяком случае сообщите о Наумове все подробности, т.е. кто он, откуда, знает ли языки, умеет ли работать и т.д. А там посмотрим»⁵¹.

Очень важна была информационная поддержка, солдаты писали, что высылаемые им редакциями или подразделом газеты, брошюры позволяли чувствовать себя не брошенными, не забытыми, включенными в русскую среду в далеких уголках Франции. Осенью 1922 г. Исполнительная комиссия прекратила свое существование, а с ней и подраздел о военнопленных и интернированных.

Забота. Союзы комбатантов

Существенным и значимым элементом жизни комбатантов стали их объединения, которые являлись местом общения и поиска сослуживцев, через которые можно было получить помощь. Взаимовыручка и взаимопо-

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 46. Л. 29.

⁴⁹ Там же. Л. 87.

⁵⁰ Там же. Л. 2.

⁵¹ Там же. Л. 87.

мощь отличали военную среду. Воинское братство сплотили Союзы бывших военнопленных и интернированных (Германия, Чехословакия), общество российских солдат во Франции и на Балканах. В конце 1920 г. в Константинополе был основан Союз памяти Русского экспедиционного корпуса во Франции (1916–1918), официально зарегистрированный в 1923 г. в Париже под названием «Союз русских офицеров-ветеранов французского фронта».

Учрежденные в ряде стран Союзы русских инвалидов объединились в Зарубежный Союз русских военных инвалидов под председательством генерала Н.Н. Баратова. Чтобы не стать бременем для общественной благотворительности, Союз открывал свои мастерские, где небольшая часть инвалидов получала возможность заниматься посильным трудом, «перестав смотреть в глаза благотворительности»⁵². Между тем расходы Союза росли непропорционально сборам. К 1926 г., когда отмечался первый День инвалида, Союз насчитывал около 5000 инвалидов, в 1928 г. – 5 994, в 1930 г. – 6 150. В Союзе состояли люди с увечьями (например, 1 инвалид без двух рук, 22 – без двух ног, 19 – эпилептиков, 25 – лежачих, 43 – слепых на оба глаза, 64 – психически ненормальных, 255 – паралитиков, 461 – туберкулезных и т.д.). В дальнейшем Союз стал «прибежищем всех страждущих, нуждающихся и обремененных жизнью, – душеприказчиком неизбывного, безысходного русского горя»⁵³.

Начиная с 1926 г., ежегодно 22 мая, в день Святителя Николая, Главное правление зарубежного Союза русских военных инвалидов в Париже обращалось к русским людям с призывом о помощи «самым обездоленным», «хранителям русской славы и русской чести». Главное правление, которое создавалось с целью организации Дня инвалида, а также производства периодических сборов для инвалидов, состояло из представителей общественности, деятелей культуры, журналистов, а на местах, по всем пунктам русского рассеяния действовали местные комитеты. Издавались также газета «Русский инвалид»⁵⁴, журнал «Инвалид».

22 мая традиционно стал священным днем для Русского зарубежья. В этот день вся «Зарубежная Национальная Русь» призывалась к жертве во имя светлого будущего и в память великого русского прошлого, в память бесчисленных жертв и безымянных могил, невыплаканных слез и страданий. Эмигрантская газета писала: «Тысячи наших инвалидов – без помощи

⁵² Последние новости. 16 мая 1928 г.

⁵³ Там же.

⁵⁴ В 1924–1929 гг. вышло 5 специальных выпусков газеты. С 1930 г. она стала ежемесечной.

и без приюта. ... Тысячи могил безвестных раскиданы по свету. Сколько самоубийств с отчаяния, от безучастия!». Дело помощи русским инвалидам, «носителям русской чести» объединяло всех русских людей в одну «зарубежную семью», связывало эмиграцию нравственными узами⁵⁵.

Писатель И.С. Шмелев, входивший в состав редакции газеты «Русский инвалид» и являвшийся членом Бюро Главного комитета по устройству Дня помощи русским инвалидам, в своих статьях («Мятый пар», «Снова напоминаю вам...»), «Забыть преступно») активно развивал эту идею. Он взывал к сочувствию и помощи: «В Германии – в сквозных бараках, на православном кладбище Берлина, в Польше, в Турции, во Франции... Нужда во всем: от обуви, рубахи, хлеба, – до ноги, руки, лекарства. Не говоря о ласке, о сострадании. Эти потеряли все. Осталось одно – сознание, что за Россию это. Забыть – преступно!»⁵⁶.

Память

Для эмиграции память о погибших за честь родины оставалась святой обязанностью. Частью жизни участников Великой войны стало патриотическое воспитание молодого поколения, чтение лекций для юных разведчиков, скаутов, соколов, витязей. В свою очередь, молодежные организации почитали ветеранов, ухаживали за могилами воинов, погибших вдали от родной земли. А.С. Гусаченко в своей магистерской диссертации пишет о подвижнической деятельности Сокольского общества в Латвии. Так, Соколы приняли участие в уходе за кладбищем русских воинов 12-й армии в Икшкиле (Икскюль), в Дубулты (поселок на побережье Рижского залива), в Юрмале, под Ригой. В Даугавпилсе общество добровольно взяло на себя обязанности не только по содержанию и уборке захоронений русских воинов, а также несение почетного караула во время торжеств, посвященных чествованию павших. Старостой Русского Сокола в Двинске был Борис Зубарев, ветеран Первой мировой войны. Соколы изготавливали кресты, за два года привели в порядок около 1000 из почти 4000 могил. 5 июля 1930 г. был заложен и 12 сентября 1931 г. состоялось торжественное открытие памятника на братском кладбище Двинска, в котором приняли участие многочисленные организации. По приглашению Комитета Братского кладбища Соколы несли почетный караул⁵⁷.

⁵⁵ Последние новости. 16 мая 1928 г.

⁵⁶ Шмелев И.С. Забыть – преступно! // Возрождение. 29 декабря 1925 г.

⁵⁷ Andrejs Gusačenko, 'Sokol' organizāciju darbība Latvijā (1928–1940.g.) (Rīga: Latvijas Universitāte, 2017), 66–68, 76, 84, 109, 139; Гусаченко А. Деятельность сокольских организаций в межвоенной Латвии // Новый журнал (Нью-Йорк). 2017. № 287. С. 254–255.

Движение за сооружение мемориальных памятников в Зарубежье началось сразу после окончания Первой мировой войны. Но еще в июне 1918 г. Комитет попечения о Русском Легионе установил икону Св. Георгия Победоносца в Св. Александро-Невском Соборе на Рю Дарю в Париже, слева от чудотворной иконы Божией Матери, прикрепив внизу медную досочку с надписью: «В память русских легионеров, павших во Франции. От Комитета попечения о Русском Легионе». 17 июня 1918 г. перед этой иконой была совершена первая панихида. Из девяти раненых офицеров Русского легиона, лежавших на излечении в Парижских госпиталях, смогли прибыть, еще на костылях, лишь трое, остальные офицеры, более тяжело раненые, были прикованы к постели. Союз офицеров экспедиционного корпуса и Легиона Чести – участников войны на французском фронте ежегодно служили перед этой иконой общую панихиду⁵⁸.

В 1919 г. был создан фонд по сбору средств на сооружение памятника русским воинам, умершим на чужбине. Редакция газеты «Русский солдат-гражданин» «в целях расширения средств фонда на постройку памятника» разослала письма с просьбой о подписке на сборник «На чужбине», в котором публиковались солдатские произведения. Именной экземпляры издавался на японской бумаге и стоил 30 франков. Этот сборник сам по себе представлял собой своего рода памятник – отражение чувств русских людей, волей судеб оторванных от родины⁵⁹.

21 октября 1928 г. эмигрантская пресса подробно освещала закладку памятника русскому Неизвестному солдату на Ольшанском кладбище в Чехословацкой республике, инициированного чехословацкими легионерами. Идея нашла поддержку у руководителей чехословацкого Национального совета во главе с председателем, депутатом парламента Прокупеком. В братских могилах покоились останки русских офицеров и солдат, погибших от ран и болезней в австрийском плену. Их останки было решено уложить в маленькие гробики и перенести в крипту, находящуюся под храмом, приурочив к закладке памятника. Тогда же были освящены и подняты колокола, пожертвованные для русского храма королем КСХС, а также митрополитом Евлогием, епископом Сергием, чехословацким премьер-министром К. Крамаржем и его супругой – председательницей комитета по сооружению памятника. В торжественной церемонии приня-

⁵⁸ Васильев В. Русский Легион Чести // Кадетская переключка. 1989. № 46. URL: http://www.xx13.ru/kadeti/rus_korpus.htm.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6167. Оп. 1. Д. 53. Л. 25.

ли участие представители Югославии и Болгарии, французской военной миссии в Праге. Такая акция объединила и монархистов, и левых эсеров⁶⁰.

В 1937 г. на военном кладбище Сент-Илер-ле-Гран под Мурмелоном русским офицерам и солдатам, погибшим во Франции, по проекту архитектора А.А. Бенуа был воздвигнут Храм-памятник во имя Воскресения Христова. Землю под храм подарил Союзу офицеров экспедиционного корпуса французский крестьянин. Для сбора денег создали по инициативе председателя Союза генерала Н.А. Лохвицкого, кавалера французского ордена Почетного легиона, комитет под председательством М.М. Феодорова. От идеи, высказанной в 1925 г. редактором парижской русской газеты «Вечернее время» Б.А. Сувориным, до воплощения прошло более десяти лет. Разрешение на строительство французские власти дали в конце 1935 г. На закладку первого камня 19 апреля 1936 г. приехал митрополит Евлогий. При освящении храма-памятника присутствовали французские военные и гражданских власти, председатель РОВС Е.К. Миллер, представители других эмигрантских организаций⁶¹.

Двадцатая годовщина Первой мировой войны стала для эмиграции поводом для утверждения в народной памяти ее героев, не уронивших честь России. С.И. Варшавский в статье «Верному русскому воину» в «Последних новостях» 13 августа 1934 г. писал, что если не на родной земле, то за рубежом память верного русского воина будет увековечена. Памятники Неизвестному солдату стоят во всех странах, принимавших участие в Великой войне, во всех, кроме СССР. В Совдепии, отмечал он, такой «символ патриотической верности в царстве тех, кто власть свою построил на предательстве», невозможен.

Не вся эмиграция была солидарна с таким подходом. Звучали предложения и о создании антивоенного памятника, используя как символ Ля-куртинское восстание. 21 мая 1925 г. Общество бывших российских солдат во Франции и на Балканах обратилось в НКВД со следующим письмом: «В то время как империалистические государства проявляют всяческую “заботу” о могилах жертв империалистической войны, разжигая таким путем теплящиеся в народе шовинистические чувства, мы полагаем вполне своевременным поднять вопрос в первую очередь об увековечении памяти погибших солдат I Дивизии в Ля-Куртинской расправе во Франции 5 сентября 1917 г. ...обращаемся с просьбой возбудить перед французским

⁶⁰ Последние новости. 26 октября 1928 г.; Возрождение. 27 октября 1928 г.; Руль. 24 октября 1928 г.

⁶¹ Хазов А.А. Письмо в редакцию журнала «Кадетская переключка» // Кадетская переключка. 1989. № 46. URL: http://www.xx13.ru/kadeti/rus_korpus.htm.

правительством вопрос о разрешении нашему Обществу – борцам против империалистической войны, а также и об устройстве памятника в Африке товарищам, погибшим на каторжных работах, куда они были сосланы французским правительством после ля-куртинского расстрела и последовавшего также в скором времени отказе от участия в империалистической войне 2-ой Особой дивизии, находившейся на Балканах. Поскольку французское правительство проявляло много внимания могилам павших в Бородинском бою, следовало бы, как считали члены Общества, на условиях взаимности высказать встречное пожелание⁶². Однако заведующий II отделом англо-романских стран НКВД сообщил в полномочное представительство СССР во Франции, что «Литвинов полагает неудобным поднимать этот вопрос в официальном порядке»⁶³.

Тысячи русских могил разбросаны по Франции. На многих из них написано: «Неизвестный русский солдат, погиб за Францию». До сегодняшнего дня продолжается мемориальная работа. Возвращается русский воин Первой мировой и в историческое сознание современной России. Совет Федерации России 26 декабря 2012 г. установил памятную дату – 1 августа – День памяти русских солдат, погибших в Первой мировой войне.

Выводы

Участники Первой мировой войны стали не просто частью Зарубежной России, но и определили ее лицо, составили важную часть исторического сознания, исторической памяти как символы национального достоинства и чести. Осознание их вклада в общую победу, признание этой заслуги другими странами делало пребывание вне родины не бессмысленным и случайным, а наполненным патриотизмом, давало возможность не оторваться от родных корней на чужой почве.

Оказавшись заложниками политической игры, революционных событий, комбатанты не заняли в системе государственных ценностей Советской России и стран-союзниц почетное место. Положение спасала самоорганизация военных чинов. Задачей институций и общественности Зарубежной России стало обеспечение социальной помощи, в том числе правовой, информационной, финансовой, материальной и иной, организация более или менее достойного существования солдат, вынесших на своих плечах тяготы Великой войны.

Разбросанные по разным странам бывшие военнопленные, чины Русского экспедиционного корпуса, солдаты и офицеры, завербованные

⁶² АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 8. П. 108. Д. 140. Л. 35–35 об.

⁶³ Там же. Л. 36.

во французский иностранный легион, эвакуировавшиеся из России участницы белого движения, прошедшие через Великую войну, оставшись без поддержки командования и правительства, объединялись в Союзы, проявляли корпоративную солидарность. Общественная активность Зарубежной России и стран-реципиентов сыграла компенсаторную роль. В отличие от России Советской, где память о Великой войне была вытеснена последующими революционными преобразованиями и идеологической оценкой войны как захватнической и империалистической, Зарубежная Россия пыталась увековечить героизм и подвиги солдат и офицеров, воздвигая за рубежом мемориалы павшим русским воинам, символам патриотизма и верности долгу.

В начале ноября 2018 г. на пресс-конференции, посвященной 100-летию окончания Первой мировой войны, научный руководитель Института всеобщей истории, академик РАН, сопредседатель Российского исторического общества А.О. Чубарьян справедливо отметил, что современная Россия возвращает Первую мировую войну «не только в профессиональное сообщество историков, но и в общественное сознание»⁶⁴.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© Бочарова З.С., 2019

Рукопись поступила: 28 октября 2018 г.

Submitted: 28 October 2018

References

- Abensur, Zh. “Russkiy ekspeditsionnyy korpus vo Francii vo vremya pervoy mirovoy voyny.” [Russian Expeditionary Corps in France during the First World War] *Noveyshaya istoriya Rossii*, no. 3 (2014): 74–85 (in Russian).
- Aseev, I.A. “Deyatelnost Rossiyskogo Obshhestva Krasnogo Kresta po zashhite prav voennoplennykh v gody pervoy mirovoy voyny.” [The Activities of the Russian Red Cross Society for the Protection of the Rights of War Prisoners during World War I] *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal*, no. 4 (2009): 21–23 (in Russian).
- Baur, J. “Zwischen ‘Roten’ und ‘Weißen’ – russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918.” [Between ‘Red’ and ‘White’ – Russian prisoners of war in Germany after 1918] *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben in europäischen Bürgerkrieg*, 93–108. Berlin: [S.n.], 1995 (in Deutsche).
- Bazanov, S.N. *Za chest i velichie Rossii. Zaby'taya voyna*. Moscow: Territory of the Future Publ., 2011 (in Russian).

⁶⁴ Незабывтая война. Редакция портала «Русский мир». 09.11.2018. URL: <https://russkiymir.ru/publications/248555/>.

- Belova, I.B. “Osnovnye problemy rossiyskogo bezhenstva 1915–1925 gg. v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii.” [The main problem of the Russian refugee 1915–1925. in domestic and foreign historiography] *Voprosy istorii*, no. 11 (2017): 156–164 (in Russian).
- “Vozvrashhenie na rodinu russkix voennoplennykh i mery sovetskogo gosudarstva po ix materialnoi podderzhke.” [The Repatriation of Russian War Prisoners and Measures of the Soviet State for their Financial Support] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1 (2013): 24–28 (in Russian).
- “Vozvrashhenie russkikh voennoplennykh Pervoy mirovoy voyny v Sovetskuyu Rossiyu: istoriograficheskiy aspekt.” [The Return of Russian War Prisoners of World War I to Soviet Russia: Historiographic Aspect] *Vestnik VyatGU*, no. 4 (2014): 72–77 (in Russian).
- Bocharova, Z.S. “Vozvrashhenie na rodinu soldat russkogo ekspeditsionnogo korpusa v 1920-e gody.” [Homecoming of Soldiers of the Russian Expeditionary Corps in the 1920s.] *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, no. 9 (2009): 51–58 (in Russian).
- Bogart, E.L. *Direct and Indirect Costs of the Great World War*. New-York: Oxford University, 1920.
- *War costs and their financing; a study of the financing of the war and the after-war problems of debt and taxation*. New York: D. Appleton and company, 1921.
- Budberg, A.P. *Vooruzhennye sily Rossiyskoy imperii v ispolnenii obshhesoyuznykh zadach i obyazannostey vo vremya voyny 1914–1917 gg.* Paris: [S.n.], 1939 (in Russian).
- Butakov, Y. “Russkie soldaty na zarubezhnykh frontakh Pervoy mirovoy voyny.” [Russian soldiers on foreign fronts of World War I] *Svobodnaya mysl*, no. 7–8 (2011): 143–152 (in Russian).
- Byulleten № 59–60 Rossiyskogo Zemsko-gorodskogo komiteta* [Bulletin No. 59-60 of Russian Zemstvo-Municipal Committee], May 15, 1930 (in Russian).
- Collins, R.F. *World War I: Primary documents on events from 1914 to 1919*. Westport, CT: Greenwood Press, 2008.
- Dokumenty vneshney politiki*. Vol. 3. Moscow: [S.n.], 1959 (in Russian).
- Filitov, A.M. “Istoriya Pervoy mirovoy voyny v sovremennom mezhdunarodnom diskurse: traditsionny’e diskussii, novye temy, ‘belye pyatna’.” [The History of World War I in Modern International Discourse: Traditional Discussions, New Topics, ‘White Spots’] *Rossiyskaya istoriya*, no. 4 (2017): 103–122 (in Russian).
- Gatrell, P. “War, Refugeedom, Revolution Understanding Russia’s refugee crisis, 1914–1918.” *Cahiers du monde russe* 58, no. 1 (2017): 123–146.
- Gusachenko, A. “Deyatel’nost sokolskikh organizatsiy v mezhoennoy Latvii.” [Activities of Sokol Organizations in Interwar Latvia] *New Journal*, no. 287 (2017): 253–266 (in Russian).
- *‘Sokol’: organizatsiju darbiba Latvija (1928–1940 g.)*. Riga: Latvijas Universitate, 2017 (in Latvia).
- Kasyuk, A.Ya., and Krivoruchko, A.A. “World War The First: Total Results and Lessons.” *Vestnik MGLU. Obschestvenniye Nauki / MSLU Bulletin: Social Sciences*, no. 2 (2015): 91–107 (in Russian).

- Korzikhina, T.P. *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya. Noyabr` 1917 g. – dekabr 1991 g. Uchebnik dlya vuzov*. Moscow: RGGU Publ., 1994 (in Russian).
- Letnev, A. “Soldaty Rossii v Alzhire (1918–1920 gg.)” [Soldiers of Russia in Algeria (1918–1920)] *Voprosy` istorii*, no. 5 (1998): 128–136 (in Russian).
- Mirovye voyny XX veka. Pervaya mirovaya voyna. Istoricheskii ocherk* [World Wars of the 20th Century. World War I. Historical essay]. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).
- Mommsen, H. *Aufstieg und Untergang der Republik von Weimar. 1918–1933*. Berlin: [S.n.], 2009 (in Deutsche).
- Nachtigal, R. *Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918*. Remshalden: [S.n.], 2003 (in Deutsche).
- “Zur Anzahl der Kriegsgefangenen im Ersten Weltkrieg.” *Militärgeschichtliche Zeitschrift*, no. 67 (2008): 345–384 (in Deutsche).
- Nagornaya, O.S. *Drugoy voennyi opyt. Rossiyskie voennoplennyye v Germanii v period Pervoy mirovoy voyny (1914–1922)*. Moscow: New Chronograph Publ., 2010 (in Russian).
- Nansen, F. *Rossiya i mir* [Russia and the World]. Moscow: PG. Publ., 1923 (in Russian).
- Oltmer, Jochen, ed. *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Paderborn: Ver. Ferdinand Schöningh, 2005 (in Deutsche).
- Pavlov, A.Yu. *‘Russkaya odisseya’ epohki Pervoy mirovoy: Russkie ekspeditsionnye sily vo Francii i na Balkanakh*. Moscow; St. Petersburg: Veche Publ.; Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2011 (in Russian).
- “Russkiy ekspeditsionnyy korpus v Salonikakh.” [Russian Expeditionary building in Thessaloniki] *Voenna-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (2001): 56–61 (in Russian).
- Pervaya mirovaya voyna: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat*. Moscow: RISI Publ., 2014 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A. *Sovetskaya strana posle okonchaniya grazhdanskoy voyny`: territoriya i naselenie*. Moscow: Nauka Publ., 1986 (in Russian).
- Popova, S.S. “‘Serdcza nashi izbolelis o pogibayushhey nashey Rodine...’.” [“Our hearts are sore for our perishing homeland...”] *Voenna-istoricheskii zhurnal*, no. 2 (2003): 63–69 (in Russian).
- “Sudba russkogo ekspeditsionnogo korpusa vo Francii posle revolyutsii v Rossii. Po neopublikovannym materialam Voennogo ministerstva Frantsii.” [The Fate of the Russian Expeditionary Force in France after the Revolution in Russia. According to Unpublished Materials of the Military Ministry of France] *Russia and France. XVIII–XX century*. Moscow: Nauka Publ., 1995 (in Russian).
- “V plenu u soyuznikov: O polozhenii russkikh soldat i oficerov vo Frantsii.” [In the Captivity of the Allies: About the Status of Russian Soldiers and Officers in France] *Voenna-istoricheskii zhurnal*, no. 4 (1996): 37–39 (in Russian).
- Poslednie novosti*, May 16, 1928 (in Russian).
- Puateven, P. “Bitva v centre Francii v 1917 godu. Myatezh russkix armiy v lagere Lya-Kurtin.” [The battle in the center of France in 1917. Mutiny of the Russian armies in the camp of La Curtin] *Voenna-istoricheskii zhurnal*, no. 4 (2001): 64–69 (in Russian).

- Rachamimov, A. *POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. (Legacy of the Great War)*. New York: Berg, 2002.
- Rossiia v Pervoy mirovoy voine. 1914–1918. *Entsiklopediya*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2014 (in Russian).
- Rul, October 13, 1922) (in Russian).
- Shastillo, V.K. *Poslednyaya voyna tsarskoy Rossii*. Moscow: ROSSPE'N Publ., 2010 (in Russian).
- Shcherov, I.P. *Tsentroplenbezh v Rossii: istoriya sozdaniya i deyatelnost v 1918–1922 gg.* Smolensk: SGPU Publ., 2000 (in Russian).
- Sokolov, A.A. “Russkie v Inostrannom legione: Indokitay (konets XIX – seredina XX veka).” [Russians in the Foreign Legion: Indochina (the end of the 19th – mid-20th century)] *Vietnamskie issledovaniya*, no. 2 (2012): 313, 309–336 (in Russian).
- Stepanov, A.I. “Tsena voyny: zhertvy i poteri.” [The Price of War: Casualties and Losses] *In Mirovye voyny XX veka*. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).
- Taruskiy, E. “Besedy na bivouakax.” [The talks at the Bivouac] *Chasovoy*, no. 207 (1938): 19 (in Russian).
- Utkin, A.I. *Pervaya mirovaya voyna*. Moscow: Algoritm Publ., 2001 (in Russian).
- Vasilev, V. “Russkiy Legion Chesti.” [Russian Legion of Honor] *Kadetskaya pereklichka*, no. 46 (1989). http://www.xx13.ru/kadeti/rus_korpus.htm (in Russian).
- Vasileva, S.N. *Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [War Prisoners of Germany, Austria-Hungary and Russia during World War I]. Moscow: MGOPU Publ., 1999 (in Russian).
- Vozvrashhenie... 1921–1924 gg.* Vol. 3. of *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-x godov. Dokumenty i materialy*. Moscow: Triada-F Publ., 2002 (in Russian).
- Wehler, H.U. *Deutsche Sozialgeschichte. Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten. 1914–1949*. München: [S.n.], 2003 (in Deutsche).
- Khavkin, B.L. “Russian Front of World War I (1914–1918).” *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 1 (2014): 3–16 (in Russian).
- Khazov, A.A. “Pismo v redaktsiyu zhurnala ‘Kadetskaya pereklichka’.” [Letter to the editors of the journal Cadet Roll Call] *Kadetskaya pereklichka*, no. 46 (1989). http://www.xx13.ru/kadeti/rus_korpus.htm (in Russian).
- Zakon i sud*, no. 17 (1931) (in Russian).
- Zhdanov, N. *Russkie voennoplennye Pervoy mirovoy voyny. 1914–1918 gg* [Russian War Prisoners of World War I. 1914–1918]. Moscow: [S.n.], 1920 (in Russian).
- Zhdanova, I.A. “Organizatsiya vozvrashheniya rossiyskikh plennykh v 1918–1919 godax.” [The Organization of the Return of Russian prisoners in 1918–1919] *Rossiyskaya istoriya*, no. 4 (2011): 63–72 (in Russian).

Archives

- Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 166, op. 508/3, d. 59, 108.
- Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation] (thereafter – AVPRF), f. 0136, op. 8, p. 108, d. 140.
- AVPRF, f. 0510, op. 1, p. 1, d. 6.

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (thereafter – GARF), f. 5804, op. 2, d. 69, 71.

GARF, f. 5856, op. 1, d. 536.

GARF, f. 6167, op. 1, d. 5.

GARF, f. 9145, op. 1, d. 55.

Аннотация: Статья посвящена анализу места и роли участников Первой мировой войны в жизни Зарубежной России. Статья опирается на широкую историографическую и источниковую базу. Автор показывает, что комбатанты оказались разбросаны по разным странам, их контингент составили бывшие военнопленные и чины Русского экспедиционного корпуса (РЭК), легионеры, а также эвакуировавшиеся из России участники белого движения, прошедшие через Великую войну. Оставшись без поддержки командования и правительства, многие были дезориентированы, и в этих условиях компенсаторную роль сыграла самоорганизация военных чинов, созданные эмиграцией институции и общественная активность Зарубежной России и страны-реципиента. Автор приходит к выводу о том, что особое место в социальной памяти Зарубежья занял вопрос о сооружении мемориалов русским воинам, погибшим на чужбине. В отличие от России Советской Зарубежная Россия оказывала посильную помощь «носителям русской чести», пыталась увековечить память об их подвигах, создать за рубежом символы патриотизма и верности долгу русского воина.

Ключевые слова: Зарубежная Россия, комбатанты, Русский экспедиционный корпус, военнопленные, Союз русских военных инвалидов

Для цитирования: Бочарова З.С. Судьба комбатантов Первой мировой войны в контексте истории Зарубежной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 125–150. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-125-150>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-151-181>

Научная статья / Research article

Первая мировая война в зеркале частных и корпоративных историко-культурных коллекций России и Российского зарубежья

М.В. Катагощина

Государственный исторический музей, 109012, Россия, Москва,
Красная площадь, 1; marya.katagoshina@yandex.ru

World War I in Private and Corporate Collections of Russia and the Russian Expatriate Community

Maria V. Katagoshchina

State Historical Museum; Red Square, 1, Moscow, Russia, 109012;
marya.katagoshina@yandex.ru

Abstract: This article looks at the formation and fate of the private and museum collections of the history of World War I that emerged in Russia during the conflict, as well as subsequently in the émigré community. Already shortly after the outbreak of hostilities, Russian individuals and museums began to organise collections of relevant memorabilia, which they saw as their duty to future generations. After the 1917 Revolution, the museums and the most significant private collections, particularly that of M.S. Vorobev, led to the establishment of museums in the RSFSR. However, private collection of artefacts related to the military history of old Russia were illegal. By contrast, between 1920 and 1980, Russian émigré organisations in France, Czechoslovakia, the USA, especially those of former officers, actively gathered medals, weapons, banners and other relics, as well as photos and documents from the Great War. At the turn of the 21st century, these collections became an important part of the common memorial space in both Russia and Russia Abroad.

Keywords: World War I, military history, private collecting, Russian emigration of the 21st century, the Russian World

For citation: Katagoshchina, Maria V. “World War I in Private and Corporate Collections of Russia and the Russian Expatriate Community.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 151–181. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-151-181>

Введение

Тема сохранения исторической памяти об участии России в Первой мировой войне 1914–1918 гг. в настоящее время широко востребова-

на в отечественном научно-информационном и культурном пространстве¹. Общественная значимость воссоздания объективной картины одного из глобальных событий XX века в контексте российского исторического процесса и задачи увековечения памяти россиян – участников Первой мировой войны нашли свое отражение в современных концепциях государственной политики Российской Федерации, в сфере формирования национального исторического сознания и патриотического воспитания молодежи, а также в сфере международных отношений и взаимодействии с миром российских соотечественников, проживающих за рубежом. Президент России В.В. Путин, приветствуя участников Международного общественно-научного форума «Великая война. Уроки истории», подчеркнул: «В России всегда будут чтить подвиг солдат и офицеров, защищавших Отечество. Намерены и впредь восстанавливать историческую справедливость – увековечивать военные победы и героическую роль соотечественников, которые на фронте и в тылу с честью выполняли свой долг»².

История Первой мировой войны входит в круг проблем отечественной истории новейшего времени, требующих дальнейшего углубленного освоения как на теоретическом уровне, включая поиск новых ракурсов и методологических подходов, так и в прикладных вопросах – расширение корпуса источников, формирование электронных баз данных и др.³ Одним из малоизученных аспектов темы является отражение событий Первой мировой войны в документальных, вещевых и художественных собраниях, создававшихся частными лицами и различными общественными объединениями непосредственно в 1914–1918 гг. в России и в последующий период в мире российской послереволюционной эмиграции. Исследование данного вопроса позволяет внести вклад в историографическое освоение проблематики Первой мировой войны (в данном случае – показать ряд важных аспектов восприятия военных событий в российском обществе) и в изучение истории и современной жизни российского зарубежья XX в., сыгравшего, как будет показано далее, существенную роль не только в сохра-

¹ Великая война: сто лет: издание подготовлено к съезду Российского военно-исторического общества 19 апреля 2014 г.: (по материалам научной конференции «Россия и Первая мировая война: история и память», 11 декабря 2013 г., г. Москва) / Под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. М.: Нестор-История, 2014.

² Приветствие Президента России В.В. Путина участникам Международного общественно-научного форума «Великая война. Уроки истории». Москва, 31 июля 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/46376>.

³ Мальков В.Л. О новых подходах в изучении Первой мировой войны // Последняя война Российской империи. Россия и мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Международной научной конференции. Москва, 7–8 сентября 2004 года. М.: Наука, 2006. С. 17–26.

нении исторической памяти об участии России в Великой войне, но и в интенсификации соответствующих направлений научно-исследовательской и просветительной работы на родине. Кроме того, тема настоящей статьи непосредственно связана с задачами изучения общественно-культурного феномена частного коллекционирования в России и российском зарубежье.

Таким образом, актуальность предпринятого исследования определяется существенным значением возрождения и увековечения памяти о событиях Первой мировой войны в общественно-культурной жизни современной России, а также интенсификацией в системе отечественной гуманитарной науки научно-исследовательского процесса, направленного на формирование объективных научных представлений об участии России в Великой войне и решение широкого круга теоретических, научно-информационных и прикладных задач, связанных с данной проблемой.

Отдельные аспекты коллекционирования, а также последующего экспонирования и музеефикации памятников эпохи Первой мировой войны нашли отражение в обобщающих работах по истории отечественного музейного дела, а также в исследованиях, связанных с деятельностью структур российской армии, государственных и муниципальных музеев, научно-просветительных обществ, осуществлявших в 1914 – начале 1920-х гг. сбор документов, предметов вооружения и обмундирования войск, произведений искусства, различных бытовых памятников для организации корпоративных и общественных Музеев войны (с февраля 1917 г. – Музеев войны и революции)⁴. В некоторых публикациях встречаются краткие упоминания о частных коллекциях военно-исторической тематики, охватывающих период Первой мировой войны. Однако в целом данный вопрос остается к настоящему времени почти не изученным, как в отношении конкретных собраний и судеб их создателей, так и с научно-теоретической точки зрения. Тема военно-исторических коллекций эпохи Первой мировой войны редко входит в орбиту интересов исследователей феноменологии частного коллекционирования, сосредоточенных преимущественно на изучении библиофильства⁵ и художественных собраний⁶. В то же время крушение довоенного мира частного коллекционирования в Европе нашло отражение в ряде новейших публикаций по истории искусства, в том числе в книгах

⁴ *Ильина Т.Н.* Герои Великой войны 1914–1918: материалы Трофейной комиссии в собрании ВИМАИВиВС. М.: Кучково Поле, 2014.

⁵ *Ласунский О.Г.* Собирачество как тип мыследеятельности // Книга: Исследования и материалы. М.: [Б.и.], 2004. С. 434–439.

⁶ Anne Higonnet, *A Museum of one's own: private collecting, public gift* (Pittsburgh; New York: Persicope publ., 2010).

британского искусствоведа Ф. Хука, посвященных выдающимся западным коллекционерам и артдилерам⁷.

Современный историографический комплекс по истории российского зарубежья XX в. характеризуется глубокой теоретической проработкой общественно-политических, социальных и ментальных основ формирования в сообществе российской послереволюционной эмиграции многочисленных личных, семейных и общественных собраний памятников отечественной военной истории⁸. Благодаря научным трудам член-корреспондента РАН Е.И. Пивовара⁹, В.Ф. Ершова¹⁰, В.И. Голдина¹¹ были всесторонне исследованы идеологический спектр, социально-корпоративная специфика и процессы институционального развития российского военного зарубежья 1920–1970-х гг., в системе которого наиболее активно развивалось частное собирательство и музейное строительство военно-исторического профиля. Важной частью историографии проблемы являются исследования А.В. Попова¹², Л.П. Муромцевой¹³, Т.П. Спиридоновой¹⁴, посвященные зарубежной военно-исторической россике, а также работы специалистов Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ)¹⁵ и Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД)¹⁶, Дома русского зарубе-

⁷ Хук Филип. История искусства и тех, кто его собирает. СПб.: Азбука, 2018. С. 319.

⁸ Пивовар Е.И. Российское зарубежье в мировом интеллектуальном пространстве XX – начале XXI в. // Достоинство историка: к 90-летию со дня рождения академика РАН Юрия Александровича Полякова: (сборник статей). М.: РОССПЭН, 2011. С. 40–63; А.А. Pronin, “The Russian Military Emigration: A Historiographical Aspect,” *Middle-East Journal of Scientific Research*, no. 9 (2013): 1208–1213.

⁹ Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом значении. М.: РГГУ, 2008.

¹⁰ Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–45 гг. М.: Изд-во МГУС, 2000; Он же. Военно-политический мир зарубежной России в XX в. // В едином историческом пространстве: Сборник научных статей к 60-летию члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Е.И. Пивовара. М.: Издательство РГГУ, 2009. С. 164–288.

¹¹ Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и русское Зарубежье в XX – XXI веках. Архангельск: Солти, 2006.

¹² Попов А.В. Военные музеи и архивы русского зарубежья // Вестник архивиста. 2003. № 2 (74).

¹³ Муромцева Л.П. Военные музеи и музейные коллекции российской эмиграции // Вопросы музеологии. СПб.: [Б.и.], 2014. № 2 (10). С. 50–63.

¹⁴ Спиридонова Т.П. Свидетельства навсегда. Русские военные реликвии в музеях и коллекциях мира // Мир музея. 2003. № 6. С. 2–20.

¹⁵ Коллекция Я. М. Лисового: Опыт реконструкции. Каталог. М.: Изд-во ГПИБ, 1997.

¹⁶ Королева Г.В. Коллекция Я.М. Лисового, полковника Генерального Штаба Добровольческой Армии, в РГАКФД: История возвращения и описания // Вестник архивиста. 2001. № 4–5 (64–65). С. 135–152.

жья имени Александра Солженицына¹⁷, в которых отражена история некоторых эмигрантских военно-исторических собраний.

Публикации на данную тему, выходявшие в разные годы в российском зарубежье, занимают промежуточное положение между историографией и источниками в силу их политизированности и жанровой принадлежности – выступления на общественных форумах, некрологи, мемуары и т.п.

Цель данной статьи – определение роли и места исторической памяти о Первой мировой войне в пространстве частного и корпоративного собирательства российской эмиграции XX в. Автор ставит перед собой следующие исследовательские задачи: выявление ключевых факторов, специфики формирования и типологии личных и общественных коллекций по истории Первой мировой войны, создававшихся в России в 1914–1918 гг. и российском зарубежье в 1920–1980-е гг., освещение историко-культурного значения эмигрантских собраний, их бытования за рубежом и возвращения на родину в 1990–2010-е гг.

Следует пояснить, что выбор траектории исследования: от дореволюционного периода и первых послереволюционных лет – в зарубежье обусловлен свертыванием в России 1920-х гг. целенаправленного собирания архивных и музейных материалов по истории Первой мировой войны и последующим вытеснением данной проблематики из перечня актуальных проблем советской исторической и военной науки, в то время как для российской послереволюционной эмиграции Первая мировая война на долгие годы остается живой и актуальной темой научно-исследовательской и просветительской деятельности. Рассмотрение в рамках одной работы истории частного и корпоративного собирательства обусловлено также спецификой формирования основной массы военно-исторических коллекций как в России начала XX в., так и в российском зарубежье в рамках офицерской корпорации при активном «перетекании» личных и семейных собраний в фонды общественных архивов и музеев за рубежом.

Хронологически статья охватывает период с момента вступления России в Первую мировую войну в 1914 г. по 2014 г., когда возникает широкое поле международного историко-культурного общественного и научного диалога с участием российского зарубежья по вопросам изучения и увековечения памяти Великой войны.

Источниковую базу исследования составляют документы Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)

¹⁷ Соколова Т.Ф. Коллекция Плаутиных в архивном фонде Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. № 5. С. 146–158.

и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), отражающие развитие музейного дела в России в 1914 – начале 1920-х гг., публикации документов по истории российской военной эмиграции, материалы русской зарубежной периодики (журналы «Часовой», «Военно-исторический вестник» и др.), выступления и интервью общественных деятелей, коллекционеров, ученых, мемуарные источники. В работе использованы научно-справочные издания по истории российского зарубежья XX в., электронная база данных «Офицеры Российской императорской армии» («Офицеры РИА»), сайты Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, Музея лейб-гвардии Казачьего полка во Франции и других организаций современного российского зарубежья.

Исследование выполнено на основе принципов историзма и научной объективности с использованием методов ретроспекции, актуализации, компаративного и междисциплинарного подходов.

Автор использует термины «собираительство» и «коллекционирование» как синонимы, оставляя за рамками данного исследования дискуссию о разграничении смысла данных понятий. Аналогичный подход поддерживает большинство современных специалистов, исследующих конкретно-исторические аспекты развития частного коллекционирования в России и за рубежом¹⁸.

Влияние Первой мировой войны на мир частного коллекционирования и музейное дело в России (1914 – начало 1920-х гг.)

К моменту вступления России в Первую мировую войну в российском обществе существовали сложившиеся традиции частного собираительства, объединявшего представителей различных сословий и профессий и тесно связанного с миром науки, искусства и просвещения¹⁹. Кроме того, в пространстве отечественного частного коллекционирования на рубеже XIX–XX вв. возникает ряд тенденций, которые можно рассматривать в качестве наиболее значимых предпосылок, с одной стороны, для формирования уже в 1914–1916 гг. большого количества тематических коллекций, посвященных военным и политическим событиям, личностям, памятникам культуры эпохи Первой мировой войны, с другой, для быстрого перехода

¹⁸ *Саверкина И.В.* История частного коллекционирования в России: Учебное пособие. СПб: СПбГУКИ, 2004. С. 6–7.

¹⁹ *Овсянникова А.М.* Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М.: Советская Россия, 1960. С. 66–144.

большинства из них в разряд общественных или государственных собраний. В числе таких тенденций были:

– массовое увлечение корпоративной историей и музейным делом в среде российского офицерства, нашедшее выражение в создании полковых музеев, в том числе на основе передававшихся в общественное пользование образцов оружия, орденов и медалей, наградных документов, фотографий, произведений искусства, как принадлежавших лично офицерам, так и собранных ими в качестве предметов коллекционирования²⁰. В годы Первой мировой войны эта традиция была воспринята сообществом интеллигенции, участвовавшей в гуманитарной работе на фронте и в тылу, благодаря чему был основан Музей Всероссийского Союза городов и некоторые другие центры собирания историко-культурных памятников Первой мировой войны, упраздненные вскоре после Русской революции 1917 г.;

– распространение безвозмездной передачи владельцами ценных историко-культурных и художественных собраний в дар государственным музеям и архивам, университетам, научным обществам, городским управлениям. В условиях войны, а позднее революции многие коллекционеры отказывались от практики накопления памятников текущей эпохи в своем личном пользовании, сразу же передавая их в государственные хранилища;

– утверждение в качестве популярных предметов коллекционирования памятных монет и медалей, открыток, марок, а также историко-бытовых памятников и массовых документальных источников (жетонов, флажков, различных сувениров, рекламных буклетов, листовок);

– рост интереса коллекционеров к материалам, отражающим актуальные события общественно-политической и культурной жизни, который особенно заметно проявился в период Первой российской революции 1905–1907 гг., когда предметом коллекционирования стали революционные листовки, плакаты, периодические издания политических партий и движений. Внимание к подобным предметам проявляли, в том числе лица глубоко консервативных убеждений, считавшие необходимым сохранять все свидетельства времени. Об этом свидетельствуют, в частности, историко-культурные материалы по истории революционного движения в России, отложившиеся в архивах семьи Станкевичей (Ф. 351), князя Н.С. Щербатова (Ф. 270) и ряда других личных фондов, хранящихся в ОПИ ГИМ.

Российское собирательство начала XX в., выросшее из эпохи историзма, обладало особой остротой восприятия моментов превращения со-

²⁰ *Гефнер О.В.* Военные музеи в русской армии во второй половине XIX – начале XX в. // *Электронный век и музеи: Материалы Международной научной конференции*. Омск: Изд-во Омского государственного историко-краеведческого музея, 2003. С. 128–132.

временности в историю и, соответственно, пониманием общественно-культурной значимости собирания и сохранения уникальных памятников эпохи. Историк и общественный деятель, инициатор создания в Петрограде Императорского Музея Великой войны²¹ М.И. Соколовский в 1915 г. писал: «Свирепо бушует океан войны, такой войны, подобной которой еще не видела земля. Воюют не армии, а борются целые народы. В такую страшную ответственную историческую минуту все помыслы каждого из нас – в современности, которая является уже историей»²². Важной мотивацией для сбора историко-мемориальных предметов и документов о Первой мировой войне для ученых и любителей истории была также забота о будущих поколениях, которым необходимо было, по мысли коллекционеров и организаторов «музеев войны», передать подлинные свидетельства военного времени. Так, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете выпустило воззвание к культурной общественности Казани, Казанской губернии и Поволжья, в котором, в частности, говорилось: «Переживаемый нами момент не только глубоко интересен, но по широте событий единственный в истории... Еще более такой момент важен для будущего историка. В нем он найдет много материала для наблюдений и обобщений. Результат предшествующей жизни Европы – настоящий момент является ключом для понимания внешней и внутренней политики, социальных отношений, отдельных личностей и т.д. И обязанность наша сохранить как можно больше фактов, документов, предметов, характеризующих и иллюстрирующих события великой европейской войны. Наша обязанность дать будущему историку больше материала для всестороннего и детального изучения эпохи»²³.

В период Первой мировой войны актуализация истории явилась одним из методологических оснований развития музейного дела и частного коллекционирования в России. Уже в августе 1914 г. директор Российского Исторического музея Н.С. Щербатов выдвигает инициативу создания в музее Отдела текущей войны (с 1917 г. – Отдел войны и революции), а в последующие месяцы аналогичные структуры возникают во многих городах России при университетах, музеях, губернских ученых архивных комиссиях. Часть из них существовала только номинально, другие стали центрами сбора документов, плакатов, фотографий, мемориальных вещей участников войны, военных трофеев и других историко-культурных ценностей,

²¹ *Катагощина М.В.* Музей Великой войны. Разыскания архивиста // Московский журнал. 1992. № 5. С. 39–44.

²² *Соколовский М.И.* Слово на открытии выставки 24 июня 1915 г. // Военный сборник. 1915. № 11. С. 204.

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 136 а. Л. 11.

вошедших впоследствии в состав государственных музейных и архивных фондов СССР. С весны 1917 г. их собрания активно пополняются свидетельствами революционной эпохи, исходя из принципиальной задачи сбора актуального материала, имеющего, как справедливо полагали создатели «Музеев (архивов, отделов) войны и революции», всемирное историческое значение.

В организации Музеев войны и военных выставок в Петрограде, Москве и провинциальных городах принимали участие представители мира частного коллекционирования, собирательские интересы которых в предшествующие годы нередко были далеки от военной истории и злободневных общественно-политических событий. Так, например, поддержку идее создания общественного Музея войны в Самаре оказал известный деятель культуры, собиратель искусства и древностей К.П. Головкин²⁴. Программу «Всероссийского центрального музея настоящей войны», подготовка к организации которого началась осенью 1916 г. при Московской городской управе, составил М.С. Воробьев – деятель народного образования и собиратель этнографических и художественных коллекций, памятников народного быта (прялок, пряничных досок, зеркал и т.п.). Передав свои коллекции и библиотеку в дар Ржевскому историко-археологическому музею, М.С. Воробьев обратился к собиранию материалов, отражавших участие России в Первой мировой войне. Сохранившийся рукописный каталог его военной коллекции включает многочисленные трофейные предметы воинской амуниции, обмундирования и вооружений: германские и австрийские каски, погоны, ранцы, фляги, штыки, венгерские кокарды, турецкие ремни и пряжки и т.п., а также наградные кресты, медали, знаки отличия. В русской части коллекции М.С. Воробьева были представлены почтовые марки благотворительных обществ, афиши, плакаты, лубки, открытка с текстом патриотического стихотворения В.А. Гиляровского с автографом автора, алюминиевая походная чарочка, железные кусачки для разрывания проводочных заграждений, игрушечные фигурки казаков из раскрашенного алюминия и др.²⁵ В настоящее время предметы из коллекции М.С. Воробьева хранятся в фондах отделов оружия, металла, изобразительных материалов, письменных источников Государственного исторического музея. Собранные им листовки, брошюры, открытки, литографии эпохи Первой мировой войны отмечены экслибрисом с изображением птички, а многие вещи до-

²⁴ Жердева Ю.А. Музеализация Великой войны: региональная история // Человек и общество в условиях войн и революций: Материалы II Всероссийской научной конференции. Самара: Самарский государственный технический университет, 2015. С. 184.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 136 а. Л. 13–41.

статочно подробно описаны в каталоге коллекции, что позволяет говорить о возможности ее реконструкции.

В годы войны расширяется предметная сфера собирательства: предметом коллекционирования становятся образцы военной техники, кинофильмы и т.п., осуществляется поиск новых форм демонстрации собранных предметов (плавучие выставки, военно-мемориальные комплексы). Масштабный проект устройства Музея войны под открытым небом – с обелисками, окопами, трофейными орудиями на территории Московского городского Братского кладбища – был выдвинут его попечителем С.В. Пучковым – известным московским врачом и общественным деятелем, гласным Московской городской Думы²⁶.

Социально-профессиональный состав организаторов военных музеев и выставок, создававшихся или существовавших как проекты в период 1914–1918 гг. в Москве, Петрограде и других городах России, включает ученых-историков, музейных деятелей, чиновников, преподавателей университетов и гимназий, предпринимателей, т.е. преимущественно штатских лиц. Данное обстоятельство оказывало влияние и на характер материалов, собиравшихся ими для себя лично и для вновь созданных музейных центров, – с преобладанием памятников общественной и культурной жизни военного времени, работы военно-медицинских, гуманитарных и благотворительных организаций, а с 1917 г. – разнообразных свидетельств революционной эпохи. Позднее, в период Гражданской войны в России, данные принципы частного собирательства и музейного дела продолжают развиваться среди интеллигенции, работавшей в административном аппарате, университетах, издательствах, библиотеках, различных общественных организациях как в системе советской власти, так и на территориях, подконтрольных антибольшевистским вооруженным формированиям.

Создание личных коллекций представителями офицерства и генералитета и развитие военно-музейного дела в рамках полковых музеев, с одной стороны, существенно осложнилось после вступления России в Первую мировую войну, с другой – получило стимул вследствие резкого увеличения количества и разнообразия материалов о боевой и повседневной жизни армии. В фонды полковых музеев передавались порой непосредственно с фронта, а также из семей офицеров и генералов, погибших в бою, ордена и медали, наградное и трофейное оружие и знамена, фотографии, полковые летописи и текущие архивы воинских частей, любительские рисунки и акварели со сценами из походной жизни и т.п. При этом наиболее крупные и

²⁶ Братское кладбище в Москве. 1915–1924. Некрополь. Сост. и предисл. Н.Л. Зубовой и М.В. Катагощиной. М.: Русский Мир, 2013. Т. 1. С. 14–15.

ценные полковые музеи гвардейских частей в силу военных обстоятельств оказались оторваны от своих хранителей и дарителей, отправившихся на театр боевых действий.

Значительные поступления военно-музейных ценностей шли в коллекцию военных трофеев при Ратной Палате и в хранилища «Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен при Военно-походной канцелярии его императорского величества» и «Комиссии по сбору, переписи и хранению трофеев настоящей войны», объединенных весной 1917 г. в единую «Трофейную комиссию». Немногочисленные служащие данных учреждений, глубоко увлеченные военной историей и связанными с ней специальными историческими дисциплинами (вексиллогией, фалеристикой, геральдикой и др.), в революционные дни прилагали все усилия для того, чтобы сохранить от разграбления и распыления свои фонды и убедить большевистские власти в общественной значимости военных музеев. Одной из таких попыток стал проект «Народного военно-исторического музея войны 1914–1918 гг.», утвержденный в декабре 1918 г. приказом Реввоенсовета, но в итоге так и несостоявшийся вследствие насаждения в музейном строительстве классово-идеологической парадигмы. В соответствии с установками большевистских властей сбор и демонстрация памятников эпохи империалистической войны, осуществлявшиеся при этом бывшими офицерами, расценивались как белогвардейская пропаганда. За короткий период формального существования «Народного музея войны 1914–1918 гг.» (до 30 мая 1919 г.) было предпринято перемещение в Москву из Петрограда наиболее ценных предметов из полковых музеев – холодного оружия, серебряной посуды, хрусталя, картин и скульптур, а также архивов. Основной массив данных собраний какое-то время существовал как Военно-Исторический музей (ВИМ), а затем был распределен по фондам Государственного Исторического музея²⁷.

В 1920–1930-е гг. тема Первой мировой войны и в целом история российской армии дореволюционного периода фактически исчезает из сферы частного собирательства и музейной работы, поскольку хранение царских орденов, военной формы, холодного оружия создавало для его владельцев реальную угрозу ареста по подозрению в контрреволюционной деятельности. Так, руководитель «Народного музея войны 1914–1918 гг.» граф Н.Н. де Рошефор (Рошфор), бывший прапорщик 52 драгунского Нижегородского полка,

²⁷ Катагощина М.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. в музейном строительстве: историческая ретроспектива и современность // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М.: ИРИ РАН, 2014. С. 680–685.

родского полка и выпускник Петербургского археологического института, сын известного петербургского архитектора Н.И. Рошфора, в 1919 г. был арестован Петроградской ЧК. Формальным основанием для ареста послужила найденная при обыске шашка с надписью «Минскому тюремному инспектору графу де Рошефор». Вскоре он был освобожден, но впоследствии еще дважды подвергался арестам, после чего его карьера была, по всей видимости, перечеркнута. В горькой судьбе Н.Н. Рошфора и его семьи символически отразился разлом отечественной военно-исторической традиции на красную (советскую) и белую (эмигрантскую) ветви. Его старший брат Константин Рошфор (до революции – успешный архитектор) в 1921 г. эмигрировал во Францию. Судьба К.Н. Рошфора в изгнании сложилась благоприятно благодаря французским корням: его кузен, аристократ и известный ученый-физик, герцог Морис де Бройль предоставил ему кров в Париже и помог утвердиться как архитектору²⁸. Константин де Рошфор до конца своих дней сохранял тесные связи с соотечественниками, в том числе как выпускник Первого кадетского корпуса сблизился с сообществом военной эмиграции. Он выступал с лекциями и докладами по истории кадетских корпусов, опубликовал несколько работ на данную тему, избирался председателем, а в старости – почетным председателем Общества бывших кадет Первого кадетского корпуса²⁹.

В СССР увлечение военной атрибутикой царского времени в мире частного коллекционирования никогда не прекращалось, но ушло в глубокое подполье, особенно после печально известной кампании репрессий против бывших офицеров в 1930–1931 гг. (Операция «Весна»). Эстафету системного собирания и сохранения памятников Великой войны в этот период приняло российское послереволюционное зарубежье.

Из экспозиций советских музеев тема Первой мировой войны не была исключена полностью, но подавалась как пролог революции 1917 г., на материалах, подчеркивавших империалистический характер войны и рост революционных настроений в армии. Выбор экспонатов диктовался соответствующим идеологическим подходом: солдатские винтовки и шинели, письма с фронта, антивоенные листовки, фотографии митингов и т.п. В 1950–1980-е гг. допускается демонстрация отдельных мемориальных предметов и документов периода 1914–1918 гг., связанных с персоналиями царских генералов и офицеров, впоследствии перешедших на сторону

²⁸ Архитекторы Николай и Константин де Рошфор: Новые материалы из архивов Парижа и Петербурга: Международная благотворительная выставка, 4–18 июня 1995 г.: Каталог. СПб: [Б.и.], 1995. С. 3.

²⁹ Российское зарубежье во Франции 1919–2000. М.: Наука, 2008. Т. 2. С. 750.

советской власти (в частности А.А. Брусилова и др.). Однако в целом до начала 1990-х гг., как отмечает А.М. Кузнецов, эта тема, несмотря на богатство вещевых и архивных коллекций, была крайне скупо представлена в российском музейно-выставочном пространстве³⁰.

Таким образом, период 1914–1918 гг. вошел в историю отечественного частного коллекционирования и музейного строительства в качестве краткого, но яркого эпизода, который характеризовался активным участием широких кругов российского образованного общества в сборе и сохранении различных атрибутов военного дела и воинской культуры, документов, произведений искусства, историко-бытовых материалов, отражавших военные и военно-политические события эпохи, интеллектуальную, художественную и повседневную жизнь России, а также развитие революционного движения на фронте и в тылу.

В сфере частного коллекционирования Первая мировая война значительно изменила социальные мотивации собирательской деятельности, усилив его гражданскую составляющую. В довоенный период, в атмосфере культуры Серебряного века, создание коллекций, как правило, имело своей целью эстетическое и интеллектуальное наслаждение прекрасными картинами, гравюрами, произведениями прикладного искусства, погружением в мир античной нумизматики, редких книг и т.п. Частная коллекция являлась средством упрочения общественных позиций, формой демонстрации благосостояния и личных вкусов владельца. Непосредственно в годы войны предметами коллекционирования стали военные реликвии (ордена, знамена, наградное оружие), в которых символика воинского подвига и чествование героев нередко соединялась с образами страдания и горя людей, потерявших на войне своих близких, а также предметы, непосредственно отражавшие ужас современной техногенной войны – снаряды, гранаты, противогазы и т.п.

Сложную, во многом негативную смысловую нагрузку имели свидетельства повседневной жизни (фотографии, плакаты, письма с фронта и т.п.).

Усилия собирателей военных реликвий были направлены, прежде всего, на служение обществу: сохранение исторической памяти об эпохе Великой войны для будущих поколений.

Основная масса созданных в России наиболее крупных частных и корпоративных коллекций по тематике Первой мировой войны поступила в 1918 – начале 1920-х гг. в государственные хранилища, что спасло их

³⁰ Кузнецов А.М. *Военные музеи и их роль в культурно-просветительной работе с военнослужащими (1918–1991)*. М.: Изд-во Московского государственного университета леса, 2008.

от гибели, но во многих случаях привело к распылению фондов с утратой сведений о первоначальных владельцах, источниках поступлений и т.п. Некоторые вещи из драгоценных металлов (серебряные блюда, холодное оружие и др.) были изъяты для переплавки или продажи за валюту.

Одновременно в регионах, охваченных Гражданской войной, продолжалось создание корпоративных военных историко-культурных собраний (полковых музеев и архивов) в системе Вооруженных сил Юга России и других белых армий. Участниками или спутниками антибольшевистского добровольческого движения становятся многие владельцы личных коллекций, в том числе обладатели собраний предметов и документов эпохи Первой мировой войны. При этом в Москве, Петрограде и других городах, где в 1917–1918 гг. прочно установилась советская власть, в названиях и деятельности музейно-выставочных центров продвигается идея неразрывной связи войны и революции. В контексте формирующейся идеологии Белого движения эпоха Первой мировой войны соединяется с войной Гражданской и впоследствии с эмиграцией через единство военно-культурной традиции и героизму российской императорской армии, через персоналии ее кадрового офицерского корпуса и генералитета. Данный концепт явился основой комплекса идейных и ментально-культурных мотиваций для сохранения исторической памяти об эпохе Первой мировой войны в российском постреволюционном зарубежье, в том числе в процессе создания частных и корпоративных тематических коллекций.

Документы и артефакты эпохи Первой мировой войны в военно-исторических коллекциях Российского зарубежья 1920–1980-х гг.

Миссия сохранения и передачи молодым поколениям исторической памяти о былой России и комплекса идей ее будущего возрождения, в течение нескольких десятилетий вдохновлявшая социально активные круги российской послереволюционной эмиграции, включала задачу сбережения всех материальных и документальных свидетельств о жизни в дореволюционной России и эпохе вооруженной борьбы с большевизмом³¹. Данная установка, занимавшая значительное место на страницах русской зарубежной прессы, в программах деятельности общественных организаций и учебных заведений российского зарубежья, явилась идейным стержнем частного коллекционирования и музейного дела в зарубежной России XX в.

³¹ Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом значении. М.: РГГУ, 2008. С. 409–412.

Яркими примерами историко-культурной собирательской работы российской эмиграции первой волны стали Русский Заграничный исторический архив (РЗИА) в Праге, Музей русской конницы в Белграде, а во второй половине XX в. – музеи Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, Общества «Родина» в Лейквуде и ряда других общественных объединений³². В большинстве из них была достаточно широко и разнообразно представлена тема участия России в Первой мировой войне, что определялось, прежде всего, параметрами социума эмиграции «первой волны», в котором преобладали офицеры и казаки – участники войны и члены их семей, а также врачи, педагоги, журналисты, принимавшие в тот период активное участие в гуманитарной, просветительской, музейно-выставочной работе. Семейные реликвии и архивы этих людей, наряду с фрагментами дореволюционных полковых архивов и музеев, которые частично удалось вывезти за границу, стали основой для формирования коллекций по истории Первой мировой войны в российском зарубежье 1920–1930-х гг. Героика отечественной военной истории дореволюционного времени была одним из ключевых компонентов воспитательного процесса в эмигрантских кадетских корпусах, что в значительной степени обеспечило преемственность собирательской и военно-музейной традиции во второй половине XX столетия в сообществе младшего поколения российских военных эмигрантов. При этом, в отличие от СССР, в мире зарубежной России было широко востребовано продвижение в информационном пространстве исторической памяти о Первой мировой войне. В этот период специальные вопросы военной истории и теории в контексте событий Первой мировой войны стали предметом системного изучения в рамках деятельности военно-научных структур российского зарубежья – Высших военно-научных курсов генерала Н.Н. Головина в Париже, Общества офицеров Генерального Штаба в Королевстве СХС (Югославии), Кают-компаний в Сан-Франциско и др. Теме Великой войны были посвящены научные труды, мемуары, публицистические статьи³³.

Хотя проблематика Первой мировой войны в идеологической системе белой эмиграции, ее научно-информационной и культурной работе отступала на второй план перед героикой Белого дела, она оставалась неотъемлемой частью интеллектуального пространства российского зарубежья, была включена в комплекс размышлений и дискуссий об исторической

³² Муромцева Л.П., Перхавко В.Б. История и культура России в музейных собраниях эмиграции // История и историки: историографический вестник. М.: Наука, 2003. С. 192–244.

³³ Урядова А.В. Великая война и русская эмиграция // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2014. № 4 (96). С. 63–74.

судьбе России, о причинах русской революции, о трагедии изгнания. При этом для большого числа эмигрантов сохранение памяти о Первой мировой войне, в том числе в рамках личных и музейных собраний военных реликвий и документов, являлось формой манифестации навсегда ушедшего исторического времени – «их времени», когда они были молоды, отважны, интегрированы в систему кадровой армии Российской империи, участвовали в боевых действиях.

Некоторые воинские общества российского зарубежья создавались по признаку участия в Первой мировой войне и, соответственно, придавали первостепенное значение изучению и сохранению исторических реликвий периода 1914–1918 гг. Общество русских ветеранов Великой Войны (ОРВВ), основанное группой бывших белых офицеров в 1924 г. в Сан-Франциско, имело значок с изображением Георгия Победоносца и девизом со словами из последнего приказа Николая II по армии: «Да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий». Боевые ордена и Георгиевские кресты, наградное оружие, мундиры, летные шлемы, фотографии и письма однополчан позволяли материализовать и дополнить воспоминания ветеранов, заинтересовать ими детей и внуков, которые в условиях эмиграции, с одной стороны, утрачивали связь с российскими воинскими традициями, с другой – воспринимали мировую традицию увековечения и почитания героев Первой мировой войны – установку памятников, юбилейные парады и другие историко-культурные мероприятия (в которых нередко принимали участие и российские эмигранты) в странах Западной Европы и США³⁴. В то же время в тяжелых условиях пребывания за границей (бедности, социальной незащищенности, частых переездах) сохранение подобных реликвий было крайне сложным делом. Нередко они передавались на хранение или в собственность офицерским организациям или владельцам личных военных коллекций, как правило, также представителям военных кругов российского зарубежья.

В 1920–1930-е гг. активно происходил переход личных и коллекционных комплексов, принадлежавших российским военным эмигрантам, в собрания РЗИА и зарубежных полковых музеев. По традиции, сложившейся еще в годы Первой мировой войны в России, такие передачи нередко считались временными, архив или офицерское объединение брало на себя обязательство сохранять ценности, чтобы впоследствии возвратить их

³⁴ *Ершов В. Ф.* Общество российских ветеранов Первой мировой войны в эмиграции по материалам Русского Заграничного исторического архива // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции, Москва. 7–8 сентября 2004 года. М.: Наука, 2004. С. 365–371.

владельцу, например, после победы над большевизмом и возвращения на Родину.

Порой коллекционеры вынуждены были из-за стесненных материальных обстоятельств просить о возвращении историко-культурных собраний, уже переданных ими в общественные хранилища. Так, например, в ГА РФ имеется письмо полковника Н.А. Плетнева в Донскую историческую комиссию с просьбой вернуть его коллекцию оружия, хранившуюся в Донском музее в Праге, либо возместить ему ее стоимость³⁵.

В межвоенной Европе действовал целый ряд корпоративных музеев – Лейб-гвардии Кексгольмского полка, Объединения бывших выпускников Николаевского Кавалерийского Училища, Нежинского гусарского полка и др.³⁶ В ряде случаев это были небольшие экспозиции, устроенные на дому. Например, полковой музей действовал в квартире полковника М.А. Микулинского, который возглавлял объединение офицеров Лейб-гвардии Петроградского полка. Большинство подобных собраний было впоследствии передано в фонды иностранных хранилищ – Королевского музея армии и военной истории в Брюсселе, Музея армии (Musée de l'Armée) в Париже и других немногих сохранившихся в Европе эмигрантских военных музеев, в число которых входит известный Музей Лейб-гвардии Казачьего полка в Париже.

В российском зарубежье межвоенного периода существовали также ценные частные военно-исторические собрания, среди которых особое место занимает коллекция полковника Я.М. Лисового, включавшая более 10 тысяч экспонатов (плакаты, листовки, брошюры, фото и кинодокументы, военные карты и схемы, боны, марки, различные артефакты) эпохи Первой мировой и Гражданской войны в России. По своему составу оно наиболее близко к упоминавшимся выше «музеям и архивам войны», которые создавались в России в 1914–1918 гг. при просветительных и образовательных учреждениях. Данное собрание выделялось не только своим объемом и разнообразием, но и активной позицией его создателя, который демонстрировал свой передвижной «Музей современных событий в России» в Константинополе и Белграде, а в 1923–1925 гг. – в США, где устраивавшиеся им выставки, лекции, киносеансы вызывали большой интерес. Нехарактерным для своего времени и социальной среды поступком явилась и передача Я.М. Лисовым в 1945–1947 гг. значительной части своей коллекции в дар СССР³⁷.

³⁵ ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 2. Д. 247. Л. 27.

³⁶ Русское зарубежье. Франция. Хроники научной, культурной и общественной жизни / Под ред. Л. Мнухина. Москва-Paris: YMCA-Press, 2003. Т. 3. С. 327.

³⁷ Кручинин А.С. Коллекция Я.М. Лисового: путь частного собрания // Библиотека личная – библиотека общественная. (Традиции отечественного книгособиранства):

Личные военно-исторические собрания российских эмигрантов стали основой для подготовки иллюстрированных научно-справочных изданий, которые до настоящего времени востребованы учеными-историками, искусствоведами, музейными специалистами, реконструкторами военного костюма. Так, в истории эмигрантского военно-исторического собирательства одной из центральных фигур является П.В. Пашков (1895–1974) – коллекционер и знаток истории военных наград и обмундирования, автор книг и статей по данной теме, а также уникальных макетов форм русской гвардии и кавалерии. В 1946 г. он вошел в число основателей Общества любителей русской военной старины в Париже, был редактором сборника «Русская военная старина» (Париж, 1947). Осенью 2017 г. аукционный дом «Литфонд» выставил на интернет-аукцион уникальную рукописную книгу П.В. Пашкова «Справочник русской кавалерии» (Париж, 1940), вероятно, из личной библиотеки автора, его автограф, с многочисленными рисунками. Справочник включает описание обмундирования гвардейских и армейских конных подразделений и различных казачьих войск – Донского, Кубанского, Уральского и др.³⁸

Широкую известность получило военно-историческое собрание Е.С. Молло (1904–1985) – художника и эксперта по исторической военной униформе, в юности участвовавшего в Белом движении, а позднее эмигрировавшего в Англию. Е.С. Молло коллекционировал воинские знаки и награды, оружие, наградные рескрипты, автографы русских военных деятелей, произведения живописи и графики на военно-исторические сюжеты и др. Коллекционер неоднократно посещал СССР, передал в дар российским музеям несколько вещей из своего собрания. Им был опубликован на русском и английском языках ряд каталогов и обзоров прикладных памятников военной истории России, охватывающих период Первой мировой войны. В том числе в цикле «Военно-историческая библиотека» эмигрантского журнала «Военная быль» вышли в свет его труды «Русское холодное оружие эпохи императора Николая II» (1964) и «Русские офицерские знаки» (1965). В Лондоне в 1969 г. была издана книга Е.С. Молло «Русские военные сабли. 1801–1917»³⁹.

Во второй половине XX в. эстафета военно-музейного дела в российском зарубежье переходит к эмигрантскому сообществу Русской Америки. Одним из наиболее крупных и активных центров сбора, сохранения

Материалы научной конференции 7–8 окт. 1998 г. / Под ред. А.А. Либермана М.: ГПИИБ, 2001. С. 125–134.

³⁸ Памяти Павла Васильевича Пашкова // Военная быль. 1974. Июнь. № 128.

³⁹ E. Mollo, *Russian Military Swords. 1801–1917* (London: Historical Research Unit, 1969).

и экспонирования военных реликвий, историко-мемориальных предметов, документов периода Первой мировой войны здесь стали уже упоминавшееся выше Общество русских ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско – с 1982 г. объединенное «Общество Русских Ветеранов Великой Войны и Объединение Кадет Российских Кадетских Корпусов в Сан-Франциско». В развитии его собирательской и культурно-просветительской деятельности существенную роль сыграло участие деятелей военного зарубежья – коллекционеров и библиофилов, в том числе первого председателя ОРВВ генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга, передавшего Обществу собранную им богатую историческую и военно-научную библиотеку. В 1944 г. при Обществе начал действовать Военный музей, ставший символом культурной миссии российских ветеранов, включавшей сохранение памяти о старой России, в том числе в противовес идеологической политике большевиков. Один из организаторов музея при Обществе ветеранов Великой войны в Сан-Франциско писал: «Для молодежи это иллюстрация, наглядное пособие для изучения истории русской армии и флота, истории Белого движения. Для посетителей американцев – это вещественные доказательства того, за что изуверы преследовали нас, что яростно уничтожали, и как они вообще расправляются с государственными элементами и историей до их, большевиков, прихода к власти»⁴⁰. Посетителей Военного музея встречали портреты российских императоров, белых генералов, оружие, награды и другие памятники отечественной военной истории. В большинстве своем данные экспонаты были связаны с персоналиями участников вооруженной борьбы с большевизмом, имена и деятельность которых были практически полностью исключены из официального информационного и музейного пространства СССР, что придавало им дополнительную ценность в глазах организаторов и посетителей музея. Как отмечает А.А. Хисамутдинов, «ордена, полученные в боях Первой мировой войны, эполеты, формы гренадеров и гусар, знамена, сабли и палаши – все это вызывало особое чувство»⁴¹.

В 1960–1980-е гг. уход из жизни многих ветеранов и, как следствие, прекращение деятельности ряда военно-мемориальных объединений российского зарубежья способствовало сосредоточению наиболее значимых корпоративных военно-исторических коллекций в нескольких основных хранилищах. Так, в собрание Военного музея Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско влились реликвии, собранные Союзом георгиевских кавалеров и «Кают-компанией» в Сан-Франциско. Участники Пер-

⁴⁰ *Петров П.П.* Наш Музей // Вестник Общества Русских ветеранов Великой войны. 1955. № 202. С. 1.

⁴¹ *Хисамутдинов А.А.* Русский Сан-Франциско. М.: Вече, 2010. С. 47.

вой мировой войны и их потомки, проживавшие в США и других странах мира, передавали в Военный музей мемориальные предметы, документы, фотографии, связанные с историей армии дореволюционной России, эпохой Гражданской войны и судьбами российских военных эмигрантов. Значительный вклад в пополнение и систематизацию коллекций музея ОРВВ, устройство его экспозиции внес В.И. Томич (1914–2013) – создатель личного собрания, именованного «Материалы по русской военной истории» и включавшего редкие документы, фотографии, рисунки, военные карты и схемы, чертежи. На основе собранных им источников В.И. Томич осуществил фундаментальное исследование «Русские воздушные силы». Рукопись этого труда, текст которой сопровождает более трех тысяч редких фотографий, вместе с другими авторскими рукописями и архивом в настоящее время передана по желанию владельца на родину и хранится в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Другим крупным центром собирания и сохранения памятников российской истории и культуры, преимущественно военно-исторических реликвий и документов, стал музей Общества «Родина» в г. Лейквуд (штат Нью-Джерси, США), основанный в 1954 г. как организация взаимопомощи и поддержки русской культуры в изгнании. С 1957 г. началось формирование музейных коллекций, в пополнении которых участвовали многочисленные дарители – В.П. Стеллецкий, барон Г.Н. Таубе, полковник Ф.И. Елисеев, Б.Г. Греков, Н.Е. Новицкий, М.В. Хитрово, М.А. Лермонтов, Л.Н. Кэй. В состав музея влились архивы Общества бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Союза Измайловцев и ряда других эмигрантских воинских объединений.

Бывший полковник артиллерии Б.А. Николаев передал Обществу «Родина» «на вечное хранение» создававшееся им многие годы собрание материалов по истории русской армии и, особо – Константиновского артиллерийского училища, включавшее фотоальбомы, брошюры, книги, рисунки погон, терракотовые раскрашенные модели всех частей войск российской армии и т.п. Среди мемориальных предметов выделялась подлинная, чудом сохранившаяся фаянсовая тарелка из столовой Константиновского училища⁴². Следует отметить, что составление личных военно-исторических коллекций в условиях рассеяния и ограниченности материальных ресурсов нередко оказывалось более сложным делом, чем в России, в дни войны и

⁴² Кузнецов Б.М. Историческая коллекция капитана Николаева // Военная быль. 1974. Июнь. № 128. URL: <http://lepassemilitaire.ru/istoricheskaya-kollekciya-kapitana-nikolaeva-bm-kuznecov/>.

революции, когда массы ценного исторического материала были в буквальном смысле этого слова разбросаны на складах, вокзалах, в штабах и т.п.

О том, насколько хрупким был мир частного собирательства российского зарубежья, свидетельствует, в частности, коллекционерская судьба участника Первой мировой войны, Георгиевского кавалера В.Г. Рихтера, дважды создававшего и дважды (в 1918 г. и в 1939 г.) практически полностью утратившего свои коллекции монет, медалей и гравюр. Третье собрание нумизматической россики (медалей и жетонов), составленное им в Англии после Второй мировой войны, насчитывало более 3,5 тыс предметов и считалось крупнейшим на Западе. В.Г. Рихтер пользовался авторитетом как эксперт, к нему за консультациями обращались ведущие музеи и нумизматические фирмы Европы⁴³.

Многие эмигранты – собиратели и знатоки российской военной истории создавали коллекции на основе материалов, которые легко можно было переслать по почте: книг, фотографий, писем, архивных документов (коллекция В.И. Томича), а также различных моделей и реконструкций, выполнявшихся с исключительной точностью и любовью (коллекции П.В. Пашкова, Б.А. Николаева). Собрания любителей военной истории и корпоративные музеи пополнялись также работами на военно-исторические темы художников и скульпторов из числа эмигрантов. Так, начало личной коллекции Б.А. Николаева «было положено в 1935 году исполнением портрета-барельефа Императора Николая 2-го», в настоящее время хранящегося в Музее Лейб-гвардии Казачьего полка в Париже. Приобретать редкие и ценные образцы оружия, ордена, автографы на аукционах или в антикварных магазинах имели возможность лишь немногие эмигранты, обладавшие прочным финансовым положением (в их числе были Е.С. Молло, парижский антиквар и коллекционер Л.А. Гринберг и др.).

В период исхода начала 1920-х гг. российские эмигранты вывозили за границу лишь немногие личные вещи и оружие. Собрания реликвий и архивы воинских частей и подразделений белых армий сильно пострадали в период эвакуации за границу, последующих перемещений и раздроблений. Соответственно, военные музеи российского зарубежья, как видно из имеющихся обзоров и описаний, уступают по своему объему и ценности собраниям Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Центрального Военно-Морского музея, Государственного исторического музея и других ведущих музеев России. Тем не менее, в частных коллекциях и музеях русского зарубежья в 1920–1980-е гг. было

⁴³ *Рихтер В.Г.* Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. Париж: [Б.и.], 1972. С. 4.

сосредоточено множество уникальных памятников, в том числе периода Первой мировой войны. Так, в собрании музея Общества «Родина» был представлен ряд уникальных предметов – памятников военной истории России, соединяющих героику Первой мировой войны и Белого движения, среди них: личный архив участника Первой мировой войны генерал-майора А.В. Сыроболярского, включая письма к нему и телеграммы императрицы Александры Федоровны и великих княжон Анастасии и Ольги, штандарт и личные вещи генерала М.В. Алексеева, наградное оружие и френч генерала А.И. Деникина, наградная шашка «Золотое оружие за храбрость» генерала от инфантерии Н.И. Юденича, наградной офицерский кортик «Георгиевское оружие» начальника штаба Балтийского флота вице-адмирала Л.Б. Кербера за отличия в военной кампании 1914 г. на Балтийском море, полковое знамя лейб-гвардии Финляндского полка, с которым полк участвовал в Первой мировой войне, и др.⁴⁴

Историко-культурную и общественную значимость эмигрантских военных коллекций и музеев, включая комплексы материалов по истории Первой мировой войны, трудно переоценить. Не только мемориальные вещи известных военачальников и общественных деятелей, но и потерянный погон, кокарда, кружка никому теперь неизвестного штабс-капитана или юнкера, хранящиеся в эмигрантских музеях, воссоздают фрагменты исторического времени и пространства былой России, память о которой для российского зарубежья составляла высшую, непреходящую ценность. Подобные формально типовые вещи являются порой единственным уцелевшим отпечатком личности их владельца в истории XX в. Для белых эмигрантов значимость таких экспонатов, символизовавших ушедший мир российского дореволюционного офицерства, была очень велика. В 1970–1980-е гг. Общество «Родина», несмотря на малые размеры музейного хранилища, сокращение численности своих сотрудников и, соответственно, средств на содержание музея, продолжало принимать вещи и документы, которые передавали ему на хранение престарелые эмигранты или их наследники. При этом собирательская активность в сообществе российских соотечественников, объединенных традициями военной эмиграции первой волны, по-

⁴⁴ *Сабуров Л.Д.* Архивные документы Российского государственного военно-исторического архива, экспонаты, переданные российско-американским обществом «Родина», музейные предметы из фондов Центрального музея Вооруженных Сил РФ в экспозиции «Русская армия, ее союзники и противники в Первой мировой войне 1914–1918 гг.» // Международная научно-просветительская конференция «Великая война и Русское Зарубежье» и открытие выставки «Великая война 1914–1918 гг. в памяти Зарубежной России»: Краткое содержание докладов. С. 13. URL: http://www.bfrz.ru/data/images/2014/news09/240914/1914_Tezisy.pdf.

степенно снижается из-за естественного сокращения ее социальной базы. В то же время события «перестройки» и преобразования начала 1990-х гг. в России обусловили растущий интерес действующих к сохранению историко-культурных центров российского зарубежья и владельцев личных и семейных собраний военно-исторического наследия к идее установления контактов с Родиной, что в последующий период сыграло существенную роль в процессе возрождения исторической памяти об участии России в Первой мировой войне.

Историческая память о Первой мировой войне в контексте воссоединения российской и зарубежной ветвей отечественной культуры

Для создателей музеев и архивов российского военного зарубежья было характерно понимание существенной историко-мемориальной и научной значимости накопленных ими документальных источников и вещевого материала и обеспокоенность дальнейшей судьбой этих собраний, находящихся во владении частных лиц или быстро угасавших общественных организаций. Хранитель музея Общества Русских Ветеранов Великой Войны и Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов (Дома ветеранов) в Сан-Франциско Святослав Забелин, выступая в сентябре 2000 г. на XVII съезде Объединения кадет российских кадетских корпусов (ОКРК), проходившем в Канаде, говорил: «Все, что у нас имеется за рубежом, должно войти в общую сокровищницу русской культуры. Задача состоит в заботливом собирании и передаче на хранение всего, что может послужить в будущем материалом для научного изучения. Люди-одиночки, имеющие у себя коллекции или собрания, должны сами решить, куда и когда передать это, или совершенно четко распорядиться в своем завещании и назначить душеприказчика»⁴⁵.

В плане сохранения своего культурно-исторического наследия надежды большинства потомков российских эмигрантов первой волны традиционно связывались с Россией. На рубеже XX–XXI вв. процесс формирования личных и музейных коллекций военно-исторической тематики в зарубежном Русском мире, развивавшийся преимущественно силами белых эмигрантов и их потомков в первом и втором поколениях, уступает место движению спасения и возвращения воинских реликвий и архивов российского зарубежья на родину. При этом существовало активное стремление со стороны

⁴⁵ Забелин Святослав. О музеях и архивах в эмиграции // Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов. 2001. № 65. URL: <http://www.rodinahome.org/application/museum/zabelin.html>.

российских общественных организаций и культурных учреждений к сотрудничеству с зарубежным Русским миром. Проведение многочисленных встреч российских деятелей науки и культуры с потомками белых эмигрантов, обмен делегациями, возрождение в России православных традиций, открытие кадетских корпусов, устройство многочисленных конференций и выставок, посвященных русскому зарубежью, в том числе военно-исторической тематике, стимулировало процесс передачи в российские музеи, архивы и библиотеки историко-культурного наследия российской эмиграции. При этом многие знаковые акции на этом пути связаны именно с восстановлением исторической памяти об эпохе Первой мировой. Так, например, после выставки «Россия в двух войнах», прошедшей в Москве в Центральном Музее Вооруженных сил в 1993 г. с участием Общества «Родина», прибывшие из США экспонаты по решению Совета Старшин Общества были оставлены в России. Позднее, благодаря группе сотрудников Российского фонда культуры, осуществивших первичный разбор и подготовку к перемещению фондов музея Общества «Родина», удалось перевести в Россию основной объем наиболее ценных материалов⁴⁶. Упомянутые выше реликвии – оружие и награды русских генералов и офицеров – участников Первой мировой войны, сохраненные Обществом «Родина», были размещены в экспозиции ЦМВС РФ «Русская армия, ее союзники и противники в Первой мировой войне 1914–1918 гг.».

В фонды Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына к настоящему времени передан целый ряд корпоративных личных, семейных архивов российских эмигрантов, включающих ценные исторические документы эпохи Первой мировой войны, а также материалы, которые показывают роль и место памяти о Великой войне в общественно-культурном и научном пространстве русского зарубежья – воспоминания ветеранов, военно-теоретические и исторические труды, документы общественных организаций российских эмигрантов, занимавшихся изучением и увековечением истории Первой мировой войны. В частности, значительной научно-информационной ценностью в контексте данной темы обладают материалы Общества ревнителей истории (Ф. 007). Общества русских ветеранов Великой войны (Ф. 080), коллекции семьи Плаутиных и входящего в ее состав архива эмигрантского «Общества взаимопомощи офицеров Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка» (Ф. 056).

⁴⁶ Юрьева И.Ю., Землякова О.К. Музейная коллекция и архив русско-американского общества «Родина» // Вестник истории, литературы, искусства. М.: [Б.и.], 2008. Т. 5. С. 493–502.

В период подготовки и проведения 100-летия вступления России в Первую мировую войну было реализовано большое число общественных инициатив, объединивших научно-культурные силы России и российского зарубежья. Среди них следует особо отметить предложение о создании в России памятника героям Первой мировой войны, которое было высказано в марте 2012 г. первым заместителем председателя Международного союза российских соотечественников, почетным председателем Координационного совета российских соотечественников в Великобритании, Н.Д. Лобановым-Ростовским и председателем Общества памяти Императорской гвардии, исполнительным председателем Франко-российского диалога А.А. Трубецким и получило поддержку Президента России В.В. Путина и широких кругов общественности. В российском зарубежье был организован сбор средств на установку памятника. Зарубежные соотечественники – потомки военных эмигрантов первой волны принимали участие в торжественное открытие монумента, которое состоялось 1 августа 2014 г. на Поклонной горе в Москве⁴⁷.

24–26 сентября 2014 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына была проведена международная научно-просветительская конференция «Великая война и Русское Зарубежье», на которой были представлены доклады российских ученых и зарубежных соотечественников – потомков участников Первой мировой войны. К началу конференции было приурочено открытие выставки «Великая война 1914–1918 гг. в памяти Зарубежной России», подготовленной на основе фондов ДРЗ имени Александра Солженицына.

В 2012–2014 гг. площадками для творческого общения и сотрудничества специалистов и любителей отечественной военной истории стали российские общественные организации – Союз потомков российского дворянства и Союз потомков участников Отечественной войны 1812 г., многие участники которых являются также потомками участников Первой мировой войны, а также нередко имеют общих предков с российскими соотечественниками – представителями военной эмиграции первой волны⁴⁸. Многие международные мероприятия с участием зарубежных соотечественников, посвященные возрождению и сохранению исторической памяти о российских героях Первой мировой войны, проводятся при поддержке Российского исторического

⁴⁷ Интервью Оксаны Карнович с князем Никитой Дм. Лобановым-Ростовским о создании в Москве памятника русским воинам, павшим в Первой мировой войне // Новый журнал. 2014. № 277. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2014/277/221-pr.html>.

⁴⁸ Шулаков С. Россия не может быть в стане проигравших... // Историк: Журнал об актуальном прошлом. URL: https://историк.рф/special_posts/россия-не-может-быть-в-стане-проигравш/.

общества (РИО)⁴⁹. Большой вклад в развитие культурного диалога с зарубежным Русским миром, в том числе в реализацию совместных проектов по увековечению памяти россиян – участников Первой мировой войны вносит Российское военно-историческое общество (РВИО). Так, в 2014–2015 гг. по инициативе РВИО в Каннах и Курси на Марне были установлены памятники воинам Русского Экспедиционного корпуса во Франции⁵⁰.

Таким образом, в процессе конструктивного взаимодействия с зарубежным Русским миром происходит возвращение на родину уникальных военных реликвий и крупных комплексов исторических источников эпохи Первой мировой войны, что является важным фактором становления единого научно-информационного пространства России и российского зарубежья, в рамках которого восстанавливается и увековечивается память о Первой мировой войне и ее участниках.

Выводы

Первая мировая война вызвала значительные изменения в мире отечественного частного собирательства и музейного дела, оказав влияние на восприятие истории и современности очевидцами военных событий. Грандиозность и трагизм эпохи Великой войны явились фактором появления новых критериев оценки общественно-культурной и научной ценности предметов и документов, в том числе массовых и типовых, отражавших текущие события – как материальных и информационных частиц будущей исторической памяти. Сбор военных реликвий и актуальных источников воспринимался деятелями науки и просвещения, включая офицеров – хранителей полковых музеев и частных коллекционеров, как гражданский долг перед будущими поколениями, патриотическая и научно-культурная миссия, что способствовало зарождению институциональной системы общественных музеев и архивов и созданию тематических частных собраний, посвященных событиям и героям Первой мировой войны, поиску новых организационных и эстетических форм музейно-выставочной работы.

После 1917 г. историческая память о Великой войне оказалась идеологически и пространственно расколота на советскую и эмигрантскую части, причем обе стороны на фоне своего идейно-политического противоборства формировали собственные концепции трактовки данной темы, что оказывало определенное влияние на сферу собирательской и музей-

⁴⁹ Россия в годы Первой Мировой войны, 1914–1918: Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). ИРИ РАН, ГИМ, Федеральное архивное агентство, Российское Историческое общество. М.: ИРИ РАН, 2015.

⁵⁰ *Полетаев В. Э.* Офицерский корпус России и российского зарубежья XX века. Подвиг. Мужество. Историческая память. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 167–175.

ной работы. Если в СССР из образов Первой мировой войны, и так весьма скромно представленных в научной и культурно-просветительной среде, практически полностью были исключены офицер, генерал, сестра милосердия, полковой священник, а на передний план выдвигалась солдатская масса, то в мире зарубежной России первоочередное значение придавалось офицерству и генералитету, существовала высокая степень персонализации военной истории. В российском послереволюционном зарубежье историческая память о Первой мировой войне присутствовала в форме личных и корпоративных военных реликвий и архивов, в том числе воинских частей и соединений, преобразованных в офицерские общества и союзы, а также как часть научно-культурного и литературного наследия российской эмиграции – в трудах военных ученых-эмигрантов, мемуарной литературе, в создававшихся в российском зарубежье музейных экспозициях, произведениях изобразительного искусства.

На рубеже XX–XXI вв. процесс возвращения на Родину военно-исторических коллекций и архивов российского зарубежья органично соединяется с государственной политикой Российской Федерации и общественными инициативами в сфере увековечения памяти о российских участниках Первой мировой войны. В настоящее время продолжается наполнение информационно-культурного пространства современной России уникальными воинскими реликвиями, историческими фактами и образами эпохи Первой мировой войны 1914–1918 гг., которые были сохранены благодаря многолетней собирательской деятельности российских эмигрантов и являются общим достоянием России и международного Русского мира.

Материалы периода 1914–1918 гг., собранные и сохраненные российскими соотечественниками за рубежом, дополняют источниковый комплекс и позволяют расширить исследовательское поле одной из главных проблем отечественной и мировой истории XX века.

© Катагощина М.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 15 ноября 2018 г.

Submitted: 15 November 2018

References

Artizov, A.N., Levykin, A.K., and Yu.A. Petrov. *Rossiya v gody Pervoy Mirovoy voyny 1914–1918: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii (Moskva, 30 sentyabrya – 3 oktyabrya 2014 g.)*. Moscow: IRI RAN Publ., 2015 (in Russian).

- Ershov, V.F. “Obshchestvo rossiyskikh veteranov Pervoy mirovoy voyny v jemigracii po materialam Russkogo Zagranichnogo istoricheskogo arhiva.” [Society of the Russian veterans of World War I in emigration on materials of the Russian Foreign historical archive] In *Poslednyaya vojna Rossiyskoy imperii: Rossiya, mir nakanune, v hode i posle Pervoy mirovoy voyny po dokumentam rossiyskikh i zarubezhnykh arhivov: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva. 7–8 sentyabrya 2004 goda*. Moscow: Nauka Publ., 2004 (in Russian).
- “Voенно-politicheskiy mir zarubezhnoy Rossii v XX v.” [The military-political world of foreign Russia in the 20th century] In *V edinom istoricheskom prostranstve: Sbornik nauchnykh statej k 60-letiyu chlena-korrespondenta RAN, doktora istoricheskikh nauk, professora E.I. Pivovara*, 164–288. Moscow: RGGU Publ., 2009 (in Russian).
- *Rossiyskoe voенно-politicheskoe zarubezh'e v 1918–45 gg.* [The Russian military-political abroad in 1918–45]. Moscow: MGUS Publ., 2000 (in Russian).
- Gefner, O.V. “Voенnye muzei v russkoy armii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.” [The military museums in the Russian army in the second half of 19th – early 20th century] In *Elektronnyy vek i muzei: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii*, 128–132. Omsk: Omsk state historical museum Publ., 2003 (in Russian).
- Goldin, V.I. *Soldaty na chuzhbine. Russkiy Obshhe-Voinskiy Soyuz, Rossiya i russkoe Zarubezh'e v XX–XXI vekah* [Soldiers in the foreign land. The Russian General and Military Union, Russia and the Russian Abroad in the 20th–21st centuries]. Arkhangelsk: Solti Publ., 2006 (in Russian).
- Higonnet, Anne. *A Museum of one's own: private collecting, public gift*. Pittsburgh; New York: Persicope Publ., 2010.
- Hisamutdinov, A.A. *Russkiy San-Francisko*. Moscow: Veche Publ., 2010 (in Russian).
- Hook, Filip. *Istoriya iskusstva i teh, kto ego sobiraet*. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2018 (in Russian).
- Ilyina, T.N. *Geroi Velikoy voyny 1914–1918: materialy Trofeynoy komissii v sobranii VIMAIViVS*. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 2014 (in Russian).
- Katagoshchina, M.V. “Muzei Velikoy voyny. Razyskaniya arhivista.” [The Museum of Great war. Investigations of the archivist] *Moskovskiy zhurnal*, no. 5 (1992): 39–44 (in Russian).
- “Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 gg. v muzeynom stroitel'stve: istoricheskaya retrospektiva i sovremennost'.” [World War I of 1914–1918 in museum construction: a historical retrospective and the present] In *Rossiya v gody Pervoy mirovoy voyny, 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii (Moskva, 30 sentyabrya – 3 oktjabrya 2014 g.)*: 680–685. Moscow: IRI RAN Publ., 2014 (in Russian).
- Kirillova, N.G. *Kollektsiya Ya. M. Lisovogo: Opyt rekonstrukcii. Katalog*. Moscow: State Public Historical Library Publ., 1997 (in Russian).
- Koroleva, G.V. “Kollektsiya Ya.M. Lisovogo, polkovnika General'nogo Shtaba Dobrovol'cheskoy Armii, v RGAKFD: Istoriya vozvrashheniya i opisaniya.” [Collection of Ya.M. Lisovy, the colonel of the General Staff of Volunteer Army, in Russian State Archive of film and photo documentary: History of return and description] *Vestnik arhivista*, no. 4–5 (2001): 135–152 (in Russian).

- Kruchinin, A.S. “Kollekciya Ya.M. Lisovogo: put’ chastnogo sobraniya.” [Ya. M. Lisovoy’s collection: a way of a private collection] In *Biblioteka lichnaya – biblioteka obshhestvennaya. (Tradicii otechestvennogo knigosobiratel’sstva): Materialy nauchnoj konferencii 7–8 okt. 1998 g.*, 125–134. Moscow: State public historical library Publ., 2001 (in Russian).
- Kuznetsov, A.M. *Voennye muzei i ih rol’ v kul’turno-prosvetitel’noy rabote s voennosluzhashchimi (1918–1991)*. Moscow: Moscow State Wood University Publ., 2008 (in Russian).
- Kuznetsov, B.M. “Istoricheskaya kollekciya kapitana Nikolaeva.” [Historical collection of the captain Nikolaev] *Voennaja byl’*, no. 128 (1974). <http://lepassemilitaire.ru/istoricheskaya-kollekciya-kapitana-nikolaeva-b-m-kuznecov/> (in Russian).
- Lasunsky, O.G. “Sobiratel’stvo kak tip mysledeyatel’nosti.” [Collecting as mysledeyatelnost type] In *Researches and materials*, 434–439. Moscow: [S.n.], 2004 (in Russian).
- Malkov, V.L. “O novyh podhodah v izuchenii Pervoy mirovoy voyny.” [About new approaches in studying of World War I] In *Poslednyaya vojna Rossiyskoy imperii. Rossiya i mir nakanune, v hode i posle Pervoy mirovoy voyny po dokumentam rossiyskih i zarubezhnyh arhivov: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoj konferencii. Moskva, 7–8 sentyabrya 2004 goda*, 17–26. Moscow: Nauka Publ., 2006 (in Russian).
- Myagkov, M. Yu., and Pahaljuk, K.A. *Velikaya vojna: sto let: izdanie podgotovleno k s’ezdu Rossiyskogo voenno-istoricheskogo obshhestva 19 aprelya 2014 g.: (po materialam nauchnoj konferencii ‘Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: istoriya i pamjat’, 11 dekabrya 2013 g., g. Moskva)*. Moscow: Nestor History Publ., 2014 (in Russian).
- Mnukhin, L. *Russkoe zarubezh’e. Hroniki nauchnoy, kul’turnoy i obshhestvennoy zhizni*. Vol. 3. Moscow; Paris: YMCA-Press, 1996 (in Russian).
- Avril, M., and Losskaya, V. *Rossiyskoe zarubezh’e vo Francii 1919–2000*. Moscow: Nauka Publ., 2008 (in Russian).
- Mollo, E. *Russian Military Swords. 1801–1917*. London: Historical Research Unit, 1969.
- Muromtseva, L.P. “Voennye muzei i muzeynye kolekcii rossiyskoy yemigracii.” [Military museums and museum collections of the Russian emigration] *Voprosy muzeologii*, no. 2 (2014): 50–63 (in Russian).
- , and Perkhavko, V.B. “Istoriya i kul’tura Rossii v muzeynyh sobraniyah yemigracii.” [History and the culture of Russia in museum collections of emigration] In *Istoriya i istoriki: istoriograficheskij vestnik*, 192–244. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Ovsyannikova, A.M. “Chastnoe kollekcionirovanie v Rossii v poreformennuyu yepohu (1861–1917 gg.).” [Private collecting in Russia during a post-reform era (1861–1917)] In *Ocherki istorii muzejnogo dela v Rossii*, 66–144. Moscow: Nauka Publ., 1960 (in Russian).
- Pamyati Pavla Vasil’evicha Pashkova [In memory of Pavel Vasilyevich Pashkov] *Voennaja byl’*, no. 128 (1974), <http://lepassemilitaire.ru/pamjati-pavla-vasil’evicha-pashkova/> (in Russian).
- Petrov, P.P. “Nash Muzey.” [Our Museum] *Vestnik Obshhestva Russkih veteranov Velikoy voyny*, no. 202 (1955): 1 (in Russian).

- Pivovarov, E.I. "Rossiyskoe zarubezh'e v mirovom intellektual'nom prostranstve XX – nachale XXI v." [The Russian abroad in world intellectual space of the 20th – early 21st century] In *Dostoinstvo istorika: k 90-letiyu so dnja rozhdeniya akademika RAN Juriya Aleksandrovicha Polyakova: (sbornik statey)*, 40–63. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- . *Rossiyskoe zarubezh'e. Social'no-istoricheskij fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom znachenii*. Moscow: RGGU Publ., 2008 (in Russian).
- Poletayev, V.E. *Oficerskiy korpus Rossii i rossiyskogo zarubezh'ya XX veka. Podvig. Muzhestvo. Istoricheskaya pamyat'*. Moscow: INFRA-M Publ., 2018 (in Russian).
- Polunina, N.M. *Kto est' kto v kollekcionirovanii staroy Rossii: Novyy biograficheskiy slovar'*. Moscow: Ripol classic Publ., 2003 (in Russian).
- Popov, A.V. "Voennye muzei i arhivy russkogo zarubezh'ya." [Military museums and archives of the Russian abroad] *Vestnik arhivista*, no. 2 (2003) (in Russian).
- Pronin, A.A. "The Russian Military Emigration: A Historiographical Aspect." *Middle-East Journal of Scientific Research* 16, no. 9 (2013), 1208–1213.
- Richter, V.G. *Sobranie trudov po russkoy voennoy medalistike i istorii*. Paris: [S.n.], 1972 (in Russian).
- Saburov, L.D. "Arhivnye dokumenty Rossiyskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arhiva, yeksponaty, peredannye rossiysko-amerikanskim obshchestvom 'Rodina', muzeynye predmety iz fondov Central'nogo muzeya Vooruzhennykh Sil RF v yekspozicii "Russkaya armiya, ee soyuzniki i protivniki v Pervoy mirovoy vojne 1914–1918 gg." [The archival documents of the Russian state military and historical archive, exhibits transferred by the Russian-American society 'Rodina', museum objects from funds of Central Armed Forces Museum of the Russian Federation to expositions "The Russian army, her allies and opponents in World War I of 1914–1918"] In *Mezhdunarodnaya nauchno-prosvetitel'skaya konferenciya 'Velikaya vojna i Russkoe Zarubezh'e' i otkrytie vystavki 'Velikaya vojna 1914–1918 gg. v pamyati Zarubezhnoy Rossii': Kratkoe sodержanie dokladov*, 13. http://www.bfrz.ru/data/images/2014/news09/240914/1914_Tezisy.pdf (in Russian).
- Saverkina, I.V. *Istoriya chastnogo kollekcionirovaniya v Rossii* [History of private collecting in Russia]. St. Petersburg: Petersburg state university of culture and arts Publ., 2004 (in Russian).
- Shodenev, S. *Arhitektory Nikolay i Konstantin de Roshfor: Novye materialy iz arhivov Parizha i Peterburga: Mezhdunar. blagotvor. vyst., 4–18 iyunya 1995 g.: Katalog* [Architects Nikolay and Constantine de Rochfor: New materials from archives of Paris and St. Petersburg: International charitable exhibition, on June 4–18, 1995]. St. Petersburg: [S.n.], 1995 (in Russian).
- Shulakov, S. "Rossiya ne mozhet byt' v stane proigravshih..." [Russia cannot be in a camp of losers ...] *Istoriik: Zhurnal ob aktual'nom proshlom*. https://historian.rf/special_posts/Russians-can-be-in-a-camp-proigravsh/ (in Russian).
- Sokolova, T.F. "Kollekciya Plautinykh v arhivnom fonde Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna." [Plautins' collection in archival fund of the House of the Russian abroad of Alexander Solzhenitsyn] *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ja imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, no. 5 (2014): 146–158 (in Russian).

- Sokolovsky, M.I. “Slovo na otkrytii vystavki 24 iyunya 1915 g.” [A Word at opening of an exhibition on June 24, 1915] *Voennyy sbornik*, no. 11 (1915): 204 (in Russian).
- Spiridonova, T.P. “Svidetel’stva navsegda. Russkie voennye relikvii v muzeyah i kollekciiyah.” [Witness forever. The Russian military relics in the museums and collections of the world] *Mir muzeya*, no. 6 (2003): 2–20 (in Russian).
- Uryadova, A.V. “Velikaya voyna i russkaya yemigraciya.” [Great war and Russian emigration] *Neprikosnovennyj zapas: Debaty o politike i kul’ture* [Emergency ration: A debate about policy and culture], no. 4 (2014): 63–74 (in Russian).
- Yuryeva, I.Yu., and Zemlyakova, O.K. “Muzeynaya kollekcija i arhiv rusko-amerikanskogo obshhestva ‘Rodina’.” [Museum collection and archive of the Russian-American society ‘Rodina’] *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. Vol. 5, 493–502, Moscow: [S.n.], 2008 (in Russian).
- Zabelin, Svyatoslav. “O muzeyah i arhivah v yemigracii.” [About the museums and archives in emigration] *Bulletin of Society of Russian former cadets in San Francisco*, no. 65 (2001). <http://www.rodinahome.org/application/museum/zabelin.html> (in Russian).
- Zherdeva, Yu.A. “Muzealizaciya Velikoy voyny: regional’naya istoriya.” [Muzealization of Great war: regional history] In *Chelovek i obshchestvo v usloviyah voyn i revoljuciy: Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferencii*, 181–187. Samara: Samara state technical university Publ., 2015 (in Russian).
- Zubova, N.L., and Katagoshchina, M.V. *Bratskoe kladbishhe v Moskve. 1915–1924. Nekropol’*, 2 vols. Moscow: Russkiy Mir Publ., 2013 (in Russian).

Аннотация: Статья посвящена формированию и судьбам личных коллекций и собраний общественных музеев по истории Первой мировой войны, сложившихся в России в 1914–1918 гг. и в Российском зарубежье в 1920–1980-е гг. В центре внимания автора собирательская деятельность коллекционеров, организаций и военно-корпоративных музеев дореволюционной России и Российского зарубежья. В 1914–1915 гг. в мире частного собирательства и музейного дела в России возникает массовое движение по увековечению текущих событий в форме создания тематических историко-культурных вещевых и документальных коллекций. После революции 1917 г. публичные музеи Первой мировой войны и наиболее значительные частные коллекции влились в общественные музейные фонды. Среди русской эмиграции в 1920–1980-е гг. собирались и сохранялись военные реликвии (награды, оружие, знамена), а также фотографии, документы, рукописи периода Первой мировой войны. Данные собрания на рубеже XX–XXI вв. стали важной частью единого научно-культурного и мемориального пространства России и международного Русского мира.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная история, частное коллекционирование, российская эмиграция XX в., Русский мир

Для цитирования: Катагощина М.В. Первая мировая война в зеркале частных и корпоративных историко-культурных коллекций России и Российского зарубежья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 151–181. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-151-181>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-182-186>

Рецензия / Book Review

**Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.:
Советская Россия и великие державы.
М.: Институт российской истории РАН,
Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.**

Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе^а, С.А. Миронюк^б
(рецензенты)

^аУниверситет Брока, L2S 3A1, Канада, Онтарио, 500 Гленридж Авеню,
Сент-Катаринс; dschimme@brocku.ca

^бРоссийский университет дружбы народов; 117198, Россия,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; privetsergey95@mail.ru

**Bystrova, Nina E. 'Russkii vopros' v 1917 – nachale 1920 g.:
Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy.
Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN,
Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 368 p.**

David Schimmelpenninck van der Oye^а, Sergei A. Mironyuk^б
(reviewers)

^аBrock University, 500 Glenridge Avenue, St. Catharines, Ontario,
L2S 3A1, Canada; dschimme@brocku.ca

^бRUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia;
privetsergey95@mail.ru

Long dismissed as the “forgotten war”, Russia’s involvement in the World War I is finally getting the attention it deserves. This renewed interest in the conflict, resulting from many commemorations and conferences, not to mention freer access to the archives, has also done much to make the Eastern Front an important part of the Great War’s broader narrative. The same is true of Russian diplomacy during the period. It is against that background that the international “Russia’s Great War and Revolution” project of has produced a two-volume collection devoted to Russia’s foreign affairs from 1914 to 1921. *‘Russkii vopros’ v 1917 – nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy* [The ‘Russian Question’ from 1917 to the beginning of 1920: Soviet Russia and the Great Powers], the new book by Dr. Nina Evgenevna Bystrova, a leading researcher

at the Institute of Russian History, is another most welcome addition to this literature.

Having combed the relevant Soviet collections, including the virtually inaccessible *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation] the author provides a detailed account of how the young Bolshevik regime faced the challenges of a hostile world. *Paris 1919*, Margaret Macmillan's study of the Versailles Peace Conference, presented a good overview of how the victorious Western powers dealt – or to put it more accurately, failed to deal – with Lenin's government. But Macmillan did not work in any Russian archives and therefore does not tell us much about Bolshevik relations with the West right after the war. This omission makes Dr. Bystrova's book all the more important for understanding the complicated history of the period.

'Russkii vopros' v 1917 – nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy examines the complicated relations between Soviet Russia and the world's leading powers from the October Revolution to the time when a number of Western governments began officially to recognise the Russian Soviet Federative Socialist Republic. Even now, a century later, many of the problems that emerged at that time remain relevant. Dr. Bystrova set herself a challenging task: "to analyse the extent to which the Soviet state achieved its foreign policy goals, its relations with such great powers as the United Kingdom, France, Italy, the United States of America and Germany, and to show the essence of their tactical differences in evaluating the Russian question" (p. 15). The monograph's approach is relatively objective, and its author has extensively relied on such sources as official documents of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, memoirs, materials from the Soviet and foreign press, some of which have been cited for the first time.

The book comprises an introduction, four chapters, a conclusion and a name index. The first chapter, "Relations between Soviet Russia and the Entente member states in late 1917 through mid-1918," covers the policy pursued by the Council of People's Commissars headed by Vladimir Lenin vis-à-vis the Entente's members and Germany during those years. This period was marked by Russia's leaving the war by signing of the peace treaty of Brest-Litovsk with Germany. Despite the fact that there was no official diplomatic relationship, the Entente's members informally stayed in touch with representatives of the new Russian authorities. One of the topics of the 'unofficial' negotiations was intervention in Russia. The author writes, "The idea of intervening in Russia at the 'invitation' or with the 'consent' of the Soviet government was actively discussed in March and April of 1918 in Entente military and political circles"

(p. 98). The monograph goes on to detail efforts to legitimise the presence of foreign troops in Russia's north and, to a lesser extent, in Siberia and the Far East. Practically at the same time, the United Kingdom, France, the USA and Japan negotiated their joint intervention in the Far East and Siberia (pp. 66–67). By then Britain had already concluded a convention with France on their activity in Southern Russia. First signed in a short version on December 4 and in an extended version on December 23, 1917, the document declared that “the Caucasus, Armenia, Georgia and Kurdistan were the British zone and the French sphere consisted of Ukraine, Bessarabia and the Crimea” (p. 39).

Bystrova pays considerable attention to the Czechoslovak Legion's revolt since it “became a kind of an instrument in international politics” (p. 106). The Legion played a substantial role in the intervention and aggravated the Russian Civil War. The author concludes the chapter by stating that the Entente's members tried to keep the Eastern Front in the war (pp. 156–157). The Bolshevik leaders pursued the policy of balancing between Germany and the Entente powers (p. 157). Efforts by the People's Commissariat for Foreign Affairs at the time “to decrease tension in its relations with Allies were in vain” (p. 157), while Germany pursued a two-faced policy in its dealings with the new regime (p. 157).

The second chapter, “Soviet Russia on the diplomatic front in the years of intervention, the latter half of 1918 through early 1919,” looks at the intervention in the Russian regions, the support provided by the Western countries to anti-Bolshevik forces, and the White movement's foreign policy. It also analyses the supplementary treaties of 27 August 1918 signed between the RSFSR and Germany.

The chapter sees the intervention as a decisive factor in the relations between the RSFSR and the Entente during this period. The author believes that the Allies had no clear-cut ambition to overthrow the Bolsheviks. As she writes, “The intervention meant to intimidate the Bolsheviks and make them conduct negotiations according to the Entente's conditions rather than an instrument of changing the regime” (p. 222). The intervention in the north of Russia is given as an example of the Entente's uneasy relations both among its members and with the local authorities and population as well as the anti-Bolshevist armies.

Bystrova notes that “all the financing, supplying and training of the troops was in allied hands” (p. 171). This is convincingly illustrated by the memoirs of V.V. Marushevskii, commander of the Russian troops of the Northern Army (pp. 171–172). Her research also demonstrates that the Entente's intervention in the Civil War is basically the story of British support of the Whites (p. 225).

The author concludes the chapter by pointing out that in autumn 1919 foreign support to White forces began to decrease. After the latter's military defeats, the Entente's members began to rely on other methods to deal with Russia, such as an economic and diplomatic blockade and a *cordon sanitaire*, in the hope that the Soviet regime's politics would grow more moderate over time (p. 237).

The third chapter, "Russia and the Treaty of Versailles," considers the Paris Peace Conference, as well as the Versailles-Washington system that resulted. Bystrova's analysis of the Versailles Treaty is of considerable interest. She naturally focuses on the clauses that affected Russia, which are mostly related to cancelling the Treaty of Brest-Litovsk and its appendices (pp. 242–255). The author believes that, despite that treaty's dissolution and provisions for reparations, Versailles provided no compensation to Russia (p. 255).

"Soviet Russia and the Entente powers in 1919 through early 1920," the fourth chapter, touches on Allied relations with Soviet Russia and the White movement as well as British and US mediation to ease hostilities between the Civil War's adversaries (p. 261). The author details plans for conferences of representatives of the opposing Russian armies on Turkey's Princes' Islands and the mission to Russia by William Bullitt, the head of the US delegation's political information division at Versailles. Efforts at setting up talks on the Turkish Islands failed because of White opposition. However, he author explains that "the 'Russian question' remained in the foreground of the peace conference's discussions. G. Clemenceau advocated putting up a barrier around Russia. W. Churchill, who substituted for Lloyd George in Paris, supported military involvement into Russian affairs" (p. 282).

The fourth chapter goes on to look at the establishment of the Third Communist International, which she sees as the Soviet government's attempt to prevent the "creation of the new world order" established by the Paris Peace Conference without Russia's participation (p. 278). She ends with the dawn of a new stage in Soviet Russia's relationship with the leading Western powers, which is characterized by a more pragmatic approach by both sides. As a result, "in late 1919 the Entente member states decided to stop the intervention that had failed to destroy Bolshevism, in January 1920 the economic blockade was actually lifted from Soviet Russia, and trade and economic relations started to emerge" (p. 356).

In her conclusion, the author summarises how relations between Soviet Russia and the West evolved from 1917 through early 1920. She ends by venturing that "Soviet Russia managed to recover its position after the geopolitical collapse of 1918. To succeed, it had to proceed along a difficult path and overcome many

obstacles, beginning with the blockade to half blockade, half peace, to a few instances de jure recognition in 1920 through 1922, and recognition [by more governments] in 1924 through 1925” (p. 362).

Bystrova’s monograph is an important and well-timed contribution Soviet diplomatic history. One of the best works on the young Bolshevik regime’s dealings with the West, it provides a comprehensive account on the period when the Soviet state was being established during World War I, the Civil War, and the Allied intervention. We very much hope that her book will be translated into English to make it more accessible to historians outside of Russia.

© David Schimmelpenninck van der Oye, Sergei A. Mironyuk, 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Поступила в редакцию: 6 октября 2018 г.

Submitted: 6 October 2018

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-187-193>

Информационная статья / Information Article

Россия и Италия в диалоге культур: к 110-летию трагедии в Мессине. Научно-общественный круглый стол. Мессина (Италия), 25 сентября 2018 г.

М.Г. Талалай^а, К. Шиманская^б

^аИнститут всеобщей истории РАН; 119334, Россия,
Москва, Ленинский пр., 32а; talalaym@mail.ru

^бМессинский университет, Поло Университарио,
Виале Аннунциата, Мессина, 98168, Италия; kchimanskaia@unime.it

Russia and Italy in the Dialogue of Cultures. Scientific and Public Round Table to the 110th Commemorative Date of the Tragedy in Messina. September 25, 2018, Messina, Italy

Michail G. Talalay^а, Kristina Chimanskaia^б

^аInstitute of World History of the Russian Academy of Sciences,
32a, Leninskiy Prospekt, Moscow, 119334, Russia; talalaym@mail.ru

^бUniversità degli Studi di Messina; Polo Universitario Annunziata,
Viale Annunziata, Messina, 98168, Italy; kchimanskaia@unime.it

25 сентября 2018 г. в Мессине (Италия) прошел научно-общественный круглый стол на тему «Россия и Италия в диалоге культур: к 110-летию трагедии в Мессине», посвященный годовщине катастрофического землетрясения на юге Италии в 1908 г. и участию в спасательной операции оказавшихся в Средиземноморье российских моряков. Сама операция стала одной из референтных точек в системе русско-итальянских отношений XX в., дав мощный импульс культурному и политическому сотрудничеству двух наций.

История тех событий весьма трагична. Землетрясение достигло интенсивности в 10 баллов по макросейсмической шкале, что в Европе, даже в сейсмологически активном Средиземноморье, случается крайне редко. От самого землетрясения и последовавшего за ним цунами пострадали стоящие по берегам пролива города Мессина и Реджио-ди-Калабрия, а также десятки других населенных пунктов. Число погибших, по разным источ-

никам, составляло не менее 70-ти, а то и 100 тыс. человек¹. В день землетрясения, 28 декабря 1908 г., близ Сиракуз стояла российская эскадра, проводившая учебные стрельбы. Ее командующий контр-адмирал В.И. Литвинов, получив на борт от мэра Сиракуз и российского консула сообщение о катастрофе, принял решение идти на помощь, и уже на следующее утро крейсер «Адмирал Макаров» и броненосцы «Слава» и «Цесаревич» вошли в Мессинскую гавань. Города практически не существовало – перед русскими моряками предстала груда развалин, подернутая облаком дыма и пыли. Живых в Мессине было меньше, чем мертвых, и в большинстве своем все они нуждались в срочной помощи медикаментами, в пропитании, крове. Но первой задачей стало спасение людей, засыпанных обломками зданий.

Все представители городских властей, кроме префекта, погибли. Оставшиеся в живых горожане были или ранены, или деморализованы, а помощь из других мест Италии еще не пришла. В первый день из-под руин удалось извлечь около ста человек, сильно покалеченных. Раскапывали вручную, причем на развалинах, при продолжающихся подземных толчках, опасность грозила почти одинаково как тем, кого спасали, так и спасателям. Но моряки пробирались туда, куда, казалось, невозможно было проникнуть; команды отказывались от пищи и отдыха – их приходилось отправлять на суда силой приказа. Русские корабли забирали по полтысячи раненых на борт и доставляли их в Неаполь, Сиракузы и другие места. Ни докторов, ни санитаров на судах не хватало, поэтому матросам и офицерам приходилось самим перевязывать раненых и ухаживать за ними.

Через несколько дней Мессина была объявлена на осадном положении (из-за частых случаев мародерства), и иностранные корабли – прибыли также англичане и французы – покинули ее порт. Русские моряки успели спасти около 800 человек и перевезли в другие города до двух тысяч пострадавших. Помощь России продолжалась и впоследствии. В столице был организован благотворительный комитет «Петербург–Мессина», собиравший для пострадавших вещи и средства. Николай II лично пожертвовал на благотворительную помощь 50 тыс. франков.

Впечатляющий рассказ о землетрясении написал живший тогда на Капри Максим Горький. Гонорары от этой публикации, переведенной на разные языки, он также передал в Фонд помощи (в 1978 г., к 70-летию трагического события, итальянский перевод книги М. Горького был переиздан в Мессине вместе с альбомом исторических фотографий). Были опубликованы и другие книги, посвященные данному трагическому событию в

¹ Никонов А.А. Между Сциллой и Харибдой. К 100-летию Мессинской катастрофы // Природа. 2008. № 12. С. 36–50.

Италии, например, профессора Горного института К. Богдановича, а также петербурженки П. Семенюты, побывавшей на месте катастрофы.

Итальянское правительство отчеканило в память борьбы с последствиями стихийного бедствия специальные медали. 3 марта 1911 г. крейсер «Аврора», совершавший учебное плавание по Средиземноморью, зашел в Мессину для получения этих медалей и подарков участникам спасательной эпопеи. Тогда же возникла идея установить в городе монумент, за который взялся итало-русский ваятель Пьетро Кюфферле, однако она не была осуществлена².

Несмотря на катаклизмы первой половины XX в., память о героизме русских моряков не исчезла, а к 100-летию трагического эпизода к нему вновь было привлечено внимание общественности. В 2012 г., в Мессине, на площади, наименованной спустя год в честь русских моряков (*Largo dei Marinai Russi*) был, наконец, водружен монумент по старой модели Кюфферле.

В 2018 г., в связи со 110-летием мессинского землетрясения, в городе вновь прошли разного рода мероприятия, в числе которых был научно-общественный круглый стол, организованный российским Фондом Андрея Первозванного и Государственным университетом Мессины. Устроители данного мероприятия поставили задачу выявить, отталкиваясь от исторического эпизода, актуальность «межкультурного диалога между представителями российской и европейской общественности в обеспечении гармоничного развития человечества, коллективного ответа на вызовы ценностного кризиса». Особое внимание, естественно, при этом обращалось на «исторические примеры встраивания российской компоненты в культуру Италии и итальянской компоненты в культуру России», и на «развитие темы переклички российской и итальянской культурной истории», которая должна «способствовать достижению понимания отсутствия между народами фундаментальных противоречий и служить демонстрацией принципиальной возможности диалога».

После чтения кратких приветствий министра культуры *В.Р. Мединского* и министра обороны *С.К. Шойгу* было зачитано более развернутое послание *Эннио Бордато*, президента организации «Помогите спасти детей», почетного жителя г. Беслан, где давалась политическая и моральная оценка кризису отношений между Востоком и Западом и подчеркивалась необходимость «восстановления доверия». *Роберто-Винченцо Тримарки*, советник по образованию и школьным услугам, обучению и культуре мэра

² M. Talalay, “Cimeli messinesi a San,” in *Il terremoto calabro-siculo del 1908. Dalla notizia alla solidarietà internazionale* (Reggio Calabria: Città del Sole Edizioni, 2010), 133–138.

Мессины приветствовал участников конференции от имени городских властей и поблагодарил за открытую в здании администрации Мессины документальную выставку, посвященную подвигу русских моряков. Ректор университета Мессины *Сальваторе Куццокреа* сообщил об обмене российскими и итальянскими студентами. Основной доклад прочитал доктор политических наук *В.И. Якунин*, председатель Попечительского совета Фонда Андрея Первозванного, в котором была дана широкая панорама русско-итальянских отношений в последние века и в особенности в начале XX в., когда «отношения между Италией и Российской империей были достаточно напряженными. <...> После спасения русскими моряками жертв Мессинского землетрясения общественная атмосфера принципиально изменилась. Итальянские газеты и журналы выходят теперь с заголовками «Да здравствует Россия, да здравствует Николай III!» <...> Этот поворот в общественном отношении привел и к повороту политическому. <...> Мессинский урок состоит в том, что сопереживание горю другого, готовность прийти на помощь и другие гуманистические проявления межчеловеческого общения оказываются теми факторами, которые принципиально могут изменить конфронтационные политические расклады». Тему дипломатических отношений между Россией и именно Сицилией развили в своих сообщениях генеральный консул РФ на Сицилии *Е.А. Пантелеев* и почетный консул РФ на Сицилии *Джованни Ричевутто*.

Последний передал приветствия министра внутренних дел Маттео Сальвини участникам Круглого стола и, говоря об итало-российских отношениях, особо подчеркнул исключительную важность присутствия на мероприятии студентов и молодежи, а также их роль в дальнейшем сохранении памяти мессинских событий. Представитель Института всеобщей истории РАН в Италии *М.Г. Талалай* рассказал, как сохранялась память о мессинских событиях в Советском Союзе и Италии: эта страница европейской истории оказалась неподвластной идеологическим разногласиям и изменениям в общественных устройствах государств. Даже русская эмиграция, в частности, писатель *И.Д. Сургучев*, трактовала мессинский эпизод как важнейшее событие русско-европейской истории³. Кроме того, операция моряков стала важной преамбулой встречи в Ракоиджи между главами государств – королем Виктором-Эмануилом III и Николаем II: встреча произошла на следующий год и подготовила военно-политическое сближение Италии и России. Военный историк из Рима *Вирджилио Илари*, председатель Итальянского общества военной истории, подготовил документированный доклад на тему «Отношения между Россией и Италией:

³ *Сургучев И.Д.* Мессина // Европейские силуэты. СПб.: Росток, 2017. С. 57–60.

1812–1917 гг.», подразумевая, прежде всего, военные отношения, не всегда простые, в том числе участие итальянских контингентов в нашествии Наполеона на Россию и в Крымской кампании, что однако не помешало дальнейшему сближению государств и их союзничеству во время Первой мировой войны. *Антонио Матассо*, преподаватель университета «Пегасо», выступил с докладом «Мессина и Россия: тысячелетие братства в исторической перспективе отношений между Средиземноморьем и славянским миром». Вспоминая о давнишних исторических, торговых, культурных и, что особенно важно, духовных связях Мессины и России, которые зародились еще во времена Византийской империи, более чем тысячу лет назад, и постоянно развивались на протяжении веков, он подчеркнул, что самая главная страница в их укреплении была вписана российскими моряками, пришедшими на помощь пострадавшим жителям Мессины.

Тему духовного единства братских народов продолжил председатель греческой православной общины города Мессина *Даниеле Макрис*. В своем выступлении «Русские, греки и итальянцы в самом сердце Средиземноморья» он рассказал о роли России, которая на протяжении веков выступает гарантом и защитником всех православных народов, проживающих в Средиземноморье, и особо остановился на историческом эпизоде, произошедшем зимой 1799 г., когда российский флот, участвовавший в антифранцузской компании, находился в Мессине. В эту тяжелую минуту и вдали от родины российские моряки нашли духовную поддержку в лице служителей православной греческой церкви.

Сценограф и писатель *Марио Фальконе* представил собравшимся свою книгу «Черная заря»⁴, опубликованную десять лет назад, в которой он описывает действительные события тех трагических дней и, в частности, героические действия российских моряков, приводит воспоминания многочисленных свидетелей и трогательный рассказ своей бабушки Луизы де Деметрио, которая, как и многие другие жители города, выжила благодаря помощи моряков российского императорского флота.

Видный русист *Стефано Гардзонио* предоставил очерк «Сицилия в творчестве русских поэтов-эмигрантов», где продолжил уже представленную им антологию для сборника «Русская Сицилия» (М., Старая Басманная, 2014). Преподаватель Мессинского университета *Т. Остахова*⁵ предоставила интересный сюжет «Диалог солидарности: Мессина и контр-адмирал Поно-

⁴ M. Falcone, *L'alba nera* (Roma: Fazi editore, 2008).

⁵ Т.А. Ostakhova, “ ‘Abbiamo visto Messina ardere come una fiaccola’. I marinai russi raccontano il terremoto del 28 dicembre 1908,” in Collana di testi e studi storici ‘Mare Nostrum. Politica, economia, società e cultura’, vol. 3 (Reggio Calabria: Casa Editrice Leonida, 2009).

марев», в котором речь идет об участнике спасательной операции, морском офицере В.Ф. Пономареве. Оказавшись после известных событий в эмиграции, он обратился с призывом о помощи к жителям Мессины и получил ее⁶. Филологическую линию продолжила другой преподаватель Мессинского университета К. Шиманская «Землетрясение в Мессине в русской литературе», сосредоточившись на поэтических откликах А. Блока и И. Бунина на катастрофические события, в определенной мере повлиявшие на мировоззрение обоих поэтов, и, в частности, сопоставила их трактовку калабро-сицилийской трагедии⁷. Русист и переводчица *Мондаини Маринелла* сообщила о малоизвестном современном отклике итальянских мастеров искусства на события в Мессине – о музыкальной кантате, посвященной подвигу моряков. Настоятель православной общины во Флоренции (Русская Зарубежная Церковь) *протоиерей Георгий Блатинский* сделал сообщение на тему «Православный храм во Флоренции как плод взаимодействия русской и итальянской культур», отметив, что в этом памятнике гармоничным образом сплелись разные тенденции, так как его строили итальянские мастера по проектам русских авторов. *Е.А. Маслова*, научный сотрудник Института Европы РАН, в своем сообщении на тему «Италия как привилегированный партнер России», говоря о вековой истории отношений России и Италии, напомнила об основах стратегического сотрудничества между Италией и Россией, подчеркнув, что в «нынешних условиях похолодания отношений между Евросоюзом и Россией Италия активно выступает за диалог с Москвой <...> В марте 2015 г. премьер-министр М. Ренци стал первым лидером западных стран, приехавшим в Москву с официальным визитом после введения санкций Европейским союзом и США. <...> Италия продолжает оставаться одним из основных торговых партнеров России и стремится не отказываться от взаимовыгодных контрактов. По словам директора Итало-Российской торговой палаты в Москве М. Флорио, лозунг итальянских предпринимателей – «не выходить с рынка»». Обстоятельный доклад Масловой вывел рассказ о событиях начала прошлого века к архисовременной проблематике.

А. Уваров, научный работник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в своем докладе «Россия и Италия: имперское прошлое как часть национальной идентичности» проводит параллель между исторической судьбой России как наследницы великой ви-

⁶ *Остахова Т.А.* Судьба командира крейсера «Адмирал Макаров» В.Ф. Пономарева – участника спасения жертв мессинского землетрясения 1908 года // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 221–223.

⁷ К.А. Chimanskaia, “Blok e I. Bunin sul terremoto di Messina,” in *Il terremoto calabro-siculo del 1908. Dalla notizia alla solidarietà internazionale* (Reggio Calabria: Città del Sole Edizioni, 2010), 113–124.

зантийской империи и Италией как преемницы несокрушимой империи античного мира, которая заложила основы европейской цивилизации и на протяжении веков являлась культурным центром Европы. Он подчеркнул, что и в современную эпоху обе страны объединяют развитые культура и наука. Студент Мессинского университета *Винченцо Триподо* в своем докладе «Италия и Россия. Точка зрения молодых сицилийцев» представил присутствующим взгляд молодежи на проблемы сотрудничества между двумя странами, подчеркнув, что интенсификация российско-итальянских коммерческих связей, всплеск которых наблюдается в настоящий момент на Сицилии, обуславливает спрос на специалистов, владеющих русским языком. Таким образом, огромная работа, которая проводится Мессинским университетом для поддержания изучения русского языка, является очень важной и позволяет конкретным образом подойти к решению вопроса занятости молодых специалистов. Данную тему поддержал в своем выступлении «Молодежь Италии и России: ответ вызовам современности» представитель Московского государственного областного университета *Павел Голумбовский*, который проанализировал современную ситуацию в обществе и пришел к выводу о том, что в момент экономического кризиса для решения социальных проблем огромная роль отводится семье и воспитанию семейных ценностей у молодежи. С этой точки зрения, по его мнению, Италию и Россию объединяет единая система ценностных ориентаций.

С заключительным словом выступили модераторы, которые подвели итоги круглого стола. *Джованни Ричевуто* выразил особое удовлетворение плодотворными результатами, которые были достигнуты в ходе обмена мнениями между участниками, и выразил надежду, что и в дальнейшем Мессина может быть постоянным центром культурных отношений между Россией и Сицилией и, в целом, между Россией и Италией. Это предложение поддержал *В.И. Якунин*, который, говоря об итало-российских отношениях, напомнил собравшимся, что поводом круглого стола были «трагические события 1908 г., которые позволили эти отношения очистить от каких-либо наслоений кроме чисто человеческой боли, сострадания и помощи». Уже не первый раз проходят мероприятия такого рода, «и всякий раз находишь бездну новой информации, которая еще раз вдохновляет к новым встречам, к новым обсуждениям, к новым поискам».

© Талалай М.Г., Шиманская К., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

НАШИ АВТОРЫ

CONTRIBUTORS TO THIS ISSUE

Бочарова Зоя Сергеевна (г. Москва, РФ) – доктор исторических наук (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2006 г.), профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. Область научных интересов: история и историография российской эмиграции, феномен Зарубежной России 1920–1930-х гг., правовое положение, адаптация беженцев, миграциология, международные миграции, глобальная миграция. Является автором четырех монографий, включая *Феномен Зарубежной России 1920-х годов* (2014) и *Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию Зарубежной России* (2014). В настоящее время работает над статьей о Ф. Нансене, о Комитете по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике, над комментариями воспоминаний В.В.Стратонова. E-mail: zsbotcharova@mail.ru

Волкова Ирина Владимировна (г. Москва, РФ) – доктор исторических наук (Институт российской истории РАН, 2006 г.), профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Область научных интересов: военно-историческая антропология, военно-гражданские отношения, армия в политическом процессе, советское фронтовое поколение. Автор более 50 работ, включая две монографии: *С.М. Соловьев. Жизненный путь и историческая концепция* (2018) и *Русская армия в русской истории* (2005). В настоящее время занимается разработкой цикла статей о военной подготовке в предвоенной советской школе. E-mail: wolkowa-irina@yandex.ru

Галкина Юлия Михайловна (г. Екатеринбург, РФ) – ассистент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Область научных интересов: история франко-русских и франко-сербских отношений конца XIX – первой половины XX в. и Первой мировой войны. Специализируется на изучении деятельности института французской военной миссии в годы Первой мировой войны в России, Румынии, Сербии. Основные публикации: Реорганизация французского представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917) // *Quaestio Rossica*, no. 1 (2017): 241–254 (в соавторстве с В.А. Бабинцевым); К вопросу о французском следе в «деле Локкарта»: кто такой Анри Вертамон? // *Клио*, no. 3 (2018): 176–186. E-mail: galkinskaya@gmail.com

Дмитриев Николай Иванович (г. Екатеринбург, РФ) – кандидат исторических наук (Уральский государственный университет имени А.М. Горького, 1985 г.), доцент кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета (УрФУ) имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, научный редактор исторического альманаха *Белая армия. Белое дело*, лауреат премии МИД Чешской республики «Gratias agit» (2009). Сфера научных интересов: Белое движение на востоке России, социально-эконо-

мическая политика антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны, история Чехословацкого корпуса в России. Автор более 200 научных трудов, в том числе монографий: *Белый Алапаевск* (2012), *16-й Ишимский стрелковый полк* (2014), *Чешский след на уральской земле* (2015). Публикуется и переводится в Чешской республике. E-mail: babd@mail.ru

Катагощина Мария Всеволодовна (г. Москва, РФ) – кандидат исторических наук (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2005 г.), старший научный сотрудник Отдела письменных источников Государственного исторического музея. Специализируется в области истории музейного строительства, частного коллекционирования и антикварного дела в России и Российском зарубежье XIX – начала XX в., генеалогии, регионоведении. Является автором монографий: *Антиквары старой России* (2004) и *Антикварное дело в России XVIII – первой трети XX века* (2014), соавтором издательского проекта *Братское кладбище в Москве. 1915–1924. Некрополь* (2013). E-mail: marya.katagoshina@yandex.ru

Миронюк Сергей Алексеевич (г. Москва, РФ) – аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов, магистр истории (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2017 г.). Сфера научных интересов связана с историей Гражданской войны и участием Великобритании в иностранной интервенции в России. Автор публикаций в сборниках научных конференций молодых ученых. В настоящее время работает над статьей «*Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции после Компьенского перемирия (по документам Военного Кабинета министров Великобритании ноября–декабря 1918 г.)*». E-mail: privetsergey95@mail.ru

Оськин Максим Викторович (г. Тула, РФ) – кандидат исторических наук (Московский педагогический государственный университет, 2003 г.), доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законовведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации. Автор монографии *Хлеб для фронта: продовольственное и фуражное снабжение русской армии в период Первой мировой войны и революции (июль 1914 – октябрь 1917)* (2018). В настоящее время работает над диссертацией на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: *Продовольственный вопрос в России и снабжение армии в период Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917)*. E-mail: maxozv@yandex.ru

Поршнева Ольга Сергеевна (г. Екатеринбург, РФ) – доктор исторических наук (Уральский государственный университет имени А.М. Горького, 2000 г.), профессор, заведующая кафедрой истории и социальных технологий Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (УрФУ) имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Область научных интересов: социокультурная история России и Урала первой трети XX в., Первая мировая война, Революция 1917 г., Гражданская война в России, историческая имагология. Является автором семи монографий, в том числе *Раннесоветское общество как социальный проект. 1917–1930-е гг.: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования* (2018) (в соавторстве). В настоящее время работает над проблемой социального

проектирования «нового человека» в раннесоветский период и темой политики памяти и исторической памяти о Первой мировой войне. E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид (г. Сент-Катаринс, Канада) – Ph.D. in History (Йельский университет, 1997 г.), профессор кафедры истории Университета Брока, член Королевского общества Канады. Специалист по дипломатической, военной и культурной истории России XVIII–XIX вв. Автор трех монографий, в том числе переведенных на русский язык: *Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией* (2009), *Русский ориентализм* (2019). В настоящее время работает над проектами *Russia's Great Game: The Struggle for Mastery in Central Asia, An International History of Russia's Great War* (совместно с Олегом Будницким, Майклом Хьюзом и Дэвидом Макдональдом) и *Beyond Fabergé: Imperial Russian Jewellery* (в соавторстве с Мэри Е. Бэттели). E-mail: dschimmelpennin@brocku.ca

Талалай Михаил Григорьевич (г. Милан, Италия) – кандидат исторических наук (Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), 2002 г.), ассоциированный научный сотрудник и представитель ИВИ РАН в Италии. Научные интересы: русско-итальянские связи, русское присутствие в Италии. Автор ряда книг, в том числе монографии *Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии* (2011), награжденной Макарьевской премией 2012 г. Куратор книжных серий *Русская Италия* в издательстве “Старая Басманная”, *Италороссика* в издательстве “Индрик”, «Италия/Россия» в издательстве «Алтейя». E-mail: talalaym@mail.ru

Чиняков Максим Константинович (г. Москва, РФ) – кандидат исторических наук (Московский педагогический государственный университет, 2006 г.), доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования МПГУ, ученый секретарь организации «Общество памяти воинов Русского экспедиционного корпуса (1916–1918)». E-mail: mk.chinyakov@mpgu.su

Шиманская Кристина (г. Мессина, Италия) – преподаватель русского языка Департамента древних и современных культур Мессинского университета. Научные интересы связаны с русской литературой и филологией, лингвокультурологическим аспектом эпиграфик. Имеет ряд публикаций по русской литературе (по творчеству А. Блока и И. Бунина) и по русскому языку. В настоящее время работает над статьей о В. Токаревой (Aracne editrice, Roma). E-mail: kchimanskaia@unime.it

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2020 Г.**CALL FOR PAPERS FOR THE 2020 ANNUAL PROGRAM**

Жизнь наций СССР в 1920–1930-х гг.
<i>Прием статей до 1 ноября 2019 г. • Deadline for submissions: 1 November 2019</i>
В рамках данной проблематики предлагается обсудить различные аспекты национально-государственного устройства СССР в сталинский период с учетом изменения статуса территорий, характера взаимоотношений «центра и периферии», рассмотреть практики регулирования межнациональных отношений, статус и положение национальных элит, изменения в религиозно-национальной политике в послевоенный период, функционирование механизма государственного контроля за ее исполнением.
Народы СССР в годы Великой Отечественной войны: к 75-летию Победы
<i>Прием статей до 1 февраля 2020 г. • Deadline for submissions: 1 February 2020</i>
В рамках данной проблематики важно осветить вопросы, связанные с участием народов СССР в боевых действиях против фашизма, организации обороны и работе тыла; показать «человека войны» в микроистории и истории повседневности, раскрыть проблему ценностей, представлений, верований и традиций народов в условиях войны, механизм формирования героических символов, проявление религиозности и атеизма в боевой обстановке; проблемы депортации отдельных народов и их последствия. Предполагается специально осветить процесс эволюции исторической памяти о Великой Отечественной войне в советском и постсоветском обществе.
История юго-восточного фронта России
<i>Прием статей до 1 мая 2020 г. • Deadline for submissions: 1 May 2020</i>
Выпуск номера приурочен к 285-летию с момента первого основания города Оренбург (26 августа 1735 г.). В рамках предлагаемой проблематики предполагается обсудить вопросы, связанные с межкультурным взаимодействием на территории исторического Оренбургского края, игравшего в дореволюционный и советский периоды роль фронта в треугольнике «Русский мир – Башкирия – Казахская степь»; будут рассмотрены: история закрепления за Россией Башкирии и Казахской степи, феномен оренбургского и уральского казачества, политика по отношению к «иногородцам» и становление национальных интеллигенций, имперская и советская национальная политика в регионе, межкультурное взаимодействие в рамках освоения целины.
Этническое и конфессиональное многообразие России и СССР: восприятие властью и обществом
<i>Прием статей до 1 августа 2020 г. • Deadline for submissions: 1 August 2020</i>
Выпуск номера приурочен к 115-летию подписания указа о веротерпимости (17 апреля 1905 г.) и 30-летию принятия закона Верховным Советом СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1 октября 1990 г.). В рамках предлагаемой тематики могут быть рассмотрены различные направления этнической и конфессиональной политики власти в центре и на местах. Предполагается обсудить отношение русского общества к этническому многообразию страны, провести анализ восприятия интеллигенцией национальной и конфессиональной политики государства, провести реконструкцию идейных проектов решения национального вопроса, разработанных различными политическими силами России XX в.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом от 40 до 60 тыс. знаков, включая подстраничные сноски и межсловные интервалы (пробелы) и без учета аннотаций и References, в формате MS Word с типом файла DOC. В редакцию должны быть направлены два файла.

Первый файл должен содержать в себе статью без указания автора. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы).

Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования. В сносках обязательно необходимо указывать название издательства. В случае его отсутствия ставить пометку [Б.и.], если цитируемая публикация на русском языке или [S.n.], если цитируемая публикация на иностранном языке.

Вторым файлом по электронному адресу корпоративной почты журнала направляются **текст англоязычной аннотации** объемом не менее 250 и не более 300 слов и ее русскоязычный исходный текст; название статьи, ФИО автора, название организации и ее адрес на русском и английском языках.

Здесь же автор размещает развернутую **информацию о себе** на русском языке с указанием города проживания, страны, ученой степени (в скобках необходимо дать информацию о месте и годе защиты), ученого звания, места работы, должности, основных научных достижений, научных проектов, контактного e-mail.

Также в файле размещается библиографический список в латинизированной форме – “**References**”, который выстраивается в английском алфавите. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстраничных сносках и производится в соответствии с правилами “*Чикагского стиля цитирования*” (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте “*Note and Bibliography System*”. При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press., если указывается типография).

Файлы направляются по электронному адресу корпоративной почты журнала: rushistj@rudn.university. Анонимный файл с рукописью должен быть дополнительно загружен на сайт журнала для проведения внешнего «слепого» рецензирования.

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Адрес электронной почты: rushistj@rudn.university

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
